

ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Инициаторы движения за экономию сырья стахановки Купавинской тонкосуконной фабрики М. Рожнева и Л. Кононенко знакомят молодых работниц с методами своей работы. На снимке (слева направо): Л. Кононенко, М. Рожнева, Т. Федорова, А. Никонова, М. Федорова, Ф. Семова, В. Филина и К. Катушина.

Фото Г. Александрова.

На первой странице обложки: готовые автомашины «Москвич» выходят из ворот завода.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: на пляже в Одессе.

Фото Э. Гутгарца.

С каждым годом все лучше и красивее становится столица республики — Дзауджикау. На снимке: площадь перед Домом Советов. Недавно здесь открыт памятник Серго Орджоникидзе.

сколько грамотных жителей из местной знати, сейчас нет ни одного неграмотного. Сотни колхозников имеют семилетнее и среднее образование. В селении свой радиоузел, несколько школ, больница с рентгеновским кабинетом, библиотека.

Кроме общественной библиотеки, есть здесь еще одна, в которой около тысячи томов. Рядом с «Осетинской лирой» К. Хетагурова и «Нартскими сказаниями» на полках стоят книги Ленина и Сталина, Толстого, Горького и Пушкина. Немало здесь также книг советских писателей: Маяковского, Фадеева, Фурманова, Исаковского, переведенных на осетинский язык. Эта библиотека принадлежит колхознику А. М. Базаеву.

Зажиточность и культура не пришли сами собой. Они завоеваны упорным трудом осетин при поддержке и с помощью русского народа. Хорошо об этой помощи сказал старый колхозник Кесаев:

— Тракторы у нас из Сталинграда, машина на электростанции из Ленинграда, а главная помощь из самого сердца — из Москвы.

* * *

В день двадцатилетия своей автономии трудящиеся Северной Осетии в письме к товарищу Сталину писали:

Коням подобно непокорным
И необузданным вовек,
Скакало по ущельям горным
У нас немало буйных рек.
Их обуздав, мы покорили,
И в упряжи ходить уча, —
Колхозы наши озарили
Мы лампочками Ильича.

Первой была «обучена ходить в упряжке» река Гизельдон, чьи стремительные воды ворочают валы турбин первой в СССР высоконапорной гидроэлектростанции. Станция на Гизельдоне была началом сплошной электрификации сельских районов республики.

Сейчас в республике широко развернулось строительство колхозной электростанции — БеканГЭС. Она находится на берегу свирепого Терека. Но Терек здесь упомянут лишь как часть пейзажа. Его быстрые воды прямого отношения к БеканГЭС'у не имеют.

В трех километрах от станции из земли выходят Бекановские родники. На своем пути к Тереку они из небольших ручейков превращаются в бурный поток. Вода этого потока не замерзает в самые сильные морозы, и дебит его в отличие от Терека не изменяется и одинаков во все времена года.

Поэтому инженер Хубецов, местный житель, хорошо изучивший свойства родников, предложил строить гидроэлектростанцию не на Тереке, а на родниках.

В 1941 году первая турбина БеканГЭС'а дала свет в колхозные дома. Война помешала дальнейшему расширению станции. БеканГЭС стала передним краем обороны, и на месте станции остались развалины. Ее первая турбина была восстановлена в 1944 году. Скоро заработают еще две турбины, и 35 тысяч лампочек Ильича загорятся в 33 колхозах.

Сейчас колхозники сооружают земляной вал, который опояшет водохранилище. Сюда будут направлены воды родников, и уже оттуда они пойдут в турбинные камеры.

...На высоком холме собрались руководители колхозных бригад, работающих на стройке: Лука Никитович Чикиль из «Красного Кавказа», Федор Григорьевич Гаврилей из «Красного Октября», парторг «Большевика» Асланбек Лолаев. Все в прошлом фронтовики, солдаты.

Был час послеобеденного отдыха. Освеженный дождем воздух чист и прозрачен. Ясно видны горы, белая шапка Казбека казалась совсем рядом. Колхозники спали под брезентовыми тентами. Асланбек Лолаев сказал:

— Нелегко все это нам дается. Но, как бы трудно ни было, все сделаем. Для себя делаем!..

Лолаев улыбнулся и повторил:

— Для себя делаем! Для нашего родного Кавказа, для страны!

Лука Никитович Чикиль, бросив окурок в бывший окоп, добавил:

— Все труды оправдаются. Будем получать дешевый ток.

Затем начался разговор о будущем. У каждого свои планы на «Беканское море»:

— Заведем рыбное хозяйство...

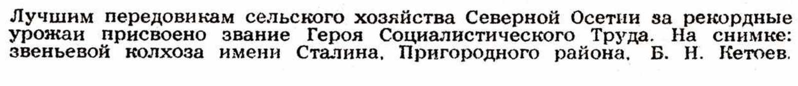
— Птиц разведем...

— Дом отдыха построим, водную станцию...

Вполне реальные мечты.

Особенно хорошо на БеканГЭС'е в сумерках. Огни мелькают на

Лучшим передовикам сельского хозяйства Северной Осетии за рекордные урожаи присвоено звание Героя Социалистического Труда. На снимке: звеньевой колхоза имени Сталина, Пригородного района, Б. Н. Кетоев.

холмах. Ярко освещены окна станции. Отчетливо видна величественная скульптура Ленина.

* * *

Герой Социалистического Труда колхозник Шамиль Дзгоев метко сказал:

— Сравнивать нашу Советскую Северную Осетию с тем, что было на ее территории 30 лет назад, — это то же самое, что сравнивать величавый Казбек со степным курганом.

Это сравнение вполне подходит не только к сельскому хозяйству Северной Осетии, но и к ее промышленности.

В томе Большой Советской Энциклопедии, вышедшем в 1930 году, можно прочитать о Северной Осетии:

«Промышленность слабо развита и имеет лишь местное значение».

Сейчас это утверждение очень устарело. Промышленность республики далеко шагнула вперед.

Имеются первоклассные предприятия, оснащенные передовой советской техникой, и далеко не местного значения.

К местным предприятиям здесь относят такие, как Алагирский комбинат гнутой мебели или швейная фабрика, выпускающие продукцию на десятки миллионов рублей. Одни названия заводов говорят, конечно, мало. Что скажет, например, такое название, как «Стеклотара»? На первый взгляд может показаться, что это какая-нибудь небольшая артель. А на самом деле «Стеклотара» — один из самых крупных в Союзе стекольных заводов и выпускает десятки миллионов консервных банок в год.

Мало что говорит и такое название — «Беслановский маисовый комбинат». Но равного ему нет во всей Европе. Комбинат перерабатывает миллионы пудов кукурузы. Во все концы нашей страны отправляются отсюда эшелоны с крахмалом, сахаром, патокой и кормами.

* * *

В отделе «Местная хроника» дореволюционная газета «Терек» однажды напечатала:

«Преподаватели параллельных классов реального училища предупреждены о закрытии этих классов. Дело в том, что классы эти, как известно, помещаются в одном здании с банями Береславцева. Санитарный надзор признает такое совместительство недопустимым».

Речь шла о реальном училище во Владикавказе — городе, в котором жили военные, дворяне, крупные торговцы, чьих детей царское правительство учило. А вот о том, каков был уровень просвещения горцев, можно узнать из краткой справки «Терского календаря» за 1915 год:

«Среди неказачьего населения области процент грамотных незначителен, что объясняется тем, что главную массу составляют разноплеменные горцы, которые почти поголовно безграмотны».

В 1920 году на съезде народов Терской области, происходившем во Владикавказе, товарищ Сталин сказал:

«Основное зло, которое угнетало горцев всю жизнь, — это их отсталость, их невежество. Только искоренение этого зла, только широкое просвещение масс может спасти горцев от вымирания, может приобщить их к высшей культуре».

Теперь нет в Северной Осетии селения, в котором не было бы школы. Двести шестьдесят четыре школы, из которых 73 полных средних, насчитывается сейчас в этой маленькой республике.

На том же съезде народов Терской области товарищ Сталин говорил:

«Весь смысл автономии в том, чтобы она втянула горцев в управление своей страной...

Результаты автономии скажутся не сразу: нельзя в один день создать из местных людей опытных работников по управлению страной. Но не пройдет двух-трех лет, как вы втянетесь в управление своей страной и выделите из своей среды учителей, хозяйственников, продовольственников, землеустроителей, военных, судейских и вообще партийных и советских работников. И тогда вы увидите, что научились самоуправляться».

Большая роль в создании национальных кадров принадлежит четырем институтам Северной Осетии: горнометаллургическому, медицинскому, педагогическому и сельскохозяйственному.

В любом колхозе, на каждом заводе, в каждой школе, больнице можно видеть, как осетинская интеллигенция, выращенная за годы советской власти, трудится не покладая рук.

Но высшие учебные заведения республики, как и ее промышленность, давно перестали быть только местными.

Воспитанники горнометаллургического института, к примеру, работают на Урале, в Норильске, Магнитогорске. Есть среди них и профессора и лауреаты Сталинской премии. И в этом году полтораста молодых горных инженеров скоро отправятся в Орск, на Балхаш и Алтай. Несколько сот врачей, педагогов, агрономов — выпускников остальных трех институтов — пополнят ряды интеллигенции нашей страны.

Скоро исполнится четверть века существования Североосетинского научно-исследовательского института. Все его отделения: истории, экономики, языка и литературы — ведут большую, интересную научную работу.

Недавно в обком ВКП(б) пришли телеграммы, из которых стало известно, что коммунист Х. К. Дзокаев защитил в Москве диссертацию и получил ученую степень доктора экономических наук, а С. Д. Кулову, Х. С. Черджиеву и А. Т. Джикаевой присвоена степень кандидата наук. В Северной Осетии много кандидатов наук, доцентов, профессоров. Но каждое новое сообщение о получении горцем ученой степени радостно воспринимается, потому что народное просвещение, наука в республике стали родным, кровным делом всех трудящихся.

Увеличивающееся с каждым годом количество школ, свои институты, свои научные кадры — разве это не свидетельство тому, как североосетинские большевики претворили в жизнь указание великого Сталина об искоренении извечного зла — темноты и невежества?

* * *

Есть у основоположника осетинской литературы, национального поэта Косты Хетагурова стихотворение «На смерть горянки». Глубокой скорбью за многострадальную судьбу женщины родной страны преисполнены строки стихотворения:

Не рыдайте безумно над ней —
Она цели достигла своей, —
Тягость жизни, нужда и невзгоды
С колыбели знакомы уж ей.
Хорошо умереть в ее годы!..
Ничего, что она молода...
Кроме рабства, борьбы и труда,
Ни минуты отрадной свободы
Ей бы жизнь не дала никогда...
Хорошо умереть в ее годы!

Да, ничего, кроме рабства и тяжелого труда, не ожидало женщину-горянку в досоветское время. Старинная горская пословица лаконично, но выразительно определяла положение женщины: «Обязанностей сто, а право одно — спокойно сносить упреки мужа».

Ольга Николаевна Туаева, депутат Верховного Совета РСФСР, доцент педагогического института, — большой знаток осетинского языка и литературы. Сейчас Ольга Николаевна, кроме педагогической работы, занята составлением толкового словаря осетинского языка. Разве могла бы в старое время Ольга Туаева даже мечтать о том, что она станет ученым и будет представлять свой народ в верховном органе власти?

С гордостью называет осетинский народ имя Вероники Дударовой, талантливого дирижера, с успехом выступавшей в Москве, в Большом театре СССР и на концертах в Колонном зале Дома союзов.

Большой популярностью пользуется недавно вышедшая в свет первая часть трилогии «Осетины». Автор этой книги — Еветхан Уруймагова. Писательница — уроженка селения Дигора. Здесь она училась в средней школе, а затем, окончив литературный факультет Североосетинского педагогического института, вернулась в родное селение и написала книгу о своем народе.

Всюду, где нужны проворные, заботливые женские руки, можно видеть осетинок, работающих бок о бок со своими сестрами — русскими женщинами. На Беслановском маисовом комбинате, на «Стеклотаре», у щитов электростанций — везде трудятся осетинки: работницы, мастера, инженеры.

Немало женщин-осетинок среди партийного и советского актива Северной Осетии. Вся республика знает секретарей райкомов ВКП(б) и работников райисполкомов Кесаеву, Хетагурову, Кусаеву, Туккаеву, Тадееву, секретаря обкома ВЛКСМ депутата Верховного Совета СССР Кулумбекову и других, являющихся золотым фондом национальных кадров республики.

* * *

Столица республики в 1944 году получила старое осетинское название — Дзауджикау.

Многие советские города навечно связаны со светлыми образами замечательных людей нашей эпохи. В Дзауджикау свято хранят память о пребывании и революционной деятельности Сергея Мироновича Кирова и Серго Орджоникидзе. Именно им город обязан тем, что он сыграл большую роль в борьбе за свободу трудящихся не только Северной Осетии, но и всего Северного Кавказа.

С. М. Киров впервые появился во Владикавказе в 1909 году. Под его руководством большевистская партийная организация стала центром революционного движения на Тереке.

Неоднократно бывал во Владикавказе Сергей Миронович в годы гражданской войны. С. М. Киров и чрезвычайный комиссар Юга Серго Орджоникидзе организовывали и укрепляли здесь советскую власть.

В республике многое напоминает о Кирове и Орджоникидзе. В честь их названы предприятия и колхозы, улицы и районы. С большой любовью собраны и хранятся в музее их имени вещи и документы, напоминающие о верных учениках и соратниках Ленина и Сталина. Недавно в Дзауджикау был открыт памятник Серго Орджоникидзе.

Сегодняшний Дзауджикау—это индустриальный, вузовский город. В нем 2 театра, осетинский и русский, филармония, музеи, издательство, выпустившее несколько миллионов экземпляров книг на осетинском языке. В городе живет много интеллигенции, работников искусства и литературы.

Семь лет назад совсем рядом с Дзауджикау проходила линия фронта. Немало вреда причинили городу фашистские бомбардировщики и дальнобойная артиллерия. Но именно здесь, под Дзауджикау, были остановлены и разгромлены немецкие моторизованные дивизии Клейста, рвавшиеся к бакинской нефти. Рядом с русскими солдатами сражались и осетины — верные сыны своего социалистического Отечества.

Залечены раны войны. Чисты, опрятны залитые асфальтом улицы Дзауджикау. Прохладны его густые каштановые аллеи.

Великолепен в городе парк имени Косты Хетагурова. Кроны столетних деревьев сплетают зеленый шатер. Сквозь пышную листву сверкают лучи солнца. Чудесный вид открывается из парка, с берега шумного Терека. Совсем близко Столовая гора, чуть правее от нее заснеженный Казбек.

Особенно оживленно по вечерам на главной улице — проспекте Сталина. Спешат машины, бегут, позванивая, трамваи.

* * *

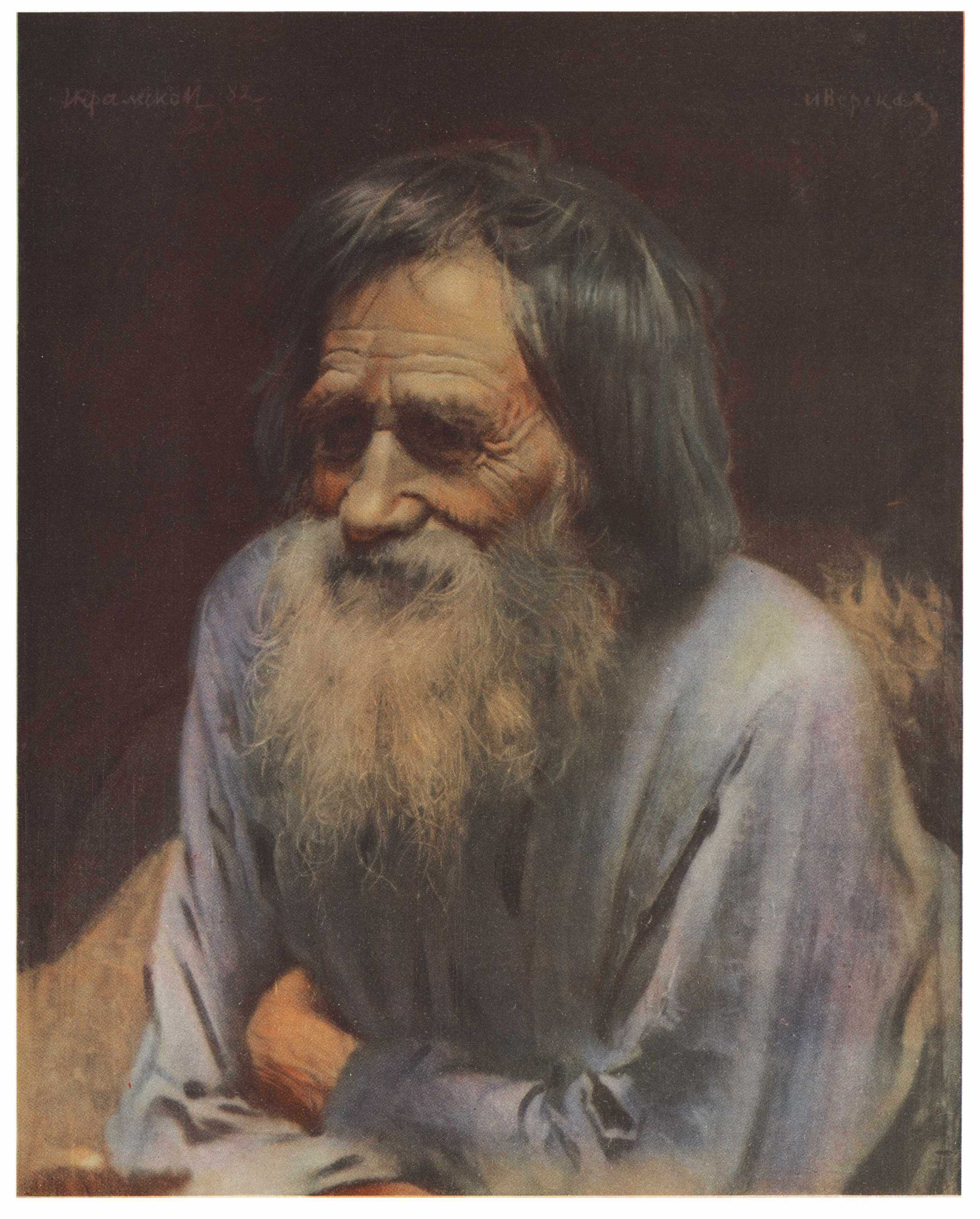
Коста Хетагуров мечтал, что наступит время, когда его родной Иристон[1] будет счастливой землей. Она стала счастливой, эта старая, плодородная кавказская земля. Ее сделали такой осетины в тесной дружбе с великим русским народом, под руководством партии большевиков.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Дзауджикау, июнь 1949 года.

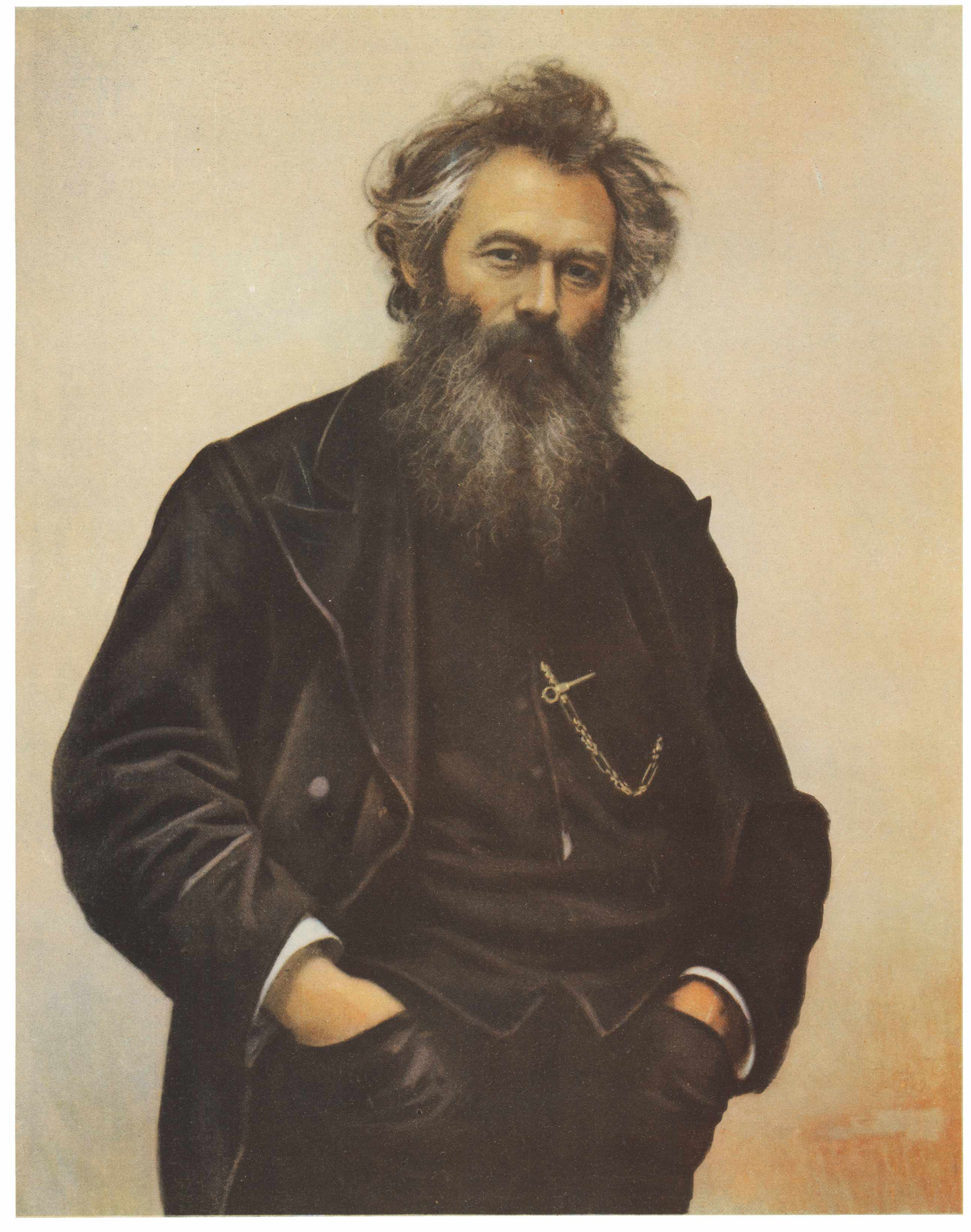
[1] Иристон — по-осетински Осетия

И. Н. Крамской.

ПОРТРЕТ МИНЫ МОИСЕЕВА

Государственный Русский музей.

И. Н. Крамской. ПОРТРЕТ **ХУДОЖНИКА ИВАНА ИВАНОВИЧА ШИШКИНА.**

Государственный Русский музей.

ЗА БОЛГАРО-СОВЕТСКУЮ ДРУЖБУ

Июнь 1949 года прошел в Болгарии под знаком месячника болгаро-советской дружбы. Болгаро-советские дружества возникли во всех городах и селах Болгарии сразу же после 9 сентября 1944 года и объединили в своих рядах миллионы трудящихся.

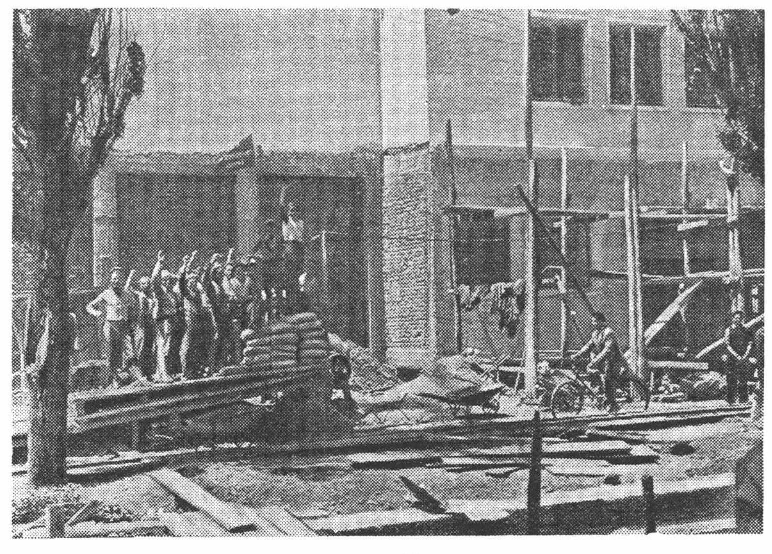
Трудовой народ Болгарии издавна смотрел на Россию как на освободительницу от пятисотлетнего турецкого рабства. В героическом примере советских народов он черпал энергию и веру в борьбе с фашизмом. Ныне, встав на путь социалистического преобразования своей жизни, рабочие, крестьяне, интеллигенция Болгарии видят в Советском Союзе могучую опору мира и демократии. В гигантском творчески-созидательном опыте советских людей они находят пример преобразующего жизнь труда, которым заняты ныне все трудящиеся Болгарии.

Месячник болгаро-советской дружбы прошел в стране как большой всенародный праздник, участниками которого были все трудящиеся, от мала до велика.

Мы, советские гости на этом всенародном празднике, с особой силой чувствовали каждый день и каждый час своего пребывания на болгарской земле глубину дружбы, которую питает болгарский народ к народам Советского Союза.

Открытие месячника в переполненном до отказа зрительном зале Народного театра превратилось в горячую непрерывную манифестацию в честь Советского Союза — опоры мира и демократии,— в честь Советской Армии-освободительницы, в честь советской культуры, оплодотворяющей культуру стран народной демократии, в честь гениального вождя трудящихся, великого друга болгарского народа товарища Сталина.

Пишущему эти строки в начале месячника привелось вместе с группой советских гостей побывать в рабочей цитадели Болгарии, шахтерском городе Пернике, где встретить нас вышло на улицу буквально все население города — от малых детей до глубоких стариков.

Молодые строители нового завода в Пернике приветствуют советских делегатов.

Горняки шахты имени Димитрова в обеденный перерыв, после митинга в честь болгаро-советской дружбы, исполняют массовый народный танец «хоро».

Посещая заводы, шахты, школы и культурные учреждения Перника, мы в общении с трудящимися убеждались на каждом шагу, как прочно живет в сердцах болгар благородное чувство дружбы к нашей Родине, как самые простые люди остро и правильно чувствуют место и значение Советского Союза в семье народов, вставших на путь строительства социализма.

С каким энтузиазмом говорили нам и взрослые люди и молодежь о советской литературе, советских кинокартинах, помогающих им глубоко понять строй жизни в новом, социалистическом обществе, понять личность нового человека этого общества!

Сколько благодарности звучало в словах лучших шахтеров Болгарии, когда они рассказывали нам о той неоценимой помощи, которую оказал им знатный шахтер Подмосковного бассейна Борискин, научивший их работать по-стахановски!

Так было во всех городах и селах, где побывали советские гости. Но не только всенародной демонстрацией дружбы к Советскому Союзу значителен проведенный месячник. Участники советской делегации — общественные деятели, ученые, писатели, журналисты, артисты, шахматисты-гросмейстеры — использовали время своего пребывания в Болгарии для того, чтобы как можно шире и полнее ознакомить наших болгарских друзей с достижениями советской науки, литературы, искусства. Лекции ученых, литературные вечера писателей, большие общественные собрания, спектакли и концерты, во множестве проведенные советскими гостями, проходили в переполненных аудиториях, вызывали живейший интерес и нашли широкий отклик в печати. Гастроли Государственного народного хора имени Пятницкого превратились в триумфальное шествие русской народной песни по всей стране.

Месячник оставил глубокий след в жизни болгарского народа и послужил дальнейшему укреплению дружбы и культурных связей между Болгарией и Советским Союзом.

Ал. СУРКОВ

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ КРАМСКОЙ

(1837—1887)

И. Н. Крамской — замечательный русский портретист. Созданная им обширная портретная галлерея содержит немало истинных шедевров изобразительного искусства. Его произведения отмечены той любовью к человеку, стремлением к раскрытию его высоких душевных качеств, которые характерны для русской портретной школы. Крамской написал замечательные портреты писателя Л. Толстого, художника Шишкина, поэта Некрасова и представителя трудового люда — крестьянина Мину Моисеева. Мина Моисеев, написанный Крамским в 1882 году,— замечательный образ человека из народа, вдумчивого, умного, проницательного, какого не знало искусство Запада.

И. Н. Крамской — один из глашатаев передвижничества. Многие современники заслуженно называли его «душой передвижничества». И действительно, Крамской вкладывал в дело Товарищества всю свою неуемную энергию, недюжинный ум, яркое дарование публициста и критика. Письма Крамского наравне со статьями Стасова относятся к лучшим достижениям передовой демократической художественной мысли XIX века. Из этих писем, как и из всего творчества Крамского, встает перед нами образ художника-гражданина, борца за идейно-реалистическое русское искусство.

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

(1850—1873)

Гениальный русский живописец Ф. В. Васильев умер совсем юным. Но то немногое, что сделал Васильев, прославляет его светлое имя.

Картины Васильева — одна из вершин русского пейзажа XIX века. Полотно «Вид на Волге. Баржи» (1870 год) написано во время совместного пребывания И. Репина и Ф. Васильева на Волге. Репин оставил об этой поездке красочные воспоминания. Приведем краткий отрывок из репинского труда:

«Он (Васильев) поражал нас на каждой мало-мальски интересной остановке. В продолжение десяти минут, если пароход стоял, его тонко заостренный карандаш с быстротой машинной швейной иглы черкал по маленькому листку его карманного альбомчика и обрисовывал верно и впечатлительно целую картину крутого берега с покрившимися над кручей домиками... Талант!».

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

Съезды писателей союзных республик проходят как большие события в культурной жизни страны. Таким событием стал и второй съезд советских писателей Белоруссии. Для участия в его работах прибыли делегации писателей Москвы, Ленинграда, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Узбекистана, Киргизии, Молдавии, Татарии и других братских республик.

Старейший деятель белорусской литературы дважды лауреат Сталинской премии Якуб Колас открыл съезд.

Восторженной овацией встречается предложение об избрании почетного президиума съезда в составе Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с великим вождем и учителем советских народов, лучшим другом многонациональной советской литературы товарищем И. В. Сталиным.

С обстоятельным докладом о работе белорусских писателей за 15 лет, истекшие после первого съезда, выступил главный секретарь Союза советских писателей БССР тов. П. Бровка.

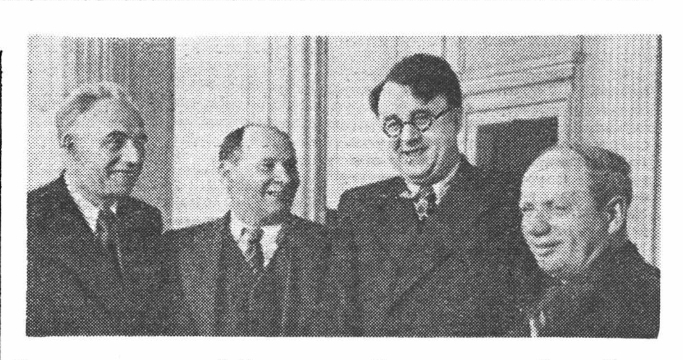
— Мы добились успехов,— сказал он,— благодаря тому, что под руководством ЦК КП(б) Белоруссии разгромили буржуазных националистов, воспитали и закалили наши литературные кадры в духе большевистской партийности.

Обозревая путь, пройденный советской белорусской литературой, тов. П. Бровка отмечает, что белорусские писатели отдавали и отдают свой талант народу, социалистическому строительству. Вместе с тем, подробно анализируя прозу, поэзию и драматургию белорусских писателей, он приходит к выводу, что создано еще мало произведений о труде и жизни рабочего класса республики, что недостаточно высоко художественное мастерство многих произведений.

Оживленно прошли прения. В них участвовали не только писатели Белоруссии, но и представители писательских организаций других республик, партийные работники, рядовые читатели. На съезде выступили секретарь ЦК КП(б) Белоруссии тов. Н. Гусаров, заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР тов. К. Симонов и поэт А. Твардовский, передавший писателям Белоруссии привет от писателей Москвы.

С большим подъемом участники съезда приняли письмо вождю народов товарищу Сталину.

Съезд избрал новый состав правления Союза советских писателей Белорусской ССР. Председателем правления избран тов. П. Бровка, секретарем правления — тов. П. Ковалев.

На съезде писателей Белоруссии. Слева направо: Петро Панч (Украинская ССР), Якуб Колас, Александр Дементьев и Александр Прокофьев (Ленинград).

Фото В. Лупейко (ТАСС)

ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ

Михай КЕРЕСТЕШ,
статс-секретарь Министерства земледелия Венгерской республики

Венгерские крестьяне в гостях в колхозе имени Ильича, Добринского района, Воронежской области. Старейший член артели 77-летний Дмитрий Федорович Беликов встречает гостей хлебом и солью. Второй слева — один из руководителей делегации статс-секретарь Министерства земледелия Венгрии Михай Керестеш; в центре — председатель колхоза Г. К. Краснов.

Фото Г. Дубинского

Свыше месяца в нашей стране гостила делегация венгерских крестьян, работников государственных машинно-тракторных станций, членов сельскохозяйственных производственных кооперативов Венгрии. Делегация побывала в Сталинграде и Ленинграде, затем знакомилась с колхозами, совхозами, МТС, с жизнью и бытом советских крестьян. Перед отъездом на родину один из руководителей делегации, статс-секретарь Министерства земледелия Венгрии Михай Керестеш, поделился с нашим корреспондентом впечатлениями от своей поездки.

— После первого знакомства с Москвой, которое не забудется всю жизнь, мы выехали в колхозы Подмосковья, а затем в колхозы Воронежской, Тамбовской и Ростовской областей, климат и почва которых схожи с венгерскими.

В Воронеже, возникшем, подобно фениксу, из пепла, мы познакомились с работой сельскохозяйственного института. Мы осмотрели аудитории, библиотеки, лаборатории, научные кабинеты, опытные поля. Венгерские крестьяне здесь впервые увидели, как наука помогает крестьянину, как она органично связана с сельским хозяйством, с практикой. Мы видели советскую науку в действии. 80 процентов студентов института — дети колхозников.

На полях Рамонской селекционной станции нам показали методы, какими советские селекционеры создают новые, высокоурожайные сорта хлебов и технических культур, как они, выполняя заветы Мичурина, переделывают природу растений. Мы познакомились, например, с тем, как выводится знаменитая рамонская сахарная свекла, которая дает на полях колхозов 300—400 и даже 700—800 центнеров с гектара. С этим сортом свеклы мы уже знакомы. В 1947 году свекловичные плантации Венгрии засеивались американскими семенами, и урожай был низким. А в прошлом году мы получили из Советского Союза семена рамонской свеклы, и она дала очень хороший урожай. В 1947 году на одного человека в Венгрии приходилось 12,3 килограмма сахара, а в 1948 году — уже 18 килограммов. Вот что означала для нас помощь советской науки.

В Шишовской МТС, Бобровского района, всем сложным хозяйством руководит женщина, бывшая трактористка, депутат Верховного Совета СССР Матрена Тимашева. Сейчас в Венгрии также создаются станции такого типа, и для нас был весьма ценен опыт советских механизаторов. Венгерские крестьяне воочию убедились, какими отличными машинами вооружило советское государство крестьянина, как заботится государство о культуре земледелия. Нас радовали и отлично обработанные поля, и хорошие мастерские, и особенно привлекали наше внимание новые машины. Мы впервые в жизни увидели комбайн, новейший самоходный комбайн. Члены делегации гладили его, называли «великим помощником», «самой ученой машиной на свете». Отлично поставлена диспетчерская служба МТС. Мы разговаривали по радиостанции «Урожай» с бригадиром тракторной бригады Героем Социалистического Труда Павлом Рубцовым. Этот разговор был записан на пленку, и его с огромным интересом будут слушать все венгры.

Обработка одного гектара земли под пшеницу стоит у вас 36 рублей. Эта цифра просто поразительна: обработка земли в Венгрии стоит во много раз дороже...

Мы побывали в нескольких колхозах. В колхозе имени Ильича, Добринского района, награжденном орденом Ленина, на околице нас встретил 77-летний колхозник Дмитрий Федорович Беликов по русскому обычаю — с хлебом и солью.

Здесь мы видели великолепно поставленное хозяйство, отличную породу русских верховых лошадей — знаменитых орловских рысаков,— породистый молочный скот, свиней... В этом колхозе один из наших делегатов был смущен: дежурные не разрешили войти в конюшню и в коровник, пока не продезинфицировали обувь. Чистоте и порядку здесь может поучиться любая хозяйка... Мы обратили внимание на то, что в колхозе имени Ильича все увлечены строительством. Строятся новые красивые жилые дома на 3—4 комнаты для каждой семьи колхозников. Планируются новые улицы. Разбиваются новые сады.

В школе при колхозе «Красное поле» работают 18 учителей. Здесь занимаются не только дети, но и многие из взрослых. В каждом доме — музыкальный инструмент, в колхозе — прекрасный хор. Концерт добринских колхозных певцов мы надолго сохраним в памяти, как великолепный праздник народного искусства. Кстати сказать, концерт хора мы также записали на пленку и уверены, что он доставит огромное наслаждение венгерским слушателям.

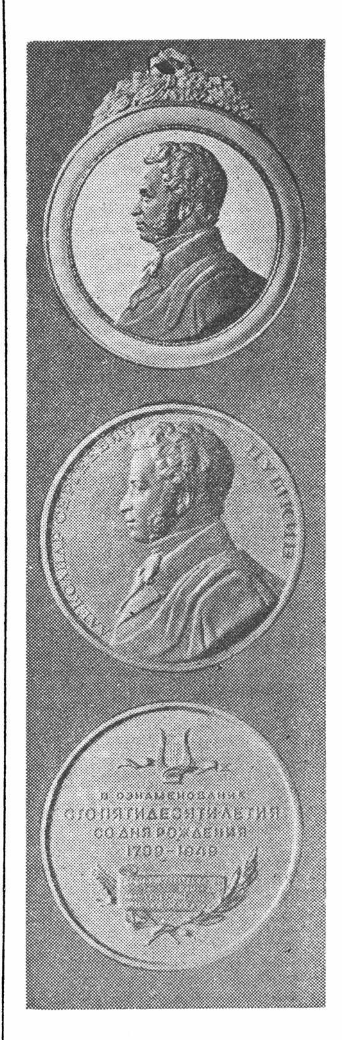
Обо всем, разумеется, здесь не расскажешь...

Покидая Москву, венгерские крестьяне, взволнованные чистосердечием русского гостеприимства и величием всего виденного, всего созданного советским народом, хотят сказать на прощанье своим верным советским друзьям:

«Мы увозим из вашей страны бесценные зерна. Они упали на хорошую почву и дадут славный урожай... Все, что мы видели в Советском Союзе, весь опыт советских людей мы используем для строительства социализма в нашей демократической Венгрии!»

Венгерские крестьяне осматривают колхозную свиноферму.

ПУШКИНСКИЕ МЕДАЛИ

В честь 150-летия со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина на Монетном дворе в Ленинграде изготовлены юбилейные медали. На снимке вверху: бронзовая медаль с эмалированным ободком и венчиком; ниже — бронзовая медаль двусторонняя.

ПЕВЕЦ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЯТ-МОНГОЛИИ

Это имя хорошо знают во всей Бурят-Монгольской Республике. Старейший поэт, прозаик и драматург, основоположник бурят-монгольской литературы, Хоца Намсараев снискал горячую любовь и уважение народа.

На протяжении тридцати лет Хоца Намсараевым написано около трехсот различных произведений. Все они проникнуты безграничной преданностью Родине, партии Ленина — Сталина, наполнены чувствами и мыслями, которыми живут все советские люди.

Выходец из обездоленных слоев дореволюционной деревни, писатель отлично познал горькую судьбу своих соотечественников.

Родился Хоца Намсараев в 1889 году в семье бедного крестьянина. Детство его проходило в лишениях, без материнской и отцовской ласки. Впервые маленького Хоцу обучил монгольской грамоте один старик, и на этом учеба мальчика закончилась, никаких школ в бурятском улусе тогда не было. Дальше он был предоставлен самому себе. Любознательный, пытливый, он с жадностью читал попадавшуюся под руки литературу, искал пути к образованию.

Литературно-общественная деятельность Хоца Намсараева началась после Великого Октября. В 1919 году он написал первое произведение — одноактную пьесу «Тьма». Эта и другие его пьесы еще в рукописи перекочевывали из улуса в улус, ставились в сельских клубах.

В последующие годы Намсараев пишет стихи, воспевающие новую свободную жизнь, выступает с рядом рассказов, в которых показывает классовую борьбу в улусе.

До сих пор свежи в памяти трудящихся Бурят-Монголии рассказы-лубки Намсараева: «Бодающая овца и подкрадывающийся лама», «Непристойности паука», «Чернолицый» и другие.

Учась на образцах русской классической литературы, на творениях Пушкина, Горького и Маяковского, он создает одно из значительных произведений бурят-монгольской литературы — повесть «Цыремпил», рассказывающую о борьбе народа за свободу. Теме преодоления пережитков прошлого и формирования социалистического уклада в деревне посвящена его новая повесть — «Однажды ночью».

Во время Отечественной войны Хоца Намсараев выступает с циклом стихов, зовущих советских людей на ратные и трудовые подвиги. После исторических решений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства он в новой своей повести, «Стрелы золотой наконечник», беспощадно разоблачает носителей буржуазно-националистической идеологии.

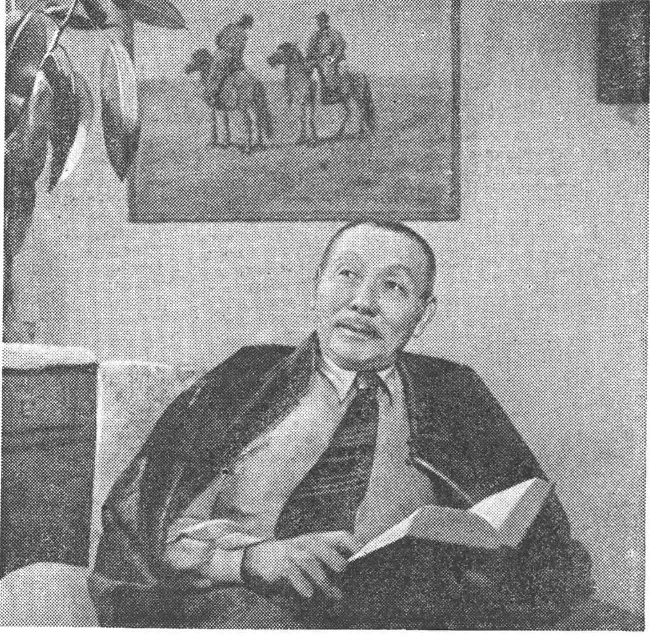

Фото М. Минеева

2 июля трудящиеся Бурят-Монгольской АССР отмечают 60-летие со дня рождения и 30-летие литературно-общественной деятельности своего депутата в Верховный Совет СССР Хоца Намсараевича Намсараева. Этот юбилей по праву можно считать праздником всей многонациональной советской литературы.

Семеро отважных

...Итак, групповой прыжок совершен — всесоюзный рекорд поставлен.

Глубокой ночью семеро отважных выбросились на парашютах с высоты 10 370 метров. Больше семнадцати минут раскачивались они на стропах, опускаясь к земле, пока не попали в объятия товарищей, которые с волнением ожидали их у разожженных костров.

Это произошло в ночь на 22 июня над бескрайними волжскими степями.

И вот они уже в Москве, в Центральном аэроклубе имени Чкалова, где друзья устроили им торжественную встречу. Семеро парашютистов сидят за столом почти рядом. Они давно сняли громоздкое теплое обмундирование, унты и меховые комбинезоны, в которых поднимались в поднебесье, где мороз достигал 53 градусов.

Неужели этот высокий, плотный мужчина средних лет тоже из семерки отважных, чьи имена облетели эфир, прозвучали со страниц газет? Прославленному парашютисту Порфирию Порфирьевичу Полосухину на исходе четвертый десяток. Он старший из всей семерки. Этот прыжок — 655-й на его счету. Любопытно, что некогда Полосухин служил во флоте водолазом, а уж потом увлекся парашютным спортом. Так, из подводных глубин взобрался он высоко в небо и после увлекательных прогулок по морскому дну познал сладость победы над воздушной стихией.

Председатель оргбюро ДОСАВ генерал-лейтенант авиации Н. П. Каманин беседует с парашютистами — участниками группового ночного прыжка с высоты 10 370 метров. Слева направо: парашютисты С. А. Коробов, П. П. Полосухин, В. З. Кривой, Е. Н. Владимирская, В. Д. Иванов, генерал-лейтенант Н. П. Каманин, В. Л. Доросев, тренер Г. В. Освальд и К. Я. Ерпичев.

Фото А. Гостева

Порфирий Полосухин — аэронавт-высотник. Он летает на аэростатах, субстратостатах, стратостатах. Он совершил на них 160 полетов, пробыл в воздухе 3 тысячи часов, причем 65 полетов проходили на высоте 10—12 тысяч метров. Он парашютист по душевному влечению.

— А рост и вес?

Полосухин улыбается в ответ:

— Как видите! Мой вес — сто килограммов. Это, так сказать, «чистый» вес, без обмундирования и всего прочего. А ведь одно обмундирование весит 15 килограммов. Прибавьте еще два парашюта, кислородный прибор — вес получится солидный. Это требует умения и сноровки при приземлении. Нормально парашютист приземляется со скоростью пять метров в секунду. Такой человек, как я, падает гораздо быстрее. При последнем прыжке я падал со скоростью 9,5 метра в секунду. При такой скорости нужно это делать умело. Зимой, конечно, легче: снежные сугробы прекрасно амортизируют удар.

— И все же вы прыгаете летом?

Глаза его блестят совсем молодо. Он снова усмехается:

— В 1938 году я весил даже 118 килограммов и совершил тогда затяжной прыжок с субстратостата с высоты 8050 метров. Парашют я раскрыл только на высоте 1600 метров. Падал я тогда поистине с чертовской скоростью: через 13 секунд скорость падения была 102 метра в секунду, а затем стала уменьшаться за счет плотности воздуха.

Порфирий Полосухин — один из старейших и опытнейших парашютистов страны. Он прыгал с больших и малых высот, днем и ночью, на землю и на воду, при ветре и штиле. Прыгал со всевозможного положения самолетов — штопора, мертвой петли, спирали, пике, перевернутого положения. В годы Отечественной войны подполковник Полосухин дважды сбрасывался по заданиям командования во вражеский тыл. Он часто летал к партизанам, бывал в прославленных партизанских соединениях Ковпака, Федорова, Козлова.

Таков один из семи отважных. Его соседка за дружеским столом — Елена Владимирская. Она единственная женщина в этой группе прославившихся парашютистов-рекордсменов. Юной девушкой стала она увлекаться парашютным спортом. Потом окончила Московский авиационный институт имени Орджоникидзе, стала инженером, вышла замуж тоже за инженера. Любимого спорта она не оставила. На ее счету несколько сот прыжков, и ночных, и затяжных, и групповых.

Друзья поздравляют Елену Владимирскую с большим успехом. Она скромно отмахивается от них:

— Скоро опять прыгну!

Елена Владимирская возглавит на авиационном празднике в Тушине в честь Дня Воздушного флота СССР отряд женщин-парашютисток.

— Встретимся в воздухе,— говорит ей Владимир Иванов, тоже один из семерки отважных.— Там же мы увидим и Сергея Коробова. Он тоже участвует в авиационном празднике.

23-летний Владимир Иванов — самый молодой из всей группы парашютистов, установивших новый всесоюзный рекорд. Он занимается парашютным спортом всего четыре года.

— Что ж, неплохая молодежь растет!

Это сказал Владимир Доросев, парашютист с большим стажем и опытом. По профессии он летчик и по влечению сердца — спортсмен-парашютист. Летчик он замечательный: ему неоднократно поручались ответственные полеты в Париж и Лондон, чтобы доставить на международные конференции и ассамблеи советских делегатов.

— Парашютисты всегда молоды,— заметил кто-то, показывая на старейших парашютистов, участников группового прыжка Владимира Кривого и Константина Ерпичева. В центральном аэроклубе имени Чкалова они обучают молодежь этому увлекательному спорту.

Теперь речь зашла о командире лётной группы и втором пилоте корабля, который поднял парашютистов ввысь, об Алексее Константиновиче Туманском. Он летает в русской авиации с 1913 года и водил еще древнего «Илью Муромца». Уже давно пошел Туманскому шестой десяток, а все не угомонится старый русский летчик, все тянет его в воздушные просторы, в неизведанные высоты.

...Вот каковы они — семеро отважных участников ночного группового прыжка, завоевавших Родине новый всесоюзный рекорд.

Успокоились ли они на этом? О, нет! Вот уже мечтают они о новых полетах, о новых прыжках с еще больших высот.

— Значит, эта высота — не предел?

За всех семерых отвечает Порфирий Полосухин:

— Конечно, нет!

Я. МИЛЕЦКИЙ

На первенство СССР по футболу

ПОСЛЕДНИЕ ТУРЫ

Игры первого круга подходят к концу. Большинству команд — участникам розыгрыша — осталось провести по два матча, меньшинству — по одному. Динамовцы Тбилиси и Еревана закончили уже встречи первого круга.

Турнирная таблица почти целиком заполнена. Если месяц назад наиболее популярными цифрами вбитых и пропущенных мячей были ноль и единица, то теперь в таблице пестрят выразительные соотношения цифр: 5 : 0, 7 : 1, 8 : 1 и дважды 8 : 0!

Игры последних туров ясно показали, что большинство коллективов уже обрело спортивную форму.

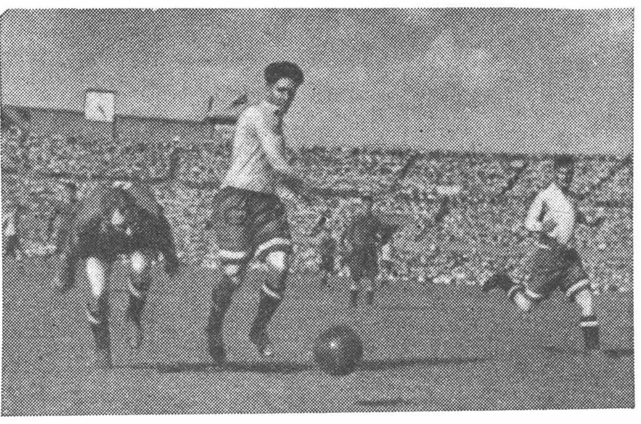
Естественно, что прежде всего в спортивную форму вошли команды, имеющие опыт долгой турнирной борьбы. Это московские футболисты ЦДКА, «Динамо», «Спартака», ленинградские игроки «Зенита» и киевские динамовцы.

Из этой ведущей пятерки успешнее всех выступает коллектив столичного «Динамо», который сумел провести подавляющее количество игр первого круга без единого поражения, сделав лишь две ничьих (с «Нефтяником» и сталинградским «Торпедо»).

В команде до сих пор еще не выявился постоянный состав линии нападения, и почти в каждом матче она предстаёт перед зрителями в новом варианте. Но все же с уверенностью можно сказать, что ведущим игроком этой грозной линии является К. Бесков — умный организатор атак, изобретательный тактик. Хороши А. Малявкин, С. Соловьев, В. Карцев. Слабым звеном динамовских форвардов оказался правый крайний И. Конов. Но с возвращением на это место В. Трофимова (ныне больного) динамовская линия нападения станет едва ли не сильнейшей в стране.

Армейские футболисты уже трижды познали горечь поражения (от московского и киевского «Динамо» и команды «Крылья Советов»). Попрежнему лучшими в коллективе являются форварды во главе с опытным тактиком Г. Федотовым. Прогрессируют молодые игроки, выступающие в защите.

Коллектив «Спартака», значительно пополненный молодежью (Ю. Седов, Е. Кулешов, Н. Симонян, В. Терентьев, А. Парамонов), продолжает борьбу за классное место. Спартаковцы также потерпели два поражения (от тбилисского «Динамо» и «Зенита») и одержали ряд убедительных побед, в том числе над динамовцами Ленинграда со счетом 8 : 1.

С. Соловьев («Динамо», Москва) вбивает мяч в ворота «Зенита».

Фото Э. Гутгарца

В команде надежно играет защита, во главе с Вас. Соколовым, и левое крыло нападения. Лучшим форвардом «Спартака», бесспорно, является Н. Дементьев.

Значительных успехов добилась ленинградская команда общества «Зенит». Она нанесла поражение «Спартаку», динамовцам Тбилиси, Минска и Еревана, торпедовцам Сталинграда и другим. Футболисты «Зенита» могут с полным правом гордиться своим вратарем Л. Ивановым и защитными линиями.

Заметных результатов в этом сезоне добились и футболисты киевского «Динамо». Им удалось одержать победу над ЦДКА, всеми динамовскими командами (кроме московской), над торпедовцами Сталинграда, над командами «Шахтера» и ВВС. Это большая удача коллектива.

Попрежнему энергично ведут борьбу молодые коллективы «Нефтяника» и харьковского «Локомотива». Первая из них добилась рекордного числа ничьих (7), а вторая одержала много побед.

Хорошо начав сезон, футболисты московской команды «Торпедо» сдают свои позиции (проигрыш ЦДКА, динамовцам Ленинграда и Москвы, железнодорожникам Москвы).

Не в полную силу играют и динамовцы Тбилиси.

КОРОТКО

МУЗЕЙ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО организуется в селе Мануйловке, на Полтавщине. В этом селе великий русский писатель жил летом 1897 и 1900 годов. Е. П. Пешкова подарила селу для музея несколько ценных экспонатов и библиотеку избранных произведений писателя.

185 ЛЕТ исполнилось со дня выхода указа об организации первой русской научной экспедиции на Шпицберген. Инициатором этого патриотического предприятия был М. В. Ломоносов. Однако идея транспортного освоения полярных морей была претворена в жизнь только в советское время. В 1932 году пароход «Сибиряков» впервые в истории человечества прошел в одну навигацию от Архангельска до Берингова пролива.

НОВЫЙ УСПЕХ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ МИРА

Парижская сессия Совета министров иностранных дел состоялась в дни, когда во всех странах, на всех континентах продолжает расти и шириться могучее движение народов за мир, против поджигателей новой войны. Естественно, что ко всему происходившему за круглым столом в стенах парижского дворца Талейран-Перигор было приковано напряженное, неусыпное внимание сотен миллионов людей.

Во время Парижской сессии с большой силой проявилось то пламенное сочувствие, та безграничная поддержка, которую трудящиеся всех стран неизменно оказывают мирной политике Советского Союза. Об этом говорили бесчисленные приветствия, письма, телеграммы со всех концов земного шара, приходившие в адрес советской делегации на Парижской сессии. Подобные массовые проявления солидарности простых людей с мужественной борьбой Советского Союза за мир стали обычным явлением наших дней.

В последовательной политике Советского Союза, направленной на создание единой миролюбивой демократической Германии, народы видят краеугольный камень здания прочного демократического мира. Вот почему ясные, реалистические предложения, которые внес А. Я. Вышинский от имени советского правительства по германскому вопросу, были встречены с огромным удовлетворением прогрессивной общественности всех стран.

Однако линия, занятая при обсуждении германской проблемы представителями трех западных держав, пошла вразрез с чаяниями народов. Устами представителей США, Англии и Франции на Парижской сессии говорило не желание устранить раскол Германии, вызванный их же сепаратной политикой, а стремление сохранить и углубить этот раскол. Советский план разрешения германского вопроса опирается на прочную основу международных соглашений, учитывает ныне существующую обстановку и ведет к тому, чтобы германский вопрос был решен в интересах прочного демократического мира. Этой советской программе делегации западных держав противопоставили предложения, заведомо рассчитанные на отклонение и подрывающие самую основу международных соглашений о Германии.

Из этого явствует, что Ачесон, Бевин и Шуман главную свою цель на Парижской сессии видели в том, чтобы навязать Советскому Союзу проводимый западными державами антипотсдамский курс, выразившийся в расколе Германии и в создании агрессивного атлантического блока.

Советская делегация предложила восстановить деятельность Контрольного Совета на прежней основе, как органа, призванного осуществлять верховную власть в Германии. Она предложила восстановить межсоюзную комендатуру Берлина и провести демократические выборы в общеберлинский магистрат, что дало бы возможность урегулировать жизнь города в целом. Наконец, советская делегация выдвинула предложение — создать общегерманский государственный совет на основе существующих сейчас в восточной и западных зонах немецких экономических органов.

В этих предложениях советская делегация исходила из стремления предоставить как можно более широкие возможности представителям немецких демократических организаций участвовать в создании общегерманских органов. Здесь нашла свое полное выражение неизменная линия сталинской дипломатии, направленная к тому, чтобы в строительстве демократической Германии принял участие сам немецкий народ.

Делегации трех западных держав шаг за шагом отклоняли советские предложения. Они не только отказались от рассмотрения вопроса об общегерманском правительстве, но и не согласились с созданием общегерманского государственного совета. Вместо этого они выдвинули явно неприемлемую «идею» — распространить на всю Германию оккупационный статут и антидемократическую «боннскую конституцию» — этот плод скороспелого творчества искусственно подобранной группы немцев, покорных западным державам.

Тем самым западные державы сами показали цену своей «заботе» об интересах немцев, о политическом и экономическом единстве Германии.

Подлинным пробным камнем, на котором была проверена позиция западных держав, явился вопрос о мирном договоре с Германией. Советская делегация предложила, чтобы проект германского мирного договора был разработан в трехмесячный срок и чтобы через год после заключения мирного договора оккупационные войска были выведены из Германии. Представители западных держав крайне нервозно реагировали на эти предложения Советского Союза и стремились обойти обсуждение этого вопроса. В дальнейшем стало очевидно, что западные державы вообще непрочь отложить заключение германского мирного договора в долгий ящик и сохранить свои вооруженные силы в Германии на неопределенный срок. Обсуждение вопроса о германском мирном договоре еще более подчеркнуло в глазах общественного мнения последовательно миролюбивый, демократический, гуманный характер внешней политики Советского Союза.

На Парижской сессии Совета министров иностранных дел, несмотря на все усилия советской делегации, не были достигнуты согласованные решения по основным вопросам Германии. Но сессия не закончилась и разрывом переговоров, что с таким шумом предвещали и на что явно надеялись реакционные круги западных стран. На заключительной стадии сессии делегации США, Англии и Франции отошли от тактики ультиматумов и диктата. Они вынуждены были пойти на ряд соглашений по текущим вопросам Германии и по вопросу об австрийском договоре.

Эта смена курса наряду была вызвана определенными факторами, лежащими в современной международной обстановке. Представители западных держав должны были учесть гигантское движение за мир, охватившее все страны и возглавляемое Советским Союзом. Сам Ачесон после Парижского конгресса сторонников мира проговорился, что демократическому лагерю «удалось выиграть первую битву». Сорвать переговоры в Совете министров иностранных дел, повидимому, оказалось сейчас не столь легким делом.

В перемене тактики западных держав на Парижской сессии сыграл, несомненно, роль и тот факт, что западные страны стоят ныне перед непосредственной угрозой экономического кризиса, что призрак кризиса стучится уже в дверь Уолл-стрита, что поле маневрирования на мировых рынках суживается все более, а экономические противоречия, рожденные в Европе «планом Маршалла», обостряются и ведут к конкуренции в лагере самих западных держав.

Впервые за два с половиной года Совет министров иностранных дел принял ряд согласованных решений на четырехсторонней основе, чему упорно сопротивлялись все это время западные державы. Соглашение достигнуто по важнейшим статьям австрийского договора. Это соглашение стало возможным только потому, что были приняты предложения советского правительства, которые оно отстаивало с самого начала, а США, Англия и Франция отказались от саботажа законных требований СССР и политики срыва соглашения по австрийскому вопросу. Вместе с тем министры, как гласит итоговое коммюнике, решили продолжать свои усилия, чтобы добиться восстановления экономического и политического единства Германии. В свете этого намерения предусмотрены четырехсторонние консультации оккупационных властей в Берлине с целью смягчить последствия существующего административного разделения Германии и Берлина.

Это означает, что три западные державы должны были, хоть и в завуалированной форме, расписаться в том, что их раскольническая сепаратная политика в Германии, порывающая с принципами Потсдама, потерпела провал и подлежит пересмотру.

Важным моментом принятого министрами решения является то, что сами немцы будут привлекаться к подготовке докладов и предложений оккупационным властям и тем самым будут участвовать в нормализации экономических отношений между зонами. Наконец, Совет министров иностранных дел предусмотрел созыв следующей сессии Совета для обсуждения германского вопроса.

Таким образом, три западные державы расписались и в несостоятельности политики бойкота Совета министров иностранных дел, которую они вели почти два года.

Решения сессии вызвали чувство удовлетворения в широких кругах международной демократической общественности. Свободолюбивые и непредубежденные люди всех стран увидели в итогах Парижской сессии результат настойчивой и длительной борьбы за мир, которую ведет демократический лагерь, возглавляемый великой страной социализма.

«Весь мир,— писала венгерская газета «Ниш Уйшаг»,— с облегчением и успокоением встретил решения Совета министров иностранных дел, которые являются новым большим успехом послевоенной мирной политики Советского Союза. Решения сессии могли быть достигнуты лишь благодаря возросшей силе лагеря мира».

Так думают и так понимают результаты Парижской сессии миллионы людей, которым понастоящему дороги мир и дружба между народами. Простые люди понимают, что эти соглашения способствуют смягчению напряженной международной атмосферы и открывают путь к решению более широких задач послевоенного мирного устройства. Наконец, в глазах демократических кругов решения Парижской сессии являются предметным уроком того, что можно достигнуть согласованных решений, если политика нажима и диктата оставляется за порогом Совета министров иностранных дел.

Некоторые реакционные газеты и некоторые высокопоставленные деятели западных держав пытаются дать хвастливое и тенденциозное истолкование решений Парижской сессии Совета министров иностранных дел.

Они пытаются убедить общественное мнение в том, что Парижская сессия якобы «показала правильность» курса, проводимого США в области внешней политики. Эти попытки замазать с помощью хвастовства, словесного барабанного боя и извращения фактов провал на Парижской сессии так называемого «жесткого курса» американской политики не в состоянии никого ввести в заблуждение. Парижская сессия СМИД спутала игру вдохновителей агрессивных планов и стратегов «холодной войны». Будучи вынуждены принять на сессии советские предложения, в основе которых лежат потсдамские решения, западные державы продемонстрировали перед мировым общественным мнением неудачу своей «трехсторонней» политики диктата.

Хвастливая трескотня, которой занимаются некоторые политики западных держав в связи с итогами Парижской сессии СМИД, призвана лишь прикрыть разочарование поджигателей войны перед лицом положительных решений сессии, представляющих крупный успех советской мирной политики и победу поборников мира и сотрудничества народов.

Хорошо сказала об этом польская газета «Трибуна Люду»:

«Результаты Парижской сессии представляют собой поражение реакционных сил и кругов поджигателей войны, которые с огромным беспокойством следили за работой сессии и старались создать вокруг сессии атмосферу недоверия и пессимизма. Но те, кто хотел, чтобы сессия закончилась неудачей и чтобы международные отношения таким образом еще более обострились, потерпели явный и серьезный провал».

Л. ВЕТРОВ

Большая кузница ПОЛЬШИ

Так выглядит Силезия...

Яков **МАКАРЕНКО**

РАЗГОВОР В ПУТИ

Поезда из Варшавы в Силезию уходят несколько раз в сутки. На главном варшавском вокзале радиокондуктор объявляет:

— Через десять минут — скорый поезд на Катовицы!

— Начинается продажа билетов на поезд до Вроцлава!

— Приготовиться к поезду на Валбжих!

Едут в Силезию тысячи пассажиров. Среди них встретишь людей различных профессий и специальностей. Но больше всего садятся в вагоны горняки в черных форменных тужурках и в головных уборах, разукрашенных перьями.

В большинстве своем это коренные жители горнопромышленного района Силезии, главного центра польской индустрии. Одни едут домой из столицы, где были по делам, другие возвращаются из отпуска, проведенного на курорте где-нибудь вблизи Гданска на знаменитом янтарном побережье Балтийского моря, третьи — из поездки по стране...

Жители Силезии самозабвенно любят свой край, гордятся его богатствами и той великой ролью, какую он играет в восстановлении и строительстве новой, народно-демократической Польши. Силезия — это постоянная тема оживленных разговоров в пути.

В купе ночного катовицкого поезда напротив нас сидит пожилой, но еще довольно крепкий шахтер. Чисто выбритое, открытое лицо с синеватыми угольными точечками под обветренной кожей светится радостью.

— Завтра дома,— говорит он удовлетворенно, как бы про себя.— Очень соскучился по дому, а сильнее всего по шахте. Прекрасно отдыхать на взморье, но у нас, в Силезии, правду скажу, лучше, куда лучше!

— Кто где родился, тот там и прижился,— ответил ему пословицей сосед, человек средних лет с вислыми усами, судя по всему, тоже шахтер.

— Стара пословица, но доля правды в ней есть,— сказал первый горняк. — Я проработал более двадцати лет во Франции, вернулся на родину всего несколько лет назад, но полюбил Силезию так, словно родился тут и вырос!

— Силезия, о, это надо понимать! — заметил усатый пассажир.

— Кузница страны! — воскликнул с гордостью третий наш спутник, смуглолицый юноша в студенческой фуражке.

— Еще какая, перуне![1] Великая кузница! — поддержал его горняк, вернувшийся из Франции.

Узнав, что мы едем в Силезию впервые, все трое стали наперебой описывать сокровища силезских недр, шахты и заводы, рекомендовали непременно побывать в «Червоном заглэмбе», как называют поляки Домбровский угольный бассейн, у горняков «Забже-Всхуд», на самом большом в стране металлургическом предприятии «По́куй»...

— Мы, поляки, законно гордимся Силезией,— сказал первый горняк. — Но тем, что она наша, тем, что она осталась цела, Польша обязана Советской Армии. Немцы ведь хотели взорвать и затопить шахты, разрушить домны, заводские цехи. Советские войска обошли Силезию с севера и с юга, и немцы, боясь попасть в котел, поспешили удрать, не выполнив своего черного замысла...

Шахтера перебил студент.

— Да,— сказал он,— Силезия многие века была несправедливо рассечена на две части. Меньшей и скудной владела Польша, а другая, большая и богатая, была захвачена немцами. Советская Армия навсегда вернула нам всю Силезию!

— Спасибо, великое спасибо Советской России, Генералиссимусу Сталину,— сказал старый шахтер.

Поезд ускорял свой бег в ночи. Разговор наш затянулся допоздна.

— Силезия, о, это надо понимать! — повторял в который уже раз усатый сосед.

В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ

Ранним утром предстала перед нами Силезия. Темные от дыма заводские корпуса, бесчисленные копры шахт и трубы, трубы, высоченные, кажущиеся издали розовыми, с мохнатыми султанами дыма...

— Вот вам Силезия в натуральную величину,— заметил сопровождавший нас шахтер. — Наш польский Урал!..

Центром горной Силезии является большой и культурный город Катовицы. Другие города Силезии невелики, но они примыкают так тесно друг к другу, что, по существу, образуют один огромный город, раскинувшийся на многие десятки километров. Города эти связаны между собой трамваем, и разделяют их лишь надписи на дорожных столбах.

Силезия — это многие десятки угольных шахт, сотни крупных промышленных предприятий. Природа щедро одарила старинный польский край запасами каменного угля, цинка, олова, железа и других ископаемых. Особенно много здесь угля.

На карте минеральных богатств Польши Силезский бассейн изображен в виде треугольника, опирающегося основанием на отроги Судетских гор. Все это обширное пространство в 4 тысячи квадратных километров густо усеяно шахтами, металлургическими, станкостроительными и другими заводами и фабриками.

Ныне Силезия — единый могучий промышленный организм. Победа Советской Армии сломала и снесла искусственные границы, разделявшие до войны этот благодатный край. Советская Армия помогла польскому народу изгнать отсюда пришлых хозяев, иностранных дельцов-капиталистов.

До войны и в той части Силезии, которая считалась польской, безраздельно господствовали иностранные капиталисты. Кому только не продавалась силезская горнозаводская промышленность с молотка и в тайных бир-

Молодежная бригада в час отдыха (шахта Мокошов).

[1] Перуне — силезское характерное выражение, обозначающее «гром и молния».

жевых сделках! Так называемое «Катовицкое горнопромышленное общество» было лет 20 назад весьма популярным на международной бирже. На акциях этого «общества» наживался в свое время индустриальный магнат фашистской Германии Флик, сообщник Гитлера. Как в своем доме, хозяйничало здесь известное своими спекулятивными махинациями австро-немецкое общество «Альпине монтана». Потом акциями «Катовицкого горнопромышленного общества» завладели дельцы из французских «двухсот семейств», за спиной которых стояли, впрочем, те же немецкие капиталисты.

Теперь Силезия в руках трудового народа. Став у власти, трудящиеся Польши сразу же после изгнания немцев по-хозяйски взялись за дело. Тот большой подъем, который на каждом шагу наблюдается сейчас в Силезии,— дело инициативного, творческого труда рабочего класса.

Ритмично и напряженно бьется сердце индустриальной Силезии. Она добывает, плавит, кует. В шахтах, на заводах и фабриках — всюду мы были свидетелями того, что Силезия действительно стала гигантской кузницей новой, народной Польши.

Неотразимое впечатление оставляет Силезия ночью, когда на копрах шахт загораются мощные огни электрических ламп и прожекторов, а над металлургическими заводами поднимаются высоко в небо огненные сполохи от выпускаемого из доменных печей и мартенов металла. Ночь отступает перед ярким светом человеческого труда, раскрепощенного от капиталистической кабалы, утверждающего новую, свободную жизнь для трудящихся...

УГОЛЬ ИДЕТ НА-ГОРА!

Уголь, который дают стране ежедневно силезские шахтеры, можно представить себе в виде нескончаемой ленты эшелонов. В цифрах добыча угля в шахтах Силезии выглядит так: 1946 год — 47 миллионов тонн, 1947 год— 59, 1948 год — 70 миллионов тонн!

«Уголь — наше золото» — эти слова вы непременно услышите из уст силезских горняков. «Мы вывозим уголь в десяток стран»,— обязательно добавят они.

С горняками шахты «Забже-Всхуд» мы повидались невдалеке от Катовиц. Коллектив этой шахты выступил осенью прошлого года зачинателем трудового соревнования в стране.

По приглашению рабочих мы спустились в один из забоев шахты. Нас сопровождал заместитель директора шахты Ежи Видера, восемнадцать лет проработавший здесь забойщиком.

Мы разговорились с шахтерами. Речь, естественно, зашла прежде всего о соревновании, в котором принимают участие все рабочие смены.

Шахтеры, продолжая откалывать отбойными молотками сверкающие в свете карбидных фонарей куски угля и грузить их на транспортер, толковали о соревновании поразному, но смысл их слов был один.

— Соревнование ведет к тому, что добываем больше угля,— это хорошо и стране и мне, ибо растет и мой заработок,— сказал Стефан Свердзэ, дающий систематически по полторы нормы.

— Соревнование — это двигатель производства, оно помогает нашему государству выполнять и перевыполнять план, — заявил, улыбаясь, молодой врубмашинист Ян Копец.

Нам сообщили, что среди шахтеров своего забоя он на первом месте по добыче.

Лучший навалоотбойщик шахты Эрих Дворачек сказал:

— Уголь непрерывным потоком должен идти на-го́ра, и так же непрерывно должна улучшаться жизнь рабочих...

Было ясно, что силезские шахтеры научились по-новому смотреть на труд, что они отчетливо видят связь между своим трудом и благосостоянием народной Польши.

— Как вы добиваетесь перевыполнения дневной нормы? — спросили мы.

— Учимся у советских горняков!..— с воодушевлением отозвались шахтеры с разных сторон.

Передовые горняки шахты «Забже-Всхуд» действительно перенимают богатый опыт советских шахтеров-стахановцев. Они заранее готовят фронт работ, рационально используют рабочее время, умело применяют технику.

Мы побывали и у горняков «Червоного заглэмбя». В прошлом году этот бассейн занял первое место в стране по выполнению плана добычи. Здешние горняки не хотят и нынче уступать первенство. Большинство шахт «Червоного заглэмбя» значительно перевыполняет месячные планы: соревнование и тут проявляет свою воодушевляющую и организующую роль.

Уголь идет на-го́ра! В этом году шахты Польши должны дать не менее 74 миллионов тонн. Горняки с уверенностью говорят:

— Дадим больше!

МЕТАЛЛ, РОЖДАЮЩИЙ ЖИЗНЬ

Название завода «По́куй» означает в переводе «мир». Продукция этого гиганта, в цехах которого работает почти 10 тысяч рабочих, служит мирному развитию народной Польши.

Металл, рождающийся в цехах этого завода, идет на постройку кораблей, впервые начатую в Польше после войны. Он со звоном ложится в пролеты новых мостов и виадуков. Сталевары завода «По́куй» немало потрудились наравне с другими силезскими металлургами, для того чтобы Варшава получила новые мосты — железнодорожный и автомобильнопешеходный. Металл «По́куя» — это пролегшие от Силезии до Балтийского моря рельсы, по которым мчатся день и ночь в Штеттин, Гданск и Гдыню составы с углем.

В забое шахты имени Пстровского.

Нас познакомили со сталеваром Антонием Крупой. Это уже довольно пожилой человек, с крупной лысой головой и густыми усами. На заводе он работает 28 лет. За образцовый труд народно-демократическое правительство наградило его орденом.

— Металл — основа всего,— говорит Крупа. — Без него не может жить ни город, ни деревня. Хочу, чтобы наша свободная Польша имела больше металла!

Наравне с заводом «По́куй» успешно трудятся на ниве вновь созданной могучей польской металлургии и другие силезские «хуты» — так еще называют в Польше по старой традиции металлургические заводы. В металлический фонд страны вливают свой труд рабочие заводов «Костюшко», «Баторий», «Флориан» и много других.

Эти предприятия досрочно выполнили в прошлом году свои планы. Сейчас они борются за то, чтобы как можно быстрее завершить осуществление трехлетнего плана. Хута «Костюшко» недавно выступила инициатором трудового соревнования всех заводов страны.

В силезской металлургии упорно и настойчиво двигают вперед дело лучшие люди, ударники производства, для которых труд стал делом славы.

Польша будет иметь много металла!

ЛЮДИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Силезские горняки выступили инициаторами движения за высокую производительность труда в стране. Зачинателем движения был Винцент Пстровский, известный сейчас всей новой Польше. Изучив методы работы передовых советских шахтеров, он перевыполнил норму сначала в три раза, а затем в четыре и пять раз.

Почти всю свою жизнь Винцент Пстровский проработал в угольных шахтах капиталистической Бельгии, куда он уехал из родной страны, гонимый безработицей и голодом. В 1945 году он вернулся по призыву демократического правительства на родину и всем сердцем отдался творческому труду на благо новой, народной Польши.

Рекорд, установленный старым шахтером, был вскоре перекрыт в несколько раз братьями Бугдол — Рудольфом и Бернардом,— а их выработка в свою очередь была превышена Чеславом Зелинским. При этом последователи Пстровского добились стабильно высокой дневной выработки.

Сейчас движение, поднятое Винцентом Пстровским, разрослось до огромных размеров. Удары отбойного молотка шахтера-патриота отозвались призывным эхом среди тысяч шахтеров, а затем — рабочих металлургических и иных предприятий. Пстровский умер, но продолжатели его дела высоко несут поднятое им знамя соревнования.

Братья Бугдол так оценивают свой вклад в это замечательное патриотическое движение:

— Выработку на добыче угля мы учетверили, а потом упятерили — это так. Но наше желание заключается не только в этом. Нужно сделать так, чтобы рекорды стали в польских шахтах массовыми, чтобы производительно работали не только передовики, а все горняки. Если наш труд, наш почин помогли этому, то мы большего и не желаем!

Тысячи рабочих выдвинуты на руководящие хозяйственные посты, посланы на учебу, чтобы стать мастерами, техниками, инженерами.

Старший из братьев Бугдол, Бернард, сейчас работает инструктором по социалистическим методам труда в Центральном комитете профсоюза горняков. Младший, Рудольф, послан на учебу в горный техникум. Рядовой шахтер, ударник Чеслав Зелинский недавно назначен директором шахты «Вечерек». Рабочий Генрик Гринич стал административным директором на заводе «По́куй».

На-го́ра идет в Силезии добыча угля, выплавка металла. На-го́ра подымаются и те, кто добывает и плавит!

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

В экономике Германии, как свидетельствовала довоенная немецкая статистика, промышленный потенциал Силезии играл второстепенную роль. В предвоенные годы он составлял всего 4,2 процента промышленной продукции страны. Из-за отдаленности Силезии от главных немецких индустриальных центров она была окрещена «слепым переулком». Значение Силезии повышалось лишь в период войн, когда она превращалась в мощную военную базу германского милитаризма.

Для Польши Силезия стала неотрывной, органической и важнейшей частью народного хозяйства. Она уже оказала огромное благотворное влияние на успешное завершение трехлетнего плана восстановления и развития страны. Польша твердо стала на путь быстрого индустриального развития. Облик ее изменился неузнаваемо: из страны преимущественно сельскохозяйственной она превращается в страну крупной передовой промышленности. Силезии принадлежит в этом выдающаяся роль.

Новый, шестилетний план предусматривает бурное развитие промышленности в центральных и в особенности восточных районах Польши, экономически отсталых, аграрных. Силезия будет поставлять для первенцев индустрии в этих районах не только металл, но также в огромных количествах оборудование, станки, механизмы. Таким образом, Силезия станет строителем новых заводов и фабрик.

Курс народно-демократической Польши на индустриализацию открывает перед Силезией и ее славным рабочим классом, ее новаторами невиданные до сих пор перспективы.

— Силезия, о, это надо понимать! — часто вспоминаются мне слова старого шахтера, нашего спутника в ночном катовицком поезде.

Силезия — это символ сегодняшнего и завтрашнего дня новой, народной Польши.

Катовицы — Варшава.

НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

Геннадий ФИШ

Двадцать лет Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук! Созданная по замыслу великого Ленина и названная его именем, оплодотворенная идеями Сталина, академия стала штабом передовой, творческой биологической науки.

Академия объединяет ряд институтов, под ее руководством работает множество опытных и экспериментальных станций в Москве, Ленинграде, Одессе, Мичуринске, Омске, в самых разных уголках Советского Союза. Каждый из этих институтов, каждая из этих баз имеет свою увлекательную историю.

Мичуринск. Здесь творил один из гениальных биологов мира, Иван Владимирович Мичурин, слова которого: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» — сделались боевым знаменем наших ученых и колхозников.

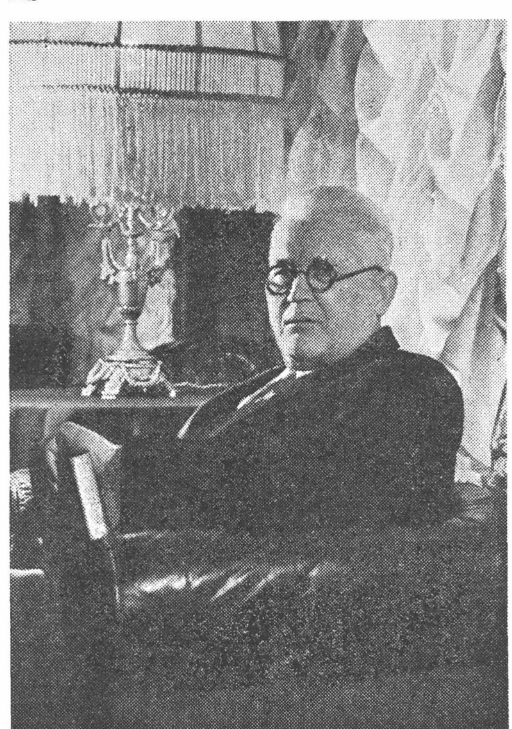
В Мичуринске Иван Владимирович создал около 300 новых сортов плодовых растений. Здесь, опираясь на открытые им законы живой природы, продолжают совершенствовать старые сорта растений и творить новые — ученики Мичурина: академик П. Н. Яковлев, профессора И. С. Горшков, С. Ф. Черненко...

Одесса. Всесоюзный институт селекции и генетики имени Лысенко. В Одессе Т. Д. Лысенко, развивая и продолжая учение Мичурина, сделал выдающиеся открытия. Первое по времени — яровизация семян. Уже много лет с помощью яровизации колхозы получают миллионы и миллионы пудов дополнительного урожая. В Одессе Лысенко выдвинул знаменитую теорию стадийного развития растений. В Институте селекции и генетики за рекордно короткие сроки были выведены новые сорта пшеницы для юга Украины, выращен украинский хлопок, предложен оригинальный метод летних посадок картофеля, полностью разрешивший проблему выращивания картофеля на юге, который до того там неизменно вырождался.

В Одессе возникла плодотворная идея о внутрисортовых и межсортовых скрещиваниях.

Т. Д. Лысенко — президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.
Фото Дм. Бальтерманца

В. П. Мосолов — вице-президент академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.
Фото В. Евграфова

Долгое время институт был главной цитаделью воинствующей материалистической агробиологической науки. Под руководством Лысенко здесь работали известные ученые — академики Д. А. Долгушин, И. И. Презент, А. А. Авакян, М. А. Ольшанский. Сейчас там трудятся лауреаты Сталинской премии академик М. А. Ольшанский, А. Д. Родионов, А. С. Мусийко. Предложенное Мусийко и широко внедряемое в производство дополнительное опыление подсолнечника, ржи, кукурузы, проса, ячменя дает прибавку в миллионы центнеров зерна.

В этом году на полях Одесского института было засеяно гнездовым способом по методу Т. Д. Лысенко 150 гектаров леса. Леса под Одессой! Раньше там о них только мечтали.

Неподалеку от Одессы — другой институт академии — Аскания-Нова, место, где трудился, создавая новые породы животных, Мичурин нашего животноводства академик М. Ф. Иванов и где ныне плодотворно работает академик Л. К. Гребень. Асканийские породы свиней и овец славятся по всему Советскому Союзу.

Омск. Сибирский научно-исследовательский институт зернового хозяйства. В нем разрешена одна из коренных проблем сельского хозяйства Сибири, над которой сто лет бесплодно бились ученые и практики. Это проблема сибирской озимой пшеницы. Изменив агротехнику возделывания озимых, Лысенко достиг того, что теперь нет ни одного сорта этой культуры, который не мог бы вызреть в Сибири. И более того, этот богатый край скоро начнет давать высококачественный, зимостойкий посевной материал озимых сортов для других областей страны.

Ленинград. Всесоюзный институт растениеводства. В нем собраны и самоотверженным подвигом работников института сохранены в дни блокады мировые коллекции семян, самые полные, самые лучшие в мире. Тут работает академик И. Г. Эйхфельд, пионер заполярного земледелия. Много лет назад он приехал в Хибины, на Кольский полуостров, и организовал опытную сельскохозяйственную станцию там, где раньше считалось немыслимым земледелие. В Хибинах выведены сорта овощей для Крайнего Севера и среди них такой скороспелый сорт картофеля, который на юге дает два урожая за лето. На Хибинской опытной станции Института растениеводства разработана заполярная агротехника многих сельскохозяйственных культур.

Если на Хибинской станции разрешена проблема заполярного земледелия, то на Аральской станции института группа научных работников, возглавляемых Е. А. Малюгиным, во многом решила проблему земледелия в зоне полупустынь.

Горки-Ленинские. Экспериментальная база академии под Москвой расположена по соседству со знаменитым домом, где жил великий Ленин.

Сколько было поставлено в Горках экспериментов, способствовавших дальнейшему развитию науки! Здесь была создана агротехника возделывания кок-сагыза — необходимого нашему народному хозяйству отечественного каучуконоса, «русского одуванчика», как его называют за рубежом.

В этом году на полях в Горках уже зреет на десятках гектаров ветвистая пшеница, над которой по предложению товарища Сталина работает Лысенко. Открытие способов возделывания этой пшеницы и выведение ее сортов, приспособленных к местным климатическим условиям, сулит подлинную революцию в зерновом хозяйстве. Вспомним, что даже урожаи в шестьсот пудов с гектара не являются биологическим пределом для ветвистой пшеницы.

Ялта. Никитский ботанический сад имени В. М. Молотова, одно из научных учреждений академии, ныне стал опорным пунктом по переселению субтропических растений и цитрусовых в северные районы.

Мы назвали только часть институтов, опытных станций и баз академии. А ведь в нее входят еще институты механизации и электрификации сельского хозяйства, удобрений и агротехники, сельскохозяйственной микробиологии, защиты растений...

Огромен размах работы академии, и вся ее деятельность связана с быстро растущим социалистическим сельским хозяйством. Недаром колхозники и агрономы любовно называют ее Народной академией.

По-настоящему двигать вперед и развивать

Здание Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

науку в небывалых темпах можно только тогда, когда ее используют в каждодневной практике самые широкие массы. Это доказывается и деятельностью самого президента академии академика Т. Д. Лысенко.

О каждом годе знаменательного двадцатилетия академии можно написать интересную и поучительную повесть. Все это время жизнь академии была заполнена напряженной идейной борьбой ученых — мичуринцев-материалистов с идеалистами-вейсманистами.

Нужны самозабвенная преданность научной истине, подлинная принципиальность большого ученого-естествоиспытателя, неразрывная связь с народом, проникновение в творческую философию диалектического материализма, чтобы возглавить борьбу биологов-материалистов так, как это сделал Т. Д. Лысенко. Он распознал под пышной псевдореволюционной фразеологией бесплодные абстракции идеалистических теорий — этого «пустоцвета на древе познания».

Во время многолетней борьбы с менделистами-вейсманистами мичуринцы неоспоримо доказали правильность своих теоретических взглядов, твердо проверенных на колхозных и совхозных полях.

Завершающим актом этой борьбы была сессия Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени В. И. Ленина в июле — августе прошлого года в Москве,— сессия, которая ознаменовала полную победу мичуринской биологии, одержанную при помощи партии и лично товарища Сталина.

Об этой сессии, являющейся поистине исторической вехой в развитии естественных наук, товарищ В. М. Молотов сказал:

«Дискуссия по вопросам теории наследственности поставила большие принципиальные вопросы о борьбе подлинной науки, основанной на принципах материализма, с реакционно-идеалистическими пережитками в научной работе, вроде учения вейсманизма о неизменной наследственности, исключающей передачу приобретенных свойств последующим поколениям...

...Дискуссия по вопросам биологии имела и большое практическое значение, особенно для дальнейших успехов социалистического сельского хозяйства. Недаром эту борьбу возглавил академик Лысенко, заслуги которого в нашей общей борьбе за подъем социалистического сельского хозяйства всем известны...

...Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе».

Темп развития биологической науки после исторической сессии еще сильнее убыстрился. В октябре прошлого года был опубликован великий сталинский план преобразования природы. Выполнение этого грандиозного плана — уничтожение засухи, поднятие плодородия, введение травопольной системы, насаждение миллионов гектаров леса — фактически создаст материк с новым климатом, с новой природой. Выполнить план возможно только при широком участии всей науки.

Один из центральных пунктов этого великого плана, преобразующего нашу землю,— насаждение около шести миллионов гектаров леса в засушливой степи. До сих пор посадки леса в степи были узким местом в науке и практике. Несмотря на огромный труд, лес в степи плохо приживался и зачастую погибал. Разные предельческие теории в мировой науке так или иначе оправдывали это явление, объявляя его чуть ли не законом природы.

Требовалось найти способы лесонасаждения, которые при гораздо меньших затратах трудовых усилий давали бы гораздо больший экономический эффект и гарантировали бы долговечность и жизнеспособность лесных полос. И вот в великом сталинском плане записан пункт 26-й, который обязал академию в двухмесячный срок разработать указания о проведении лесопосадок.

Подвергнув анализу весь вековой опыт неудач, отбросив в сторону лжезакон о внутривидовой борьбе, на котором строились старые теории лесопосадок, академик Т. Д. Лысенко предложил новый метод — гнездовой посев лесных полос. О нем читатель «Огонька» знает из интервью с Т. Д. Лысенко, опубликованного в № 10 журнала.

В своем выступлении на совещании колхозников и агрономов Куйбышевской области, состоявшемся в академии, Т. Д. Лысенко сказал о гнездовом посеве: «Для лесных пород создаются наилучшие условия, а затраты труда и средств по уходу за посевами и посадкой лесополосы во много раз уменьшаются в сравнении с общепринятым способом проведения посадок лесных деревьев в степных районах».

Разрешая задачи, встающие непосредственно при осуществлении великого плана, наша наука поднимается на новую ступень.

В академию специально приезжают, чтобы разрешать насущные вопросы земледелия, делегации колхозников и агрономов. Так возникает еще одна новая форма связи науки и практики,— связи прямой и непосредственной, повышающей ответственность людей науки и действенность их работы...

В этом году на огромной площади в сотни тысяч гектаров колхозы и совхозы добиваются высокого урожая гречихи. И подобно тому, как это было в 1947 году при опыте с просом, так и сейчас при опыте с гречихой научное руководство возложено на академию. «Опытная делянка» на этот раз равна сотням тысяч гектаров. И сейчас, когда пишутся эти строки, на полях буйно зацветает широкорядная гречиха, возделываемая по новой агротехнике.

Миллионы колхозников взялись за выполнение трехлетнего плана развития животноводства. Для того, чтобы успешно разрешить этот план, необходимо сочетать усилия колхозников с передовой наукой.

Именно вопросам животноводства и была посвящена последняя, состоявшаяся в мае этого года сессия академии. Для того, чтобы дальше подымать животноводство, необходимо было разбить вейсманистскую, формалистскую, не считающуюся с интересами практики лженауку, которая тормозила развитие нашего животноводства.

Этому и был посвящен доклад президента академии Т. Д. Лысенко, показавший пример блестящего применения мичуринской теории в животноводстве. Предложения Лысенко о перестройке всего племенного дела, принимаемые ныне практикой, двигают вперед науку и всемерно помогают животноводам возможно быстрее и успешнее решить те задачи на пути к полному изобилию, которые поставили партия и правительство.

Двадцать лет — это юношеский возраст... Для науки, пожалуй, даже детский. Но уже в детском возрасте русские былинные богатыри удивляли всех своей необоримой силой.

Мы убеждены, что главные подвиги академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина еще впереди. И подвиги эти будут совершены нашей наукой, борющейся вместе со всем народом под знаменем партии Ленина — Сталина за коммунизм!

Здание Всесоюзного научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства.

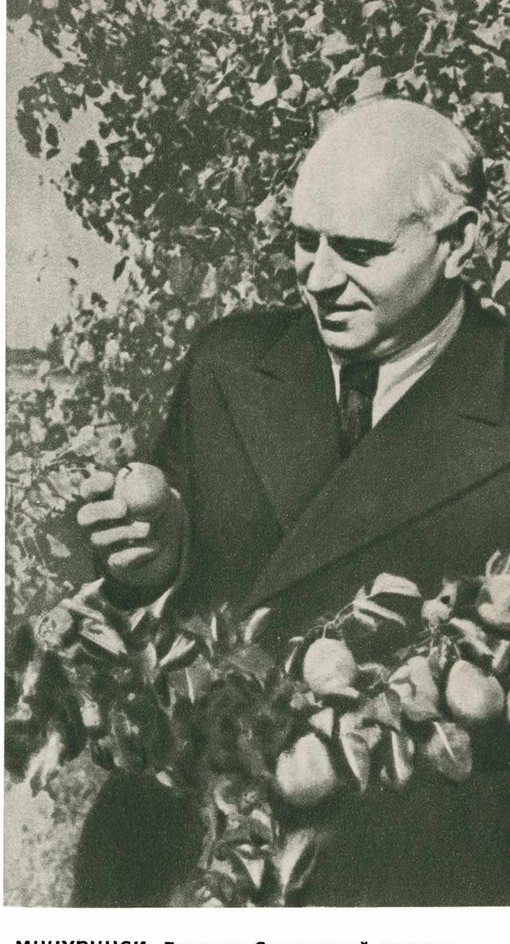
Фото Э. Гутгарца

ОДЕССА. В теплице Всесоюзного института селекции и генетики имени Т. Д. Лысенко. Лауреат Сталинской премии И. Х. Губенко и техник Е. Н. Кирьянова проверяют на термографе запись температуры.

МОСКВА. Всесоюзный научно-исследовательский институт механизации сельского хозяйства. Ветросиловая лаборатория. Руководитель лаборатории доктор технических наук Е. М. Фатеев у модели ветряного двигателя.

МИЧУРИНСК. Лауреат Сталинской премии академик П. Н. Яковлев работает над выведением новых сортов плодоягодных растений. На снимке: П. Н. Яковлев у гибридного сеянца груши.

Работники Всесоюзного института гидротехники и мелиорации ведут наблюдения за работой дождевальной установки на полях колхоза имени Кагановича, Московской области. На снимке (слева направо): руководитель отдела орошения института конструктор установки Е. Г. Петров, сотрудник института Б. Д. Харитонов, студентка-практикантка Тимирязевской академии Надежда Стеклова и председатель колхоза Н. К. Цветков.

Опытные поля экспериментальной базы Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина в Горках-Ленинских под Москвой.

В круге: академики Д. А. Долгушин (слева) и А. А. Авакян осматривают посевы ветвистой пшеницы на опытном поле экспериментальной базы в Горках-Ленинских.

На экспериментальной базе в Горках-Ленинских ведутся наблюдения над домашними животными. На снимке: двухлетний рысак, выращенный на базе.

Внизу: Никитский ботанический сад имени В. М. Молотова в Ялте.

Фото Э. Гутгарца, В. Евграфова, М. Савина и Фотохроники ТАСС.

Их любит, растит и лелеет страна

Фото Е. Микулиной

Государство заботится о благе каждого гражданина еще до появления его на свет, оно оберегает здоровье матери.

Когда начинаются эти девять месяцев, изменяющие всю жизнь женщины, ей особенно нужны любовь и забота близких, полный душевный покой, тогда особенно дорого ей внимание окружающих. Лучшие друзья и советники будущей матери — врач и медсестра женской консультации. Они следят за ее здоровьем, при первой же необходимости оказывают ей помощь, поддерживают в ней бодрость духа.

Много значит для матери и будущего ребенка нормальное течение беременности. Иногда женщине нужен особый режим, постоянное наблюдение врача. В таких случаях консультации направляют будущую мать в санаторий для беременных.

Эти санатории находятся всегда за городом. Санаторий в Сокольниках обычен для учреждений этого типа. Здесь и высококвалифицированное медицинское обслуживание, и хороший уход, и режим дня, и особый рацион питания...

Самая обстановка благотворно действует на женщину. Со вкусом обставлены и убраны комнаты, сверкающие чистотой, по-домашнему уютные. Шелковый тонкий тюль оконных штор гармонирует с покрывалами и накидками на кроватях и цветом стен. На столиках, диванах, креслах, на рояли салфеточки, скатерти, дорожки. Это — художественное рукоделие отдыхавших здесь женщин, оставленное санаторию в благодарность за уход и за ласку.

В летние дни все «мамы», конечно, в саду. Нина Александровна Черных удачно сшила своему малышу кофточку. Она демонстрирует свое искусство Нине Борисовне Нестури и Марии Васильевне Ивашкевич. «Оппонентом» выступает Пелагея Никитична Максимова (сидит слева).

Эти четыре женщины, работницы разных предприятий, пробыв в санатории некоторое время, уже чувствуют себя прекрасно.

Здоровые матери — счастье страны, здоровые дети — ее гордость. К Алле Александровне Ивановой и ее новорожденному сыну Саше эти слова подходят вполне.

В родильном доме мать учится правильно кормить ребенка. Здесь строго соблюдается время, установленное для кормления. Мать ждет этого момента с большим нетерпением. А сын спокойно спал...

Нуждается ли эта фотография в подписи? И так всем ясно, как счастлив отец, впервые взявший на руки своего сына Сашу.

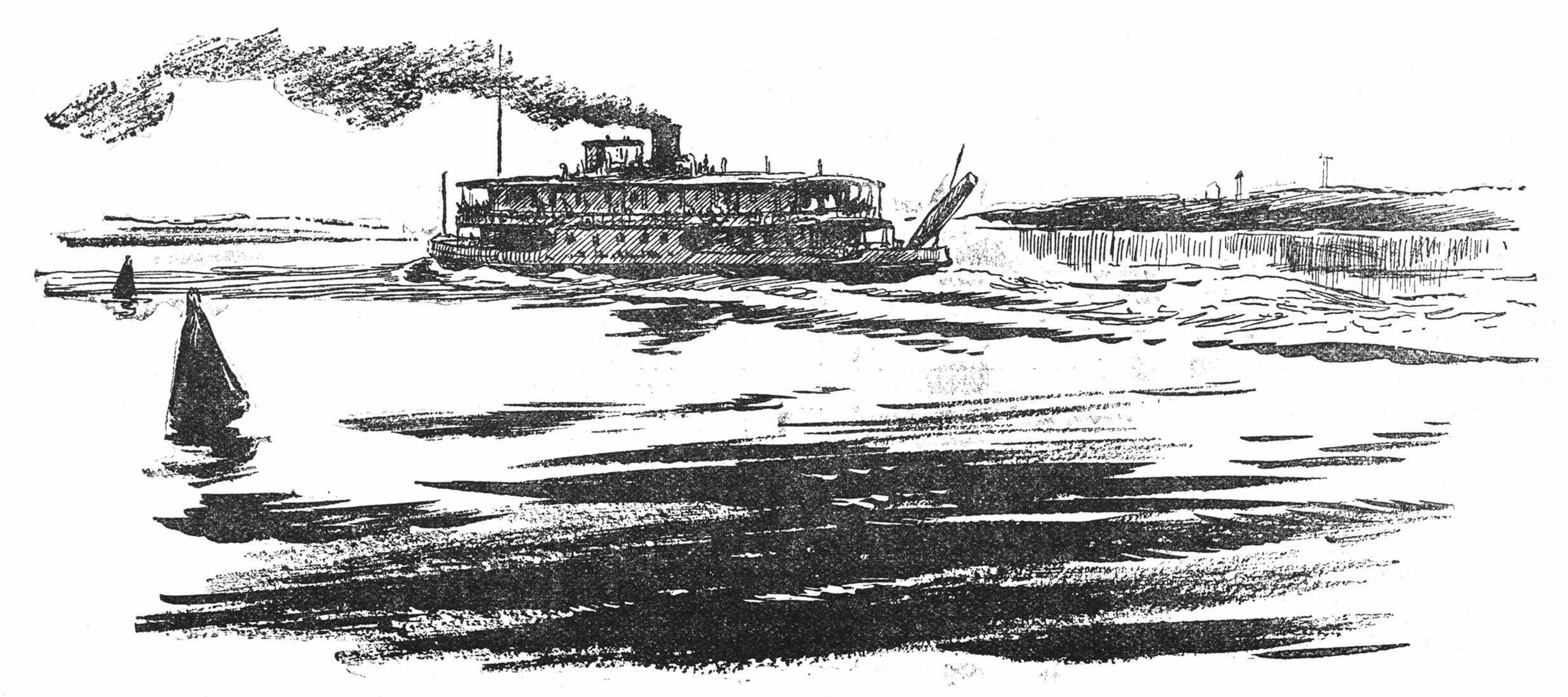
Вот они и дома! Молодой матери нелегко сразу стать и хорошей кормилицей и умелой няней. На второй день после прихода ее с сыном из родильного дома их посетила медсестра Ольга Ивановна Бажутина. Она показывает Алле Александровне, как лучше и удобнее одевать и завертывать сына, дает ей еще много самых нужных и полезных советов. Она будет приходить сюда часто, будет здесь своим, родным человеком.

Люсе Поповой уже одиннадцать месяцев. Ее мать, Евгения Ильинична, часто приходит с дочкой в детскую консультацию.

Люся хорошо знает своего доктора Любовь Григорьевну Стаецкую и охотно показывает ей свое новое «достижение»: она научилась делать «ладушки».

А это уже совсем самостоятельные люди. Они путешествовали по большому саду, а теперь их заинтересовал бассейн. Вот причалил к берегу кораблик. Сейчас будет спущена на воду моторная лодка. Валя уже издает звук, с которым лодка понесется по волнам и обгонит всех рыбок и утку.

ПОРОГИ

Рассказ

Олесь ГОНЧАР

Рисунки В. Высоцкого

Пароход шел вниз по Днепру. Упругий ветерок нес ему навстречу пресную свежесть большой воды, тонкий пряный аромат далеких степей.

Быстро рассветало. Пассажиры на палубе зашевелились. Первыми проснулись два старичка, с самого вечера громко храпевшие, прижавшись спинами друг к другу возле теплой задымленной трубы парохода. Привычно начали складывать свои шинели сержанты, спавшие всей командой вповалку прямо посреди палубы. На скамейках уже пудрились аккуратные студентки, украдкой заглядывая в зеркальца и охотно переговариваясь с крепкой пожилой колхозницей, сидевшей на пустой плетеной корзине, перевернутой вверх дном. Рядом с колхозницей, втиснувшись между таких же корзин, сладко дремали несколько ее односельчанок.

— Вы, наверное, на каникулы? — оглядывая девушек, мягко, но с нескрываемым интересом допытывалась колхозница.

Одна студентка чуть заметно вздохнула:

— Нет, тетя... у нас уже назначение на руках. Учительствовать едем.

— Вот оно что... Уже, значит, учительницы... А я думала, студентки. На прошлой неделе все студенты ехали. Сколько того народа учится! Как глянешь — сердце радуется.

Женщина, неторопливо одергиваясь и отряхиваясь, поднялась, выпрямилась в полный рост — высокая, дородная, дебелая.

Громко, со вкусом зевнула, глядя на розовеющий восток.

Потом, осторожно переступая через ноги своих спящих спутниц, выбралась на свободное место, подошла ближе к девушкам. Остановилась, как мать среди дочерей, приветливая, спокойная, в новой зеленой телогрейке, застегнутой на все пуговицы, в белоснежном платочке, красиво обрамлявшем ее загорелое, обветренное, лучащееся морщинами лицо.

— А меня вот в область вызывали на совещание по зеленому конвейеру. Третий год начальствую на ферме,— женщина сдержанно улыбнулась.— До войны дояркой была, а теперь назначили завом. Овладела, говорят. И в самом деле: во вторник выехала из дому, а уже, знаете, как-то затосковала, будто месяц разъезжаю. Встретила вот на пристани наших,— колхозница показала глазами на женщин, спавших среди корзин,— спрашиваю: как там телята? Смеются. Они от колхоза привозили абрикосы на базар, деньги на баркас выручаем... Можно здесь присесть?

Женщина, запросто отодвинув чемоданчик одной из девушек, присела на краю скамьи.

Восток разгорался. И все небо светлело, росло, будто поднималось пароходу навстречу. Чистый воздух был напоен терпкой утренней свежестью. Посреди реки, по ясному спокойному фарватеру, кое-где еще сновали на своих легких лодочках бакенщики, гасили поблекшие, уже едва заметные сигнальные огни.

— Какой тут Днепр широкий! — восторженно воскликнула белолицая живая девушка с острыми плечиками.— Вечером, когда мы ложились спать, берега были рядом, совсем близко! А сейчас словно расступились...

— И какие открытые! — отозвалась другая. — Как далеко видно!..

— Широко, просторно, аж дух забивает. Раздолье!

— Идем по озеру Ленина,— пояснила колхозница.— Скоро пороги.

— Пороги? — студентки теснее окружили свою спутницу, возбужденно и доверчиво заглядывая женщине в глаза. — Тетенька, как это интересно!.. Те самые пороги?

— Те самые... Собственно, вот они уже начинаются.

Девушки сразу как-то торжественно притихли. Словно повеяло на них чем-то давним, воспетым в песнях, романтичным. Днепровские пороги! Они где-то здесь, погруженные в глубины, затопленные высоко поднятыми водами.

— Тетя, а вы видели пороги? Еще тогда, раньше... Когда они были наверху...

— Насмотрелась,— сразу мрачнея, ответила колхозница.— Дай бог не вспоминать.

— Почему вы о них так... недружелюбно?

Женщина помолчала. Сложив руки под грудью, уселась поудобнее, подогнув ноги под скамью.

— Вижу, вы нездешние?

Девушки ответили, что действительно проплывают в этих местах впервые.

— То-то и оно... А я выросла вот тут, среди этих камней, как та чайка береговая. Лет до тридцати, а то и больше, кроме порогов, ничего и не видела.

Женщина задумалась.

Солнце уже взошло. Днепр заиграл, засверкал во всю ширь, будто покрытый слепящей широколистой травой. От далекого крутого берега на воду ложились оливковые тени.

— Вы вот теперь учитесь, всюду вам дорога, — ровным, спокойным голосом заговорила женщина, — а я в ваши годы дальше своей хаты нигде не бывала. Жила, как взаперти. Да разве только я одна?.. Все мы жили, как с завязанными глазами.

Село наше стояло между двумя порогами — Лоханским и Звонецким. Выйдешь, бывало, на берег, глянешь налево, ниже села,— один порог белеет; глянешь выше села — там другой клокочет. Тот бешеный, а другой еще страшнее — никуда не выпустит. Запирали они нас, как замками, от всего света. Оставался открытым один-единственный путь — к кулакам и колонистам в наймы.

Муж мой тоже был коренной днепровец, лоцмановал с товарищами. Водил чужие плоты сверху вниз через все девять порогов. Это они ему, бедняге, и век укоротили... Опасная, страшная была работа! Иные не выдерживали. Когда приближаются, бывало, к порогу, то прощаются друг с другом, крестятся, а потом, связавшись между собой канатами, пускаются стремглав вниз, в ревущий омут. Бревна, ударившись о камни, свечками взлетают вверх. А мы, женщины, уже стоим на берегу, каждая сама не своя. Потому что не знаешь, обойдется там счастливо или, может, прибьет волной к берегу твоего мужа с раскроенным черепом.

Вот так и я своего дождалась. Как-то под вечер принесла низовая волна моего Свиридона и выбросила его на берег... Принимай, лоцманка, своего хозяина! И — все. Возвращались мои дети домой сиротами, а я — вдовой.

После того, бывало, места себе не нахожу, когда зашумят пороги.

Будто душу из тебя живьем вытягивают. А нужно сказать, что шумели они не всегда, а только на дождь, на непогоду. Были для села своего рода барометром. Когда хорошая погода, — их не слышно, молчат. А когда зашумят глухо где-то ниже и выше села, — так и жди завтра какой-нибудь напасти: бури-непогоды, ливня или града... Мечусь, бывало, как неприкаянная, услыхав тот шум. А он всюду тебя находит, рвет тебе сердце, о муже напоминает...

Старший сын, когда подрос, тоже заупрямился: пойду в лоцманы.

Не пустила. Хватит, говорю, с нас и одного. Иди лучше к Осауленко внаймы, засыпай ему хлебом коморы, пороги там тоже высокие. Это у нас кулак был, Осауленко. Собак полон двор, лошади, как змеи. В воскресенье мчится по улице, ни на кого не глянет, не поздоровается. Быстрее сворачивай, а не то раздавит. Наилучшие земли, плодородные склоны он занимал. А если случится, что чья-то курица его межу переступит, — убьет сразу. На жалобы, на слезы никакого внимания не обратит: «Надо мной и небо мое».

Послала к нему сына. Гнул там спину, аж пока коллективизация не началась. Вот тогда мы вздохнули по-настоящему! Осауленко выпроводили вон из села. Поехал куда-то пасти белых медведей.

А сын мой вскоре стал собираться на Днепрострой. В то время туда двигалась молодежь из всех наших приднепровских сел. «Еду, — говорит, — мама! Похороним пороги — осветим все вокруг электрическим солнцем». Я не возражала, хотя и мало верила в его планы. Да как же это, думаю себе, можно похоронить такие громады, тот ужас, что веками лежал поперек Днепра? Что значит, темная была, — улыбнулась неожиданно лоцманка чему-то далекому-далекому.

— ...А строительство шло и шло. Уже целые села стали переселяться дальше от берега, в степь. Мы на возвышенности, поэтому нас не трогали. И вот в один прекрасный день, уже после весеннего половодья, смотрим — вдруг вода прибывает! Будто наступает вторая весна. Сначала затопило осауленковский луг, что тянулся низом по краю села, потом стали уменьшаться пороги, зарылся в воду здоровенный камень, торчавший посреди Днепра как раз против моих окон. Мы его называли Драконом. Переспали еще ночь, просыпаемся утром — мамочка моя родная! Нет уже ни порогов, ни Дракона, ни старых берегов. Все покрыто водой, красуется перед нами — сколько глаз охватывает — большое озеро Ленина!

Приходят соседи, весело разговаривают, шутят: что это, дескать, лоцманка, у тебя за сын? Пороги затопил, синее море под материны окна привел.

Очень скоро осветились наши колхозы от района к району. Стройные металлические мачты украсили степь. У моей кумы прямо на огороде поставили трансформатор, она даже боялась вначале, что гроза ударит. Потом привыкла. Да и как не привыкнуть: молотилки, веялки, триера, мельница, мастерская — все работало на электричестве. Засияла и в моей хате лампочка Ильича. С тех пор уже, бывало, ни у кого не увидишь на потолке круга сажи от каганца, всегда чисто.

Приехал мой Василько с Днепростроя в отпуск. Уже партийный, ученый, уже техник, или механик при турбинах. Погостил недели две и говорит: «Поедемте, мама, покажу вам электрическое сердце Украины — Днепрогэс». Поехали. Обошла я с ним все сооружения. И на плотине была, и на пульте, и внизу, возле самых турбин, и шлюзовалась два раза. Вернулась домой, рассказываю нашим колхозникам все, что видела: электрическое царство — и только. «Я, — говорю, — уже, наверное, в коммунизме побывала».

С тех пор мы уже не могли представить себя без Днепрогэса. Для всех наших колхозов он стал родным. Срослись мы с ним едиными жилами. Он заболеет — и нам больно. Погас в хате свет — уже переживаешь: не авария ли там? Загорится — радуемся: все, значит, в порядке.

Началась война. Мужчины пошли в армию, а мы противотанковые рвы роем вдоль Днепра. О, какие мы тогда были злые! Не то, что ножами резать — платками готовы были душить тех оккупантов!

А за Днепром каждую ночь зарева стоят.

Однажды вечером начало гаснуть электричество в наших хатах. Медленно, тихо, тоскливо как-то гасло, будто навсегда.

Погасло.

Словно умер кто-то родной, близкий. Темно, жутко сразу стало. Дочка Надя открывает замаскированные окна и вся вздрагивает, плачет. А в окне — пожары из-за Днепра... Всю ночь где-то далеко на юге, в районе Днепрогэса, гремело и грохотало.

Утром вся наша артель была на берегу. Молча стоим, смотрим с холма, как вода медленно спадает, спадает — и вдруг показываются из нее пороги! Камень Дракон вылез на поверхность, покрытый мохом и слизью, какими-то гнилыми водорослями оплетенный. И пороги тоже вынырнули — заплесневелые, черные, как будто злые на всех нас.

Зашумели.

Страшно стало. Мурашки забегали у меня по телу.

— Ой, люди добрые, — кричу, — то ж не пороги вынырнули, то наше проклятое прошлое вернулось!

Сошла, спала вода. На затопленной раньше осауленковской усадьбе и всюду вдоль Днепра образовались болота. Рыбы хоть возами набирай. Да никто ей не рад. Протухла, загнила, засмердела на все село. Задохнуться можно было.

И двинулись мы битыми шляхами на восток. Коровы ревут, теряют молоко прямо на дорогу, не успеваем выдоить. Немецкие самолеты коршунами ходят над головой. На переправах скопление подвод, теснота, свалка...

Как бы там ни было, очутились мы аж за Волгой. Русские колхозники встретили нас приветливо, по-братски. Потеснились со своим скотом, дали место для нашей фермы. И сена выделили. Засучили мы рукава, взялись вместе с ними ковать победу для фронта. Работали от души, от всего сердца, переходящее знамя обкома и облисполкома держали. Ферма наша снабжала соседний госпиталь молоком и маслом. Мы уж так за ней ухаживали, мы уж так ее берегли!

А как вернулись в сорок третьем в свою Слободку, то еще издали услышали: шумят постылые пороги, скалят из воды свои каменные зубы. «Будьте вы, — говорю, — прокляты!»

Потом приехали к нам представители Днепрогэса. Привезли письмо от Василька мне и всем колхозникам. Созвали митинг возле сельсовета. Всколыхнулась наша Слободка: партия кличет на восстановление! Значит, Днепрогэс будет!

Надя моя пришла вечером с комсомольского собрания такая радостная, веселая. Я сразу догадалась, в чем дело. «Езжай, — говорю, — доченька, езжай, помогай брату... На такое дело всей душой тебя благословляю! Потопите их, опостылевших, дайте людям тот ясный свет, что был до войны».

«Еще ярче дадим», — отвечает она мне. А на другой день лопату на плечи — и айда с девчатами на станцию. Может, и вы слыхали про мою дочку? О ней часто передавали: Надя Белозер, знатная бетонщица Днепрогэса... Она у меня бедовая...

Теперь мы опять с электричеством. И молотим, и воду качаем, и силос им режем. Опять тревожимся, как только мигнет контрольная лампочка на столбе. Когда напряжение на время спадает, так уж и знайте: на «Запорожстали» плавку выдают. Мы с ними на одной линии. Породнились с Днепрогэсом и «Запорожсталью» навеки. Каждую минуту сердцем чувствуем один другого.

Приду вот вечером домой, включу свет — и станет мне так легко, будто родные дети залетели в хату, заполнили ее солнцем. А выйду на озеро Ленина — плыви, лоцманка, куда хочешь, не за каменными замками живешь! Безвозвратно ушли на дно лютые пороги.

Уже не шумят.

И знаем, что не шуметь им больше никогда. Никогда!

Женщина умолкла. Девушки сидели некоторое время, как завороженные, глядя на широкий, залитый солнцем водяной путь. Потом вдруг заговорили все сразу:

— О, так это ж мы высоко над ними!

— Идем на всех парах!

— Плывем по новому течению, на высоком уровне...

За бортом парохода солнечные столбы глубоко пронизывали воду.

— Что вам? — вмешалась в девичий разговор колхозница. — Молодые, образованные. Вам можно смело смотреть вперед... Любые пороги одолеете.

— Конечно!

День разгорался. Воздух нагрелся, становилось жарко. Женщина медленно расстегнула свою плотную телогрейку. На груди у колхозницы сияла Золотая звезда.

— Вы... вы... Героиня? — восторженно прошептала одна из девушек.

— Как видите... Может, и вы когда-нибудь удостоитесь...

— Мы?!

— А хотя бы и вы... Если знаешь свое дело и любишь свою Родину, то все сможешь.

На палубе началось движение. Пароход дал протяжный гудок, приветствуя далекую пристань.

— Вот это наша Слободка, — сказала женщина и, поднявшись, крикнула своим односельчанкам: — А ну, бабоньки, хватит вам отлеживаться... Разбирайте кошолки, подъезжаем!

Девушки столпились у перил, увлеченные пейзажем, охваченные ощущением чего-то радостного, счастливого...

Белели села вдоль Днепра. По обе стороны в светлых степных просторах золотились на склонах массивы хлебов, пересеченные от края до края ажурными мачтами высоковольтных линий.

Полноводная, будто немного припухшая река густо сверкала, уходя в бескрайнюю даль.

Все шире расходились берега, поражая будущих учительниц своей новизной. Впереди словно бесшумно открывались огромные ворота в новый, широкий мир, где все, о чем мечталось, осуществится, где все самое прекрасное сбудется...

Перевел с украинского
Лев Шапиро

ЭВКАЛИПТ

Георгий **ДМИТРИЕВ**

Рисунки Е. Афанасьевой

Рассказ

1

Две недели Сашка Марецкий вместе с одноклассником и соседом по квартире Аликом разыскивали и вырезывали картинки, клеили, украшали рамочками, делали подписи. Задача осложнялась тем, что все это нужно было творить тайком, чтобы никто не увидел раньше времени, а потом вдруг удивить родителей и Анну Григорьевну, классную руководительницу.

Наконец альбом был готов. На обложке невероятно красиво, синим и красным карандашами было написано: «Альбом лесонасаждений». Первые страницы занимал генеральный план из «Правды», хотя и понадобилось, чтобы поместился, разрезать его на четыре части. Потом шли породы деревьев; над ними пришлось особенно потрудиться, разыскивая их по журналам и старым учебникам. Труднее всего было найти как раз самое заманчивое: эвкалипт... Это замечательное дерево вырастало со сказочной быстротой, осушало болота, прогоняло комаров и обладало разными другими качествами, которые сразу и не запомнишь. Никак не верилось, что он — австралийский, гигантский, из семейства миртовых — и вдруг будет просто расти у нас на Украине!

Сашка с Аликом совсем было отчаялись найти его, когда неожиданно обнаружили роскошный экземпляр эвкалипта в одном из свежих, только что полученных журналов. Тщательно вырезанный и наклеенный, он с торжеством был обведен особенно толстой и яркой рамкой.

Собственно, мальчики закончили альбом еще вечером, но показать его было некому. Мама Алика задержалась на работе, а сашкины родители ушли в театр. Бабушка хлопотала на кухне. Когда она оторвалась наконец от своей газовой плиты, мальчики, суетясь, усадили ее смотреть альбом. Но бабушка не чувствовала, в чем тут самая красота и сила, и высказывалась не по существу. Увидев мичуринские гибриды, она сказала, что нынче на рынке было ужас сколько антоновки, а по поводу заветного эвкалипта заметила, что когда у нее в запрошлом годе свело поясницу, то соседки советовали растираться эвкалиптовым маслом.

Утром, проснувшись и услышав, что отец встал, Сашка вскочил и оделся с небывалой поспешностью. Когда уже умытый, прижимая альбом к груди, он вышел в столовую, отец, обжигаясь, пил чай: сегодня ему нужно было в институт раньше обычного. Сдерживая дыхание, Сашка подошел к нему и положил альбом на стол.

— Это что же такое? — спросил отец, скосив глаза.

— Альбом, — полушопотом от волнения и гордости сказал Сашка... — Это мы с Аликом... на пару... сами...

— Ага, так-так, — неопределенно произнес отец и, отставив стакан, развернул тетрадь. Она открылась как раз на эвкалипте. Сашка полез было откинуть листы, чтобы отец посмотрел все, с самого начала. Но отец отодвинул его руку: — Подожди-ка, подожди, дружище, — сказал он, приглядываясь к эвкалипту. — Ну, конечно, так и есть! Теперь мне понятно, почему я никогда не вижу целого, не порезанного, не затрепанного журнала. Полюбуйся, Катюша, — обратился он к подошедшей матери. — Сколько раз просил, чтобы ты не давала им журналов хотя бы до тех пор, пока я не прочту!

— А что я могу поделать? — недовольно сказала она, небрежно взглянув на альбом и сердито — на Сашку. — В конце концов я тоже весь день не бываю дома, следи за этим сам.

И она ушла на кухню.

— М-да, культура... — иронически протянул отец и повернулся к Сашке. — Ты уже большой, тебя учат, воспитывают, ты должен понимать, что такое журнал. Это та же книга, а рвать, пачкать, резать книгу — первый признак некультурности...

Ответить на это как будто было нечего. Глядя на отцовские пальцы, ритмично, в такт словам постукивавшие по роскошной кроне эвкалипта, Сашка думал о том, что с этими взрослыми никогда не знаешь, с какой стороны ждать неприятности.

Через десять минут после ухода отца пришел Алик. На его нетерпеливые вопросы об отце Сашка отвечал уклончиво и невнятно, глухо намекая на недопонимание роли эвкалиптовых насаждений вообще. Да и пора было идти в школу, чтобы захватить Анну Григорьевну заранее, до начала уроков.

Они увидели ее, подойдя к порогу учительской. Она сидела в самом конце большого стола, сердито сдвинув брови, с красными пятнами на щеках, и долго не замечала никого. Мальчики все-таки подошли бы к ней. Но как раз посредине комнаты сидел учитель истории Николай Иванович Лагин. Он давал уроки только старшеклассникам, что само по себе внушало уважение и страх. А кроме того они однажды слышали, как даже сама Анна Григорьевна говорила с другими учителями, что придется о чем-то рассказать парторгу Николаю Ивановичу, и что Николай Иванович этого дела так не оставит, и что кому-то очень не поздоровится... Словом, лучше было на всякий случай держаться подальше.

Наконец Анна Григорьевна подняла голову и, видимо, догадавшись, что мальчики пришли к ней, кивком подозвала их.

— Ну, что у вас такое? — спросила она, когда мальчики подошли.

— Мы вот тут... — сказал Сашка.

— Альбом древонасаждений, — задохнулся Алик.

Анна Григорьевна взяла из их рук альбом. Но в это время к ней подошла секретарша с расписанием дежурств.

— Совершенно точно, — сказала она, водя пальцем по расписанию, — вторник и пятница по нижнему коридору.

— Я наконец не понимаю, — вся как-то вскинулась, крикнула Анна Григорьевна, — до каких пор можно пренебрегать самыми законными требованиями? Я же не отказываюсь дежурить, но в верхнем коридоре, понимаете, в верхнем, где мой класс, где я могу за ним наблюдать! Каждый раз повторяется одна и та же история!

Красные пятна на ее щеках сделались еще больше и ярче. Выкрикивая слова, она с таким ожесточением листала альбом, что страницы развевались, как школьный флаг на первомайском ветре. Дубы и ольхи мелькали, точно в кино; австралийский эвкалипт пронесся, будто вырванный с корнем бурей.

Секретарша пожала плечами.

— Я же не могу всем угодить... Поменяйтесь с кем-нибудь сами, — круто повернувшись, она отошла.

Анна Григорьевна постепенно перестала листать альбом. Глядя на него невидящим взором, она машинально разглаживала страницу. Потом прищурилась, читая надпись.

— Это что? — сердито спросила она, ткнув в нее пальцем.

— Кипа... кипарис, — робко сказал Сашка.

— Гнездовье москитов, — хриплым баском добавил Алик.

— Это я сама вижу... А как у вас написано? — она подчеркнула ногтем крупно, старательно выведенные буквы: «гниздовье». — От какого это слова?

— Гнездо, — тихо сказал Алик.

— Значит, как нужно писать: через «е» или через «и»?

— Через «и», — с перепугу сказал Сашка не то, что хотел.

— Ты думай, прежде чем отвечать, — уже мягче сказала Анна Григорьевна и провела рукой по лицу, сама стараясь успокоиться. Но в это время зазвенел звонок.

— Ну, в класс, ребята, в класс, — сказала она, поднимаясь. Сашка за угол потащил к себе альбом.

Возвращаясь из школы, мальчики старались не думать и не говорить об альбоме. Спешить домой, как все эти дни, теперь было незачем. Поэтому они немножко прокатились, уцепившись за кузов грузовика, шедшего в противоположную сторону.

Дома было скучно, ни за что не хотелось браться. В сашкином углу, среди потрепанных книжек, рогаток и испустивших дух футбольных камер валялся альбом лесонасаждений, помятый во время поездки на грузовике. Под завернувшейся обложкой была видна надломленная крона гигантского, австралийского, семейства миртовых, эвкалипта. Стоя у окна, Сашка думал, не пойти ли ему на улицу, где мальчишки самодельными клюшками гоняли по мостовой мечущийся среди трамвайных рельсов черный мячик...

2

Отпустив свой класс, Анна Григорьевна осталась в школе, потому что у нее были уроки в других классах. В учительской, многолюдной в этот час между двумя сменами, она, увидев секретаршу, вспомнила,

что еще не поблагодарила Николая Ивановича: пока она была на уроках, он умело, как всегда, уладил вопрос с дежурствами.

Анна Григорьевна подошла и заговорила с ним об этом.

— Ну, а как же иначе, это же для дела нужно,— сказал он.

— Все-таки спасибо вам большое,— повторила Анна Григорьевна и отошла было, но Николай Иванович удержал ее за руку:

— Я хотел спросить, как же с альбомом-то лесонасаждений? Интересная ведь штука, а?

— Ох! Альбом! — воскликнула Анна Григорьевна и, схватившись за виски, кинулась бегом из учительской, по лестнице, в раздевалку. Она надеялась захватить еще там своих ребят. Но они уже успели одеться и уйти. А ей пора было на урок.

Возвращаясь из школы, она припоминала весь день, наполненный, как всегда, утомительным и захватывающим трудом, маленькими, но значительными событиями. Улыбнувшись, она вспомнила и «гнездовье москитов». Это тоже было маленьким, но значительным событием. Конечно, никуда не годится, что она забыла про мальчишек с их альбомом. Но разве мудрено забыть, когда кипишь и крутишься целый день...

А вот Николай Иванович не забыл ни про ее дежурство, ни про мальчишек, хотя он занят не меньше, а больше, чем она. Нужно будет обязательно завтра же...

«А почему завтра?» — вдруг мысленно перебила сама себя Анна Григорьевна. Николай Иванович не откладывал бы. Квартиру Марецких она помнила, была там раза два. И это почти по пути.

Сашка, вернувшийся с улицы, вошел в дом не сразу и без особого шума для того, чтобы избежать излишних, по его мнению, вопросов: почему поздно и что делал на улице? Но, начав расстегивать пальто, он так и застыл на первой пуговице: из столовой явственно донесся сюда, в переднюю, голос Анны Григорьевны, разговаривающей с отцом. Вереница догадок, одна страшнее другой, с быстротой киноленты промелькнула в его сознании. Дрался? Списывал? Грубил? Схватил двойку?.. Но ведь ничего такого не было. Оставалась только поездка на борту машины.

Сашка прислушался. Но разобрать слова было невозможно. С бьющимся сердцем, с еще бо́льшими предосторожностями он подошел к приоткрытой двери и заглянул в просвет.

— Совершенно с вами согласен,— говорил отец, роясь почему-то в его,сашкином, углу.— Такие вещи не должны проходить незамеченными, мимо нашего внимания. Такие вещи надо всемерно поощрять. Я, знаете ли, и сам...— тут папа помолчал.— Ага, вот! — воскликнул он, вытаскивая что-то из кучи сашкиного имущества, и повернулся к Анне Григорьевне. В руках его был альбом лесонасаждений.

Не веря глазам, Сашка наблюдал, как отец бережно положил его перед сидящей за столом Анной Григорьевной.

— Молодцы ребята, просто молодцы,— говорил он, любовно разглаживая листы.— Ведь это же все надо было где-то раздобыть... Вон, видите, даже эвкалипт...

Сомнений быть не могло. От неожиданности и счастья Сашка засопел, деркулся, нечаянно толкнул дверь. Она открылась. Оба — отец и Анна Григорьевна — повернули головы.

— Ну вот он и сам,— улыбаясь, сказала Анна Григорьевна.— Иди-ка сюда, покажи, объясни нам все...

Но Сашка уже не слышал, его будто ветром сдуло, только хлопнула выходная дверь. Он кубарем скатился по холодной лестнице, вихрем ворвался в нижнюю квартиру:

— Алька, ко мне! — закричал он страшным голосом, хотя Алик стоял перед ним.— Пошли скорей! Там Анна Григорьевна пришла... Альбом... отец... эвкалипт...

Алик ничего не понимал. Но раз Сашка так кричит, значит, дело срочное и важное, и рассуждать нечего. Он беззаветно ринулся за Сашкой, а мать кричала им вслед:

— Вот сумасшедшие-то! Ну и сумасшедшие же! Хоть шапку бы надел!

Академик из Москвы

Марк СОБОЛЬ

Над землею — небо чистое,
путь не близок, не далек,
и трусил рысцой небыстрою
пожилой гнедой конек.
А вокруг— поля зеленые
да в лугах разгул травы...
Ехал к нам в село районное
академик из Москвы.
Захмелев от ветра свежего,
тихо радуясь весне,
ехал гость в костюме бежевом,
в шляпе фетровой, в пенсне.
Эй, гнедой, стучи копытами!
За рекой пойдут сады,
где на практике испытаны
академика труды.
Как в ладонь, сбирает лучики
ранним утром каждый лист...

...Надо ж было, чтоб в попутчики
попросился гармонист.
Молча гостя поприветствовал,
сел в телегу, хмурит бровь...
Ах, какое это бедствие —
без взаимности любовь!
И гармонь выводит тоненько
про разлуку, про беду,
да к тому ж еще гармоника
с гармонистом не в ладу.
Часто пальцы ошибаются,
звук срывается шальной...
И сидит ученый, мается,
как от боли от зубной.
А вокруг — поля зеленые
да в лугах разгул травы...
Тронул за руку влюбленного
академик из Москвы.
Шляпу снял. Пригладил волосы.
Помолчал один момент
и сказал суровым голосом:
— Разрешите инструмент!
Быстро сдернул с переносицы
Золоченое пенсне...

...Ах, какой мотив разносится
по округе, по весне!
Над проселками и селами,
в палисадах, по садам...
Пальцы быстрые, веселые
так и пляшут по ладам.
Зреют в поле зерна тучные.
вдалеке скрипят воза́,
и глядят на мир научные,
очень добрые глаза.
А гармонь выводит ласково
свой напев издалека...

...Было так: пошли подпасками
ребятишки батрака.
Впереди — года... И вскорости
парень в бедах пообвык,
больше всех изведал горести,
и назвался — большевик!
И уже поет гармоника
голосисто и светло
про буденновского конника,
украинское село.
И опять услышать хочется
на привалах у дорог
тихий голос пулеметчицы,
украинский говорок.
Дым над степью, речку синюю —
все запомнила она,
дорогой профессор химии,
академика жена.
Как живой, остался в памяти
комиссар Иван Костров,
научивший первой грамоте
будущих профессоров.
И, богатые победами,
чередой прошли года...

...Вот о чем они поведали,
белых клавиш три ряда.
Песня, песня!.. Над просторами
пролегли пути ее...
Глянь на все четыре стороны—
все родное, все твое!
И глазами восхищенными
оглядевши даль дорог,
улыбается ученому
тот влюбленный паренек.
А вокруг — поля зеленые
да в лугах разгул травы...
Ехал к нам в село районное
академик из Москвы.

Последний шаман

Семен ГУДЗЕНКО

Бубен сгнил.
Халат поизносился.
Обтрепался меховой колпак.
И шаман шаманить разучился —
не уговоришь его никак.

Так и не услышал я камланья,
не увидел пляски у огня.
Зря меня послушные олени
по тайге везли четыре дня.

Так ведь и должно было случиться —
как я там хочу иль не хочу:
мой шаман
направился лечиться
к двадцатитрехлетнему врачу.

Он сидит задумчиво на стуле —
смуглолицый,
сморщенный,
седой, —
запивая мятные пилюли
просто кипяченою водой.

А над ним
склоняется врачиха —
шелковая прядка у виска, —
что-то приговаривая тихо,
лечит от сомнений старика.

Люда Саломатина
кончала
Первый медицинский институт.
Здесь она крепилась
и скучала,
и ждала:
«Когда же отзовут!»

Здесь ее тувинцы окрестили
Тоненькой Хозяйкою Лесной.
И она коротенькие крылья
сразу ощутила за спиной.

...Если будут памятники людям
этой эстафеты вековой,
на граните
детский профиль Люды
выбьет скульптор братскою рукой.

А вокруг врача
оленеводы,
все, кого от гибели спасло
доброе деяние народа,
лекаря святое ремесло.

И найдется место для шамана
где-нибудь у правого угла,
потому что Люда старикана
от большой неясности спасла.

Из цикла стихов «Поездка в Туву». Цикл печатается в альманахе «Год XXXII».

ВАТИКАН

В стороне от центральной части Рима, по ту сторону Тибра, есть большая площадь с египетским обелиском посередине. Над площадью и окружающими ее кварталами господствует огромное здание собора св. Петра. Купол его виден на много километров в окрестности. По обе стороны главного корпуса собора протянулись полукругом колоннады.

Одна из колоннад вплотную смыкается с четырехэтажным зданием, вернее, с выходящей на площадь частью целого комбината зданий, именуемых Ватиканским дворцом, в котором, как утверждают, 11 тысяч комнат. Дворец является официальной резиденцией папы римского, его церковно-административного аппарата. В некоторых корпусах размещены коллекции произведений искусства, библиотека с хранилищем древних рукописей и даже фабрика художественной мозаики.

Там, где соборная колоннада смыкается со зданием дворца, расположена «бронзовая дверь» — главный вход в Ватикан. Внимание посетителя привлекает стоящий у двери часовой. Он одет в средневековое одеяние, которое в наши дни можно увидеть лишь на старинных гравюрах: пестрый камзол, короткие штаны в разноцветную полоску, напоминающие пижаму, шлем старинного фасона, в руке средневековая алебарда. Правда, за плечами у часового вполне современная винтовка. Часовой — не итальянец, а швейцарец, солдат «швейцарской гвардии» папского двора. Такая наемная гвардия в прошлом, вплоть до французской буржуазной революции, существовала при многих королевских дворах Европы; в наши дни этот пережиток сохранился лишь в Ватикане. Швейцарской гвардией, численностью в 120 солдат и 8 офицеров, не исчерпываются «вооруженные силы» Ватикана: имеются еще и папская жандармерия и «дворянская гвардия». Впрочем, последняя существует главным образом для того, чтобы блеском своей парадной формы украшать пышные религиозные церемонии в залах Ватикана и в соборе св. Петра.

Ватикан обладает и другими внешними атрибутами государственности: собственными денежными знаками и почтовыми марками, своей почтой и телеграфом и — что уже имеет не только показной характер! — мощной радиовещательной станцией. По большим праздникам и в иных торжественных случаях у микрофона выступает с речью сам папа. Но еще ближе к современности тот факт, что при Ватикане состоят посольства и миссии более чем сорока буржуазных государств, а сам папа имеет в этих государствах своих послов, так называемых нунциев.

В средние века папы были не только первыми церковными сановниками, но и неограниченными, самодержавными государями Рима и прилегающей «папской области», одно время охватывавшей всю Среднюю Италию. С объединением разрозненных частей Италии в единое государство папская область была присоединена к ней; последним — в 1870 году — был присоединен к Италии город Рим. Папа заявил тогда протест и заперся в своем Ватиканском дворце. С тех пор папы демонстративно перестали выходить в «узурпированный» у них город. Лишь когда в Италии пришло к власти правительство Муссолини, фашизм и католицизм, эти две реакционные силы, договорились между собой. Папа отказался от своих претензий на прежнюю «папскую область» и согласился ограничить свои владения территорией Ватиканского дворца и сада, а также собором св. Петра и несколькими прилегающими зданиями. Муссолини, со своей стороны, признал, что эта часть Рима «не входит более в итальянское государство» и что папа может считать себя полным и неограниченным хозяином ее. Вся эта территория, площадью в 44 гектара, с населением около тысячи человек, преимущественно духовенства, и образовала государство Ватикан.

Хотя Ватиканское государство до смешного мало, подобно государствам-лилипутам Сан-Марино и Лихтенштейну, но Ватикан — это далеко не только обломок средневековья. Он является центром реакционного католицизма, организованного в международном масштабе.

* * *

Капиталистический мир не случайно признает за Ватиканом особое государственное и международное положение. На протяжении сотен лет своего существования католическая церковь всегда выражала и отстаивала интересы привилегированных, имущих классов, заинтересованных в сохранении существующего эксплоататорского строя.

В средние века Ватикан, накопивший всякими праведными, а вернее, неправедными, путями колоссальные земельные, денежные и иные богатства, стремился установить над миром свою верховную власть и превратить королей Европы в своих вассалов. Но когда притязания пап не увенчались успехом, они в конце концов вступили в союз с этими же королями и с поместным дворянством.

Отличительными чертами руководящей верхушки католической церкви всегда были деспотизм, реакционность, мракобесие. Достаточно упомянуть об ужасах инквизиции или о существующем и поныне «индексе запрещенных книг», составленном папскими церковниками. В этом списке значатся все выдающиеся творения человеческой мысли. Реакционная верхушка католической церкви всегда участвовала в преследовании лучших умов человечества — напомним хотя бы о трагической судьбе затравленного Галилея и сожженного на костре Джордано Бруно.

Эпоха Возрождения и последовавшая за ней эпоха Реформации проходила под знаком борьбы против католической реакции. В последующие века, особенно в XVIII, буржуазия, являвшаяся в то время восходящим классом, провозгласила устами своих лучших мыслителей «господство разума». И когда в конце XVIII века грянул гром французской буржуазной революции, гнев восставших обрушился не только на короля и дворянство, но и на католическую церковь.

Реакционная же верхушка католической церкви во все эти века упорно отстаивала старину, суеверия, предрассудки, не соглашаясь ни на какие уступки духу времени; она упорно придерживалась своего принципа: «Верую, хотя бы это была нелепость». Ее воинствующим авангардом стал стяжавший себе мрачную славу монашеский орден иезуитов, учение которого заключается в том, что все дозволено, лишь бы это было в интересах князей церкви, все — вплоть до обмана, коварного предательства, любого насилия и иного преступления.

Широко пользуется католическая церковь исповедью как прямым воздействием на психику людей. Пугая наказанием «на том свете» и мучениями в аду, а с другой стороны, давая кой-какие практические советы и выражая показное сочувствие в горестях, опытный католический духовник добивается полного господства над мыслями своего прихожанина или, еще чаще,— прихожанки. Попытка простого человека хоть в чем-либо пойти против притязаний церкви влечет за собой угрозы, а затем репрессии с ее стороны: отказ венчать, отказ отпевать и хоронить по церковному обряду и т. д.

Как велико было в этом смысле влияние католической церкви в еще недавнем прошлом — в XIX веке,— ярко показывает ряд литературных произведений, получивших широкое распространение во всех странах мира: роман английской писательницы Войнич «Овод», трилогия Эмиля Золя «Париж» — «Рим» — «Лурд», роман испанского автора Бласко Ибаньеса «Толедский собор» и ряд других.

Стремясь укрепить свое влияние, католическая церковь уже ряд десятилетий настойчиво старается проникнуть во всевозможные массовые организации: молодежные (в том числе спортивные, студенческие), женские, профсоюзные, кооперативные и всякие иные, чтобы захватить руководство ими. А если это не удается из-за наличия в этих организациях сплоченного, классово-сознательного пролетарского ядра, католическая церковь основывает свои отдельные организации. Так, в ряде стран Западной Европы были созданы католические профсоюзы, существуют католические политические партии: христианские демократы в Италии, народно-республиканское движение (МРП) во Франции, христианско-демократический союз (ХДС) в Германии.

Несмотря, однако, на все усилия реакционных католических церковников, рабочая прослойка в этих партиях все время уменьшается. Передовые пролетарии порывают с католицизмом. Под давлением рядовых своих членов католические профсоюзы часто на практике солидаризируются с требованиями классовых профсоюзов. Зато ряды католических партий пополняются вчерашними фашистами. Так, в Италии на выборах 1948 года все реакционные партии и группы объединились вокруг партии Ватикана — христианских демократов, для поддержки которых папский престол использовал все свое влияние, грозя верующим карами земными и небесными за голосование против этой партии.

Пропагандисты католицизма охотно хвастают цифрой в «300 миллионов верующих католиков во всем мире». Но эта цифра существует лишь в воображении статистиков из канцелярии Ватикана. Так, во Франции при 40-миллионном населении официальная статистика показывает... 38 миллионов католиков. При этом, однако, совершенно игнорируется тот факт, что многие миллионы французов только числятся католиками, но церковь не посещают, обрядов не выполняют. Более того: многие из них прямо переходят в ряды активных противников церковного мракобесия. В еще большей степени цифры Ватикана являются дутыми для стран народной демократии.

В годы второй мировой войны и после нее реакционная верхушка католической церкви пыталась нажить себе капитал на том факте, что немало рядовых верующих католиков принимало участие в движении сопротивления гитлеровским оккупантам (хотя высшие сановники католицизма повсеместно поддерживали немцев и местных квислингов). На этом основании некоторые руководители католических партий, например во Франции, претендовали на звание «антифашистов», добиваясь после окончания войны видной роли в политической жизни страны.

Капитализм рассматривает Ватикан как весьма важную и ценную для него агентуру, влияние которой может проникать в такие слои населения, куда не могут пробиться открыто действующие слуги империалистической реакции. Конечно, это не относится к передовым слоям рабочего класса: сюда доступ ватиканским прислужникам империализма закрыт. Поэтому агенты капиталистической реакции в монашеских сутанах избирают по преимуществу другое поле действия — мелкую буржуазию, крестьянство, консервативные слои интеллигенции...

* * *

Когда грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой эпохе в истории человечества, папство сразу заняло враждебную позицию в отношении молодого государства рабочих и крестьян. Оно поддерживало всех и всяких интервентов, выступавших против республики Советов. Особенно значительной была роль папского престола и католического духовенства в разжигании антисоветской агрессии панской Польши в 1919—1920 годах, о чем хорошо рассказано в романе Николая Островского «Рожденные бурей».

В своей книге «Ватикан» американский автор Авро Манхэттэн пишет, что «Ватикан собирался уничтожить атеистическую советскую Россию» и что он опирался в своем антибольшевистском «крестовом походе» на польскую реакционную военщину, «не перестававшую мечтать о территориальной экспансии за счет Советского Союза».

Весьма активную роль сыграл в этом черном деле тогдашний папский нунций в Польше Ахилл Ратти, спустя два года ставший папой под именем Пия XI. Этот «духовный» соратник Пилсудского остался и в дальнейшем верен своей антисоветской позиции. Когда успехи первой сталинской пятилетки лишили международную буржуазию ее последних на-

дежд на восстановление капиталистических порядков в Советском Союзе, к числу прочих затеянных в 30-х годах антисоветских кампаний прибавился новый «крестовый поход», предпринятый тем же папой Пием XI. Нужно ли говорить, что этот поход так же позорно провалился, как и все прочие антисоветские кампании тех и последующих лет.

Папство благословило Пилсудского на расправу над украинским и белорусским населением так называемых восточных «крессов» Польши. Оно дало свое благословение Муссолини на захват беззащитной Эфиопии. Оно всеми силами поддерживало фашистский мятеж Франко против законно избранного правительства Испанской республики и поддерживает поныне с этим палачом испанского народа самый тесный контакт.

Когда гитлеровцы пришли к власти в Германии, у папы римского не нашлось слова протеста против всех их бесчисленных насилий и зверств; напротив, с гитлеровским правительством Ватикан заключил договор («конкордат»), а немецкой католической «партии центра» приказано было «самораспуститься».

Но вот нацистская коричневая чума нахлынула на страны Европы, заливая их кровью и предавая огню и мечу. «Святой отец» и тогда молчал. И уж, конечно, Ватикан не проронил ни слова протеста против невиданных в истории кровавых зверств, учиненных гитлеровцами на оккупированной части Советского Союза. Папа «не замечал» страшных оврагов Бабьего Яра, сожженных русских сел, варварского артиллерийского обстрела жилых кварталов осажденного Ленинграда.

Однако сей «божий наместник» немедленно стал «замечать» события, когда в ходе своего победоносного наступления Советская Армия нанесла сокрушительные удары по Германии и дошла до логова фашистского зверя. Папа вдруг обрел дар речи. Он стал взывать к «гуманности и воздержанию» в отношении разгромленных гитлеровских насильников.

* * *

В наши дни, когда весь мир все более и более отчетливо разделяется на два лагеря — лагерь империализма, возглавляемый США и Англией, и лагерь миролюбивых, демократических стран, возглавляемый Советским Союзом,— Ватикан отчетливо определил свое место: он оказался всеми своими помыслами и делами на стороне американского империализма.

Американское правительство имеет со времени войны своего представителя при Ватикане, бывшего председателя Стального треста США, миллионера Тэйлора. Виднейший из католических прелатов в Америке — архиепископ нью-йоркский кардинал Спеллмэн — стал сейчас одним из лидеров американской реакции. Банковский концерн Моргана вступил в прямой контакт с Ватиканом, взяв на себя, по просьбе последнего, управление той частью богатств Ватикана, которая еще до войны была переведена за океан из «неспокойной и ненадежной Европы». В какой цифре выражаются богатства Ватикана, точно неизвестно, но, бесспорно, они исчисляются сотнями миллионов долларов. Тут и земли, и облигации займов различных государств, и акции «надежных» компаний всех отраслей хозяйства. Ватикан имеет даже свой собственный банк — «Банк святого духа».

Ватикан старательно скрывает от общественности свои коммерческие дела, резонно опасаясь неприятных для себя разоблачений. Но в наши дни всего скрыть не удается.

Чем дальше, тем все больше разоблачается прямое участие реакционных католических церковников в заговорах против народного строя в странах, которые вырвались из цепей империализма. Один из наиболее ярких примеров этого — процесс «примаса» (главы) венгерской католической церкви, архиепископа Эстергомского, кардинала Миндсенти, немца по национальности. Верный слуга Ватикана, кардинал Миндсенти стал центром объединения всех реакционных элементов Венгрии, всех сторонников отжившего феодально-фашистского режима и врагов нового, народно-демократического строя.

Все пункты обвинения были доказаны, и Миндсенти, признавший себя на суде виновным, был приговорен к пожизненному тюремному заключению. И вот что наиболее важно и характерно для уяснения сегодняшней политики Ватикана: в каждом пункте обвинения отмечалось соучастие официальных представителей Америки в преступлениях главы венгерского духовенства. Другие статьи обвинения говорили о самой заурядной контрабанде и спекуляции валютой, которой не гнушался этот «князь церкви». Но и тут его соучастниками были чины дипломатической миссии США в Венгрии.

Процесс Миндсенти явился ярким примером того, как тесно переплелись интересы и повседневная деятельность Ватикана и реакционных кругов США. Но Миндсенти — отнюдь не единственный пример. За подобные же деяния были осуждены и загребский архиепископ Степинац и ряд польских ксендзов, активных участников контрреволюционных заговорщических групп и террористических банд. Империалистическая реакция, повсеместно возглавляемая Соединенными Штатами, стремится делать свое дело, используя «опыт» и «связи» реакционного католического духовенства.

С другой стороны, и аппарат самого Ватикана все более «американизируется» в самом прямом смысле слова. Так, в послевоенные годы была нарушена традиция, в силу которой нунции назначались главным образом из среды итальянских церковников, и в ряде стран нунциями были назначены американцы. Интересно отметить, что американский епископ Мунк, посланный папским нунцием в Германию, одновременно получил от военного министерства США пост главного католического духовника американских оккупационных войск в Германии. И подобное служение двум господам рассматривается и Ватиканом и Вашингтоном как вполне уместное: настолько их интересы тесно связаны. Ибо тот и другой господин послали его с одной и той же целью: способствовать всеми силами превращению Западной Германии в оплот реакции, в арсенал антисоветского западного блока.

* * *

За причудливым внешним обликом обломка старины, за полосатыми швейцарскими гвардейцами и за художественными сокровищами музеев Ватикана скрывается, как мы видим, средоточие непримиримых врагов всех демократических сил мира, прогресса, социализма.

Время работает против мировой реакции. Позиции Ватикана, реакционной католической верхушки слабеют. Простые люди все больше распознают обман, которым их окутывает верхушка католической церкви; отворачиваются от католицизма и честные представители интеллигенции, распознающие реакционную роль Ватикана в международной политической жизни.

Народы Европы, да и всего мира, ныне не те, что были еще несколько десятилетий назад. Старое, отступая под натиском нового, в судорожных усилиях старается удержать свои позиции, отстоять что возможно. Безвозвратно миновали времена господства «трона и алтаря». На наших глазах шатается всевластие денежного мешка. Католическая церковь лишается своей опоры, положение ее становится все более трудным. Она вынуждена лавировать, манезрировать, изворачиваться и — насколько это возможно — приспосабливаться к создающейся новой обстановке.

Даже в рядах самой католической церкви время от времени проявляется дух неподчинения. В годы второй мировой войны в США польский священник Орлеманьский выступил против клеветы на Советский Союз. Ватикан приказал ему прекратить всякие общественные выступления. В 1947 году порвал с католической церковью и прогрессивно настроенный бразильский епископ Дуарте.

В текущем году выявился раскол среди католического духовенства по самому жгучему вопросу современности — о борьбе за сохранение мира. За поддержку Всемирного Конгресса сторонников мира высказались многочисленные представители католической церкви.

Хотя реакционный католицизм сегодня еще представляет собой значительную силу,— исторически он обречен.

Н. ЛЕВИТСКИЙ

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

ШАЛОВЛИВЫЙ МАЛЬЧИК И КАПРИЗНЫЕ БИЗНЕСМЕНЫ

Крупнейшие радиостанции в США, как известно, широко используются торгово-промышленными монополиями для целей рекламы. Как гласит официальная статистика, под рекламу отводится примерно 95 процентов времени передач крупных радиосетей.

В одной из таких передач изображался в скетче мальчик, который очень не любил завтракать по утрам, но зато страшно любил умываться. При этом он умывался не всяким мылом, а только тем, которое продает компания, оплатившая труды драматурга, сострапавшего скетч, и финансировавшая всю радиопрограмму.

Однако, как сообщает газета «Дейли уоркер», неожиданно возник скандал: концерн, торгующий овсяными кашами, корнфлексами и прочими блюдами, рекламируемыми в качестве идеальных завтраков для детей, заявил протест. По требованию концерна пьеса была переделана.

После этого у шаловливого мальчика появился отличный аппетит. По утрам он уже не только умывался «непревзойденным мылом» горячо любимой мыльной компании, но и кушал двойные завтраки, состоявшие из продуктов не менее горячо любимого продовольственного концерна.

Обе компании остались вполне довольны. Мальчик старательно выполнял их желания. Пострадал лишь американский радиослушатель, которого с утра до поздней ночи кормят «мыльными операми» и «овсяными драмами».

РАСОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В США

Во многих штатах Америки была запрещена кинокартина «Кэрли» только потому, что в ней изображаются негритянские дети, играющие вместе с белыми детьми. По такой же причине запрещен ряд фильмов, в которых отдельные эпизоды рисуют негров нормальными людьми.

Во всем этом нет ничего удивительного, если учесть, что расовая дискриминация проявляется в США на каждом шагу.

В городе Левелленде, в штате Техас, имеются три кинотеатра. В один из них, именуемый «Роуз», допускаются только белые, неграм же и мексиканцам вход строго воспрещен. В другом кинотеатре, «Уолас», белые сидят в партере, неграм разрешается сидеть на балконе, а мексиканцам вход закрыт. Наконец, в кинотеатре «Олд Роуз», наиболее запущенном и грязном, имеются три секции — для белых, негров и мексиканцев.

Машенька растёт

Агния БАРТО

Рисунки О. Верейского

1

Сегодня новость во дворе!
Девочкам не верится:
Распустилось на заре
Молодое деревцо.

В сентябре, осенним днем,
Его сажали в сырости.
Сколько листиков на нем
Вдруг успело вырасти!

Вышла Машенька во двор,
Начинает разговор,
Говорит уверенно:
— Не засохнет дерево.

Глядит на Машеньку сосед:
— А вам, товарищ, сколько лет?
Я как-то видел вас зимой,
Вас на руках несли домой!

Объясняют девочки:
— Маше пятый год,
Расцветает деревцо,
И она растет.

2

Звали мальчика Василий,
Он сидел, играл в песок.
Вдруг у Машеньки спросили:
— Поглядишь за ним часок!

Жарко... Летняя погода,
Сильно солнышко печет...
Мальчик младше на два года,
С этим мальчиком — хлопот!

Говорит ему, как мама:
— Где у нас с тобой панама!

Толстый он, в рубашке синей,
Подпоясан пояском.
Рассердился вдруг Василий:
Бросил в Машеньку песком.

— Убегай! — кричит Сережа. —
— Он побьет тебя сейчас!
На два года он моложе,
Но сильнее в десять раз.

— Мальчик! — Маша
закричала.—
— Отведу тебя домой!
[Вот еще недоставало
Ей расплакаться самой!]

Говорит она Сереже:
— Поручили мне его!
Буду с ним теперь построже,
Но не брошу одного!

Светит солнце над домами,
Во дворе — ни ветерка...
Маша мальчику в панаме
Строит лодку из песка.

Говорит она, как мама:
— Ты меня замучил прямо!

3

Очень жарко... Душный день...
Даже кот улегся в тень,
Он в тени, под деревцом,
Выспаться надеется.

Он тут спит в июльский зной,
Будто он в тиши лесной.

Помурлыкал он спросонок...
Маша смотрит: «Спи, котенок,
Я тебя посторожу,
На скамейке посижу».

От жары, от духоты
Книзу клонятся цветы.
Маша встала со скамейки,
Полила цветы из лейки.

— Мне не справиться одной!
Нужен дождик проливной!

Вдруг, как будто по заказу,
В вышине ударил гром,
Сильный ливень хлынул сразу,
Разразился над двором.

Над двором грохочет гром.
Убежал котенок в дом.

Льются по двору потоки...
И немного погодя

Весь в озерах двор широкий
После летнего дождя.

Маша смотрит — все в порядке:
Напились цветы на грядке.

4

Старший брат читает книгу,
Маша смотрит на него:
Рядом с ним шуми и прыгай,
Он не слышит ничего!

Он вчера не слышал грома;
В небе молнии, гроза,
Он читает возле дома,
Не поднимет он глаза.
Дождь по книжке захлестал!
Он страницу дочитал.

Были все в гостях на елке,
Веселились в Новый год.
Он стоял у книжной полки
И читал про самолет.

Все играют в кошки-мышки,
Старший брат читает книжки,
С книжкой ходит на футбол,
Он в театр с ней пришел.

На места пора садиться,
Вдруг спросил он у ребят:
— Где тут пятая страница!
То есть где тут пятый ряд!

Старший брат читает книгу,
Маша смотрит на него:
Рядом с ним шуми и прыгай,
Не услышит ничего!

5

Малыши среди двора
Хоровод водили.
В гуси-лебеди игра,
Серый волк — Василий.

Гуси-лебеди, домой!
Серый волк под горой!

Волк на них и не глядит,
Волк на лавочке сидит.

Собрались вокруг него
Лебеди и гуси.

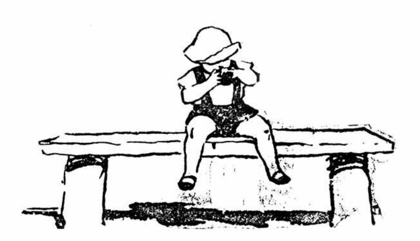
— Почему ты нас не ешь! —
Говорит Маруся.

— Раз ты волк, так ты
не трусь!—
Закричал на волка гусь.

— От такого волка
Никакого толка!

Волк ответил: — Я не трушу,
Нападу на вас сейчас,

Я доем сначала грушу,
А потом примусь за вас!

— Твой отец домой идет! —
Волку крикнул кто-то...
Разорвался хоровод,
Все бегут к воротам.

Все бегут встречать отцов!
Вот отец Володи,
Он — товарищ Кузнецов,
Токарь на заводе.

Васин папа — бригадир,
Его портрет в газете...
Здесь отцы из всех квартир,
И всех встречают дети.

— Нету папы моего, —
Говорит Маруся, —
Полетим встречать его,
Лебеди и гуси.

Гуси-лебеди летят,
Гуси-лебеди летят.

6

В переулке красный дом,
Трехэтажный, каменный,
Здесь училась мама в нем
И сдала экзамены.

За оградой виден сад,
Молодые яблони,
Там работает отряд
С тачками и с граблями.

Первоклассницы пойдут
По широкой лестнице,
Все подружки будут тут —
Девочки-ровесницы.

В переулке красный дом,
Трехэтажный, каменный,
Здесь учиться будет в нем
Маша — дочка мамина.

В букваре прочтет слова:
Сталин. Родина. Москва.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Поэзия творческого труда

Пятнадцать лет тому назад Алексей Максимович Горький, обращаясь с трибуны Первого съезда советских писателей к своим собратьям по перу, сказал замечательные слова об основной теме нашего времени. Он говорил: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь делающего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны научиться понимать труд, как творчество».

В наши дни эти горьковские слова звучат еще более громко и торжествующе.

За послевоенные годы в нашей литературе появилось много поэм, воспевающих свободный труд. При этом большинство их посвящено колхозной деревне. Тема же индустриального труда, благородного труда нашего рабочего класса, вооруженного всей мощью современной техники и науки, — эта тема не получила еще того широкого звучания, которого она безусловно заслуживает.

Поэтому наряду с поэмой Михаила Луконина «Рабочий день», взволнованно повествующей о трудовом дне Сталинградского тракторного завода, читатель с интересом обратится к недавно опубликованному стихотворному произведению Сергея Поделкова «Строитель».

В основу поэмы автор положил реально осуществленный подвиг советских строителей, которые подняли крупнейшую доменную печь, подорванную фашистскими оккупантами. И то, что герои поэмы раскрывают свои характеры, действуя на передовом участке жизни, находясь в гуще событий сегодняшнего дня, — это делает поэму Поделкова чрезвычайно актуальной и близкой сердцу читателя.

Герои поэмы — люди нового времени. Они живут интересами и тревогами Родины, и это помогает им строить личную жизнь. В то же время личные интересы и привязанности героев не противопоставлены общественным, а служат источником нового вдохновения в труде.

Вот стоит перед читателем инвалид Отечественной войны инженер Степан Васильев. Лишившись руки, возвращается он в родной город, разрушенный немцами. «Инвалид—пересадка в старость. Вспоминай, отдыхай, лежи. Да о прошлом грусти, тужи».

Но нет! Не этим путем идет Степан Васильев! Личная его драма бесконечно мала в сравнении с гибелью творения его народа, плода его собственной мысли.

«Домна!
Сколько бессонных суток!
Словно новых два института.
Он прошел с ней...»

Эта домна разрушена. И строитель, забыв личное несчастье, отдает все свои силы ее возрождению. «И он понял, что он солдат, что попрежнему наступать!»

В муках творчества, в сложнейших расчетах, идя на риск, инженер принимает смелое решение — поднять домну, поставить ее на старое место. Эту мысль одобряет секретарь обкома Орлов. План Васильева утверждает Москва и поддерживает весь коллектив строителей. Издалека, из Сибири, едут рабочие восстанавливать родное производство:

«В неподкупной мужской печали
у дверей теплушек молчали
арматурщики, горновые,
сталевары первой руки.
За Уралом еще — не впервые —
с берегов Иртыша-реки
неотступно была видна им,
снилась в пепле и в тополях
отвоеванная, родная,
кровью политая земля».

В поэме показана живая, творческая связь инженера, автора проекта восстановления домны, с рабочими, которые своими руками воплощают его идею в жизнь. Вся страна следит за их работой. Ее внимательные глаза Степан чувствует на себе:

«На Алтае... В Баку... В Поволжье...
И не только прочтут, а ждать
станут. Ждать и верить! Он должен
их доверие оправдать».

Запоминаются главы, дающие живую картину восстановления домны. В рассуждении молодых и пожилых рабочих, в их шутках, в их взглядах на вещи чувствуется сила характера человека новой формации.

Дружба старшего поколения и молодежи, партийная помощь друг другу — все это черты нашего советского рабочего быта. Сотрудничество науки и практики, теоретического расчета и рабочего опыта подчеркивает основное содержание сегодняшнего труда, как творчества. И то, что руководитель работ инженер Степан Васильев ищет совета у старого доменщика Прова Евлампича,— в этом сила Васильева, а не слабость его:

«И под небом июльским, чистым
два товарища-коммуниста
рассуждают.
С каким волнением
по привычке ребячьих лет
на песке вдруг попеременно
чертят палкой, как Архимед!»

Тут же, по соседству со стройкой, есть и другие люди, которые внимательно следят за восстановлением домны. Это колхозники. Они расспрашивают секретаря обкома:

«— Как завод? Сколько домна весит?
Инженер из себя каков?
Передайте: как хлеб сдадим,
Непременно мы подсобим.
Не за так, а за интерес».

Что же за «интерес» у колхозников? Им нужны тракторы, а для тракторов необходим металл, и его должна дать домна. Вот так возле одного промышленного объекта смыкается широкий круг интересов строителей новой жизни.

Во взаимной связи людей разных профессий автор раскрывает присущий советскому человеку государственный подход к делу и к своему участию в нем.

Удачно раскрывается в поэме и личная, лирическая линия героев. В круговороте труда, волнений и забот у Степана рождается чувство любви к Лизе. Чувство это растет и крепнет. Оно становится взаимным и, заполняя душу строителя, служит ему новым источником творческого вдохновения.

Хорошо показана сцена, когда Степан после короткого, сбивчивого признания в любви идет по городу, не замечая дороги. Влюбленное сердце помимо сознания приводит его туда, где заключена цель его жизни, — к чертежной доске, к неразрешенным вопросам проекта. И здесь вдохновение любви помогает ему найти решение.

В этом есть светлая правда большой любви. На фоне ее справедливым упреком нашей любовной лирике звучит в поэме поэтическое высмеивание ограниченной книги некоего Семена Раздольного «Мое богатство» — книги бедной, не могущей ответить на душевные запросы молодого человека.

Поэма Поделкова не лишена недостатков. В ней есть ощутительные длинноты, общая растянутость некоторых глав. В этих случаях яркость и лаконичность поэтического языка теряются, становятся тусклыми. Поэтическая речь теряет волнение и звучит однообразно.

Можно было бы указать на ряд слабых рифм, бедных выражений. Но, читая эту первую крупную поэму молодого автора и указывая ему на основные погрешности, хочется больше говорить об авторской удаче. А удача эта налицо.

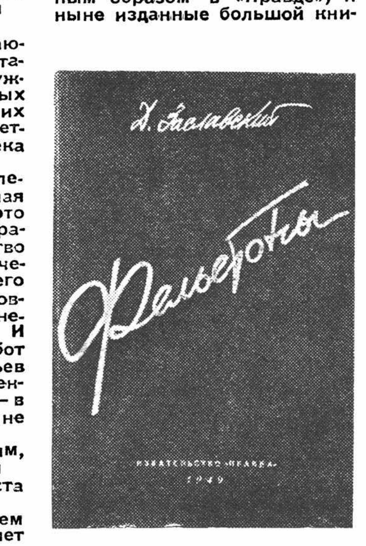
Поэма раскрывает читателю лучшие стороны души советского человека, проявляющиеся в труде. Она полна чувства нового — ощущения трудового творчества.

В. ЗАХАРЧЕНКО

Сергей Поделков «Строитель». Поэма. Журнал «Новый мир» № 4 за 1949 год.

Оружием сатиры

Газетный фельетон принято считать «малой литературной формой», произведением-однодневкой. Фельетоны Д. Заславского, на протяжении многих лет печатавшиеся в наших газетах (главным образом в «Правде») и ныне изданные большой книгой, смещают это привычное понятие. Книга фельетонов читается, как яркая публицистическая летопись двух последних бурных десятилетий. И вместе с тем она заставляет читателя еще раз измерить мысленно глубину той огромной пропасти, которая разделяет день нынешний и день минувший в истории русской литературы, русской публицистики.

Один петербургский вития, писавший под вычурным иностранным псевдонимом и ходивший в «Мастерах сатиры» предреволюционного десятилетия, заявлял в авторском вступлении к сборнику своих рассказов:

«Я пишу в своей книге о сереньких людях. И что скажет о ней тот серенький человек, который называется читателем, — мне все равно! И что скажут о моей книге серейшие из сереньких людей — критики, — меня ничуть не интересует. У меня только маленькая просьба к тем и другим... Прошу читателя: прочитав книгу, не давайте ее читать друзьям и знакомым, так как это для автора и издателя чистый убыток».

В этих словах, как, впрочем, и во всей той пошленькой, обывательской книжонке, сквозь тяжелые потуги на остроумие явственно проглядывал облик типичного литературного мещанина, который разыгрывал из себя «парнасского небожителя» и куражился перед русским читателем, сгибаясь в три погибели перед всем иностранным.

Это было отнюдь не случайное явление. Оно очень характерно для того времени, или, точнее, для того безвременья в русской литературе, когда лишь могучий голос Максима Горького подымался над хором кликушествующих буржуазных эстетов всех толков и мастей. Глубоко враждебной и чуждой народу оставалась декадентская поэзия пессимизма и «психологического» самокопания. Антинародными по всему духу были буржуазная сатира и публицистика, променявшие великие традиции Чернышевского, Гоголя и Щедрина на салонное зубоскальство.

Очистительная буря Октября разметала под корень это мертвое, душное сухолесье.

«Революционная советская публицистика, — как справедливо отмечает в предисловии к книге Заславского И. Рябов, — является новаторской и по своему внутреннему содержанию и по форме. Наш, советский фельетон имеет свои особенные черты. Он резко отличается от фельетона буржуазного. Правдивость, идейность, благородная простота, доходчивость — таковы отличительные свойства нашего фельетона. Мы находим их в творчестве Горького, Маяковского, Демьяна Бедного. Мы встречаем их и в творческой практике фельетониста «Правды» Д. Заславского».

Самые характерные, самые уродливые явления враждебного нам капиталистического мира насилия и лжи разоблачает острое перо боевого советского публициста. В фельетонах Заславского перед читателем проходят и первые шабаши фашистского средневековья в Германии и последние по времени каннибальские «подвиги» прямых наследников гитлеризма — «американских линчевателей демократии». Убийственному осмеянию подвергаются современные «пророки» разлагающейся буржуазной культуры и присяжные лгуны — наемники капиталистической печати. «Газетные клопы» — такое определение дается этим последним в одном из фельетонов:

«Есть тот смысл, который заключается в способности некоторых животных и насекомых испускать вонь, когда им грозит опасность или когда они раздавлены. В частности, такой способностью обладает клоп... Газетные клопы не столь опасны, сколь противны. Они водятся везде, где разводится империалистическая грязь. Нам могут сказать: если вы не выносите вони, не давите клопов. Что делать! Мы живем в мире, в котором англо-американские империалисты разводят газетных клопов как ценную для них породу. Мы вынуждены их давить и будем давить».

Читатель находит в фельетонах Д. Заславского и едкий сарказм, и тонкую иронию, и силу высокого гнева. Здесь все оттенки чувств публициста, который активно участвует в борьбе двух миров и ощущает всем сердцем великую правоту мира социализма, его неизмеримое превосходство над миром капиталистического разбоя. В глубоком и точном зеркале такой сатиры оруженосцы капитализма отражаются без масок, во всем своем отвратительном, постыдном безобразии. Понятно, что это им очень не нравится. Но что ж тут поделаешь? Как говорит хорошая русская пословица: «Неча пенять на зеркало, коли рожа крива»...

Страницы книги, посвященные годам Великой Отечественной войны, насыщены ненавистью и презрением к врагу. Здесь находит свое яркое отражение и высокий пафос героизма советских людей — и тех, кто в 1945 году штурмовал Берлин, и тех, кто выстоял на Дону в ноябре тяжелого 1942 года.

Большой интерес представляют помещенные в книге фельетоны на внутренние темы. Они еще раз убеждают в том, что острый глаз настоящего публициста может разглядеть даже в небольшом на первый взгляд явлении важные типические черты и что такая зоркость, подкрепленная литературным мастерством, может послужить на пользу большому общему делу. Речь идет о борьбе с пережитками капитализма в сознании людей и об утверждении новой, коммунистической морали.

М. ЛЬВОВ

Д. Заславский «Фельетоны». Издательство «Правда». 1949. 372 стр. Цена 8 руб. Тираж 50 000.

Коротко о новых книгах

Н. ЗАДОНСКИЙ. СТЕПНЯКИ. Заволжские очерки. Издательство «Молодая гвардия». 1949. 134 стр. Цена 2 руб.

«Барашковы, Едоков 9, работников 1. Скотины ничего нет. Посева 3 десятины, ничего не родилось. Долга 109 руб. 38 коп.».

Запись эта сделана Л. Н. Толстым. Речь в ней идет о крестьянской семье из заволжской степной деревни Гавриловки, бедственное положение которой Толстой подробно описывал в одном из своих писем.

Куйбышевский литератор Н. Задонский решил проследить нынешние судьбы этих же крестьян деревни Гавриловки. Жизнь колхозной деревни, как ярко показывается в очерках, изменилась неузнаваемо.

ЖОРЖИ АМАДУ. КРАСНЫЕ ВСХОДЫ. Роман. Перевод с португальского. Издательство иностранной литературы. 1949. 459 стр. Цена 14 руб.

В книге популярного романиста и видного бразильского политического деятеля Жоржи Амаду рисуется жизнь крестьян северо-востока Бразилии в условиях полуфеодального режима.

«Это люди, согнанные с земли владельцами латифундий и засухой, выброшенные из своих домов, лишенные работы на плантациях».

Трагический исход обездоленных крестьян служит началом романа. Эпилог же его таков: «На ниве, красной от крови, поднимались взращенные страданиями и голодом всходы народного гнева!»

Ф. А. Васильев.

ПЕЙЗАЖ.

Государственный Русский музей.

Ф. А. Васильев.

НА ВОЛГЕ.

Государственный Русский музей.

ДВА СПЕКТАКЛЯ

Фото А. Гладштейна и С. Шингарева

Сцена из III акта пьесы «Особняк в переулке» в Театре имени Ленинского комсомола. Ева Грант — С. Гиацинтова, корреспондент радиокомпании «Глобус» — В. Брагин, советник иностранного посольства — А. Пелевин.

«Особняк в переулке». Сцена допроса Эрны Курциус. В роли Эрны Курциус — С. Бирман, майора Каштанова — В. Соловьев.

СЕМЕЙСТВО КРОСБИ И ЕГО МОРАЛЬ

Семейство Кросби — это Англия в миниатюре, знакомая нам по романам Голсуорси и Беннета, — респектабельная, благочестивая буржуазная Англия. Мистер Кросби настолько богат, что сумел сохранить джентльменский дух даже в годы военных ограничений: вышколенная прислуга, верность традициям во всем, что определяет строй жизни благовоспитанного британца. Вполне подстать мистеру Кросби его супруга и дочь Джен со своим женихом Рандольфом — носители традиционной «джентльменской» морали.

Какова же эта мораль, какова истинная суть ее и каким интересам она служит, об этом рассказал молодой украинский драматург В. Собко в своей пьесе «За вторым фронтом».

Офицер Советской Армии, В. Собко написал умную и талантливую пьесу, разоблачающую подлинное лицо носителей западной «демократии», их растленную, человеконенавистническую сущность.

Раскрывается это в пьесе очень логично и убедительно. В атмосферу дома Кросби попадает человек из другого мира — летчик советской военной авиации Таня Егорова. Попадает Таня сюда случайно и неожиданно вместе с Джен Кросби из немецкого концентрационного лагеря на побережье Франции. В этом лагере Таня спасла жизнь Джен, и та в знак благодарности приглашает ее к себе в Лондон. Ведь их дружба, как уверяет Джен,— это «дружба, скрепленная кровью».

Истинную цену этой дружбы Таня познает очень скоро. Из-за океана прилетает компаньон мистера Кросби, американец Сэм Гибсон, обеспокоенный судьбой машиностроительных заводов на Рейне в Германии, которыми он владеет совместно с Кросби. Что же тревожит Гибсона? То, что заводы работают на врага, что они наносят ущерб его родине? Отнюдь нет. Его волнует другое: как уберечь заводы от действий союзной бомбардировочной авиации. Это обходится ему в 200 тысяч долларов, уплаченных коекаким аналогично с ним мыслящим «патриотам» из штаба объединенного командования.

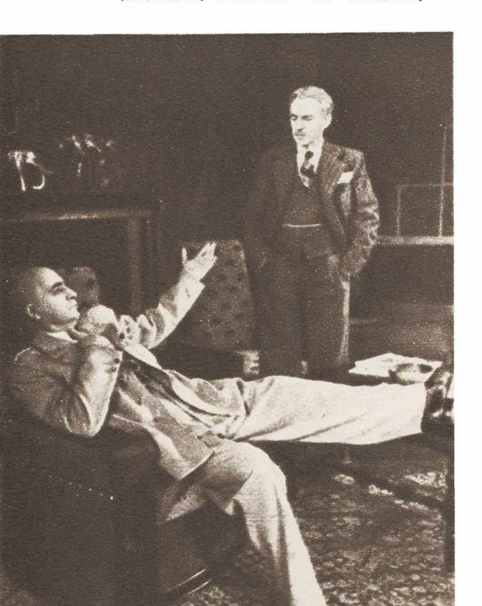
Об этой грязной сделке случайно узнает Таня Егорова, и «дружеской идиллии» наступает конец. Таня становится опасной для благополучия семьи Кросби. Не будет заводов — не будет денег, и этого достаточно, чтобы испарились и патриотизм, и совесть, и «благородные идеалы» британских «друзей» Тани. Борьба за корыстные, материальные интересы показана в пьесе очень убедительно. То, что Джен Кросби становится союзницей бизнесмена-гангстера Гибсона; то, что она идет на гнуснейшее предательство, заманивая советскую девушку в концентрационный лагерь — на этот раз американский, — воспринимаешь как логический финал истории о «благородном» английском семействе Кросби и о его морали.

Мы видели эту пьесу в Центральном театре Красной Армии, создавшем яркий, волнующий публицистически-острый спектакль (постановка Д. Тункеля, художник — А. Тышлер) о величии души простого советского человека, о его национальной гордости, о моральном превосходстве его над человеком растленного, империалистического мира.

В центре спектакля — образ Тани Егоровой в исполнении Л. Фетисовой. Молодая артистка показала обаятельный характер волевой, скромной и мужественной советской женщины, глубоко преданной своей великой Родине. «Я воевала коммунисткой, буду жить и умру также коммунисткой»,— говорит Таня.

Мир хищников представлен в спектакле очень выразительно. Особенно ярко дана фигура американца Гибсона — циничного авантюриста-дельца, готового на любое преступление во имя интересов своего «бизнеса». Народный артист РСФСР А. Хохлов создает в этой роли колоритный, жизненно-достоверный портрет. Правдивы и убедительны образы Джен Кросби (О. Малько), миссис Кросби (А. Харламова), жениха Джен — Рандольфа (В. Сомов). Перед зрителем как бы предельно обнажаются вся духовная нищета и убожество, вся глубина морального падения цивилизованных дикарей из аристократических кварталов Лондона.

«За вторым фронтом» в Центральном театре Красной Армии. Артур Кросби (стоит) — А. Хованский, американец Гибсон — А. Хохлов.

ЗА КУЛИСАМИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Омерзительная сущность империалистических разбойников раскрыта в пьесе В. Собко в плане этическом, моральном. Политическое лицо их обнажается с той же силой в пьесе братьев Тур «Особняк в переулке», показанной на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола.

Этот особняк в тихом московском переулке занимает посольство одной иностранной державы. Какой именно, не так уж важно. Важнее другое — мысли и дела ее представителей, охваченных страхом перед народами, объединяющимися в борьбе за мир и безопасность вокруг великого советского государства. «Коммунизм — это уже не одна шестая часть планеты, как было до войны»,— говорит один из персонажей пьесы — советник посольства. «Это не только Болгария, Польша, Чехословакия, Румыния. Это Китай, Греция, Корея, Индонезия. Никакие пространства не защитят нас от этого духовного урагана».

Сей разведчик с дипломатическим паспортом и его коллега с визитной карточкой журналиста пытаются сделать орудием антисоветского шпионажа и клеветы свою соотечественницу, прибывшую на работу в посольство. Они обманывают ее, уверяя, что единственная цель политики Советского Союза — это война против западных «демократий». Но простая и честная женщина очень скоро распознает обман и смело разоблачает антисоветскую провокацию.

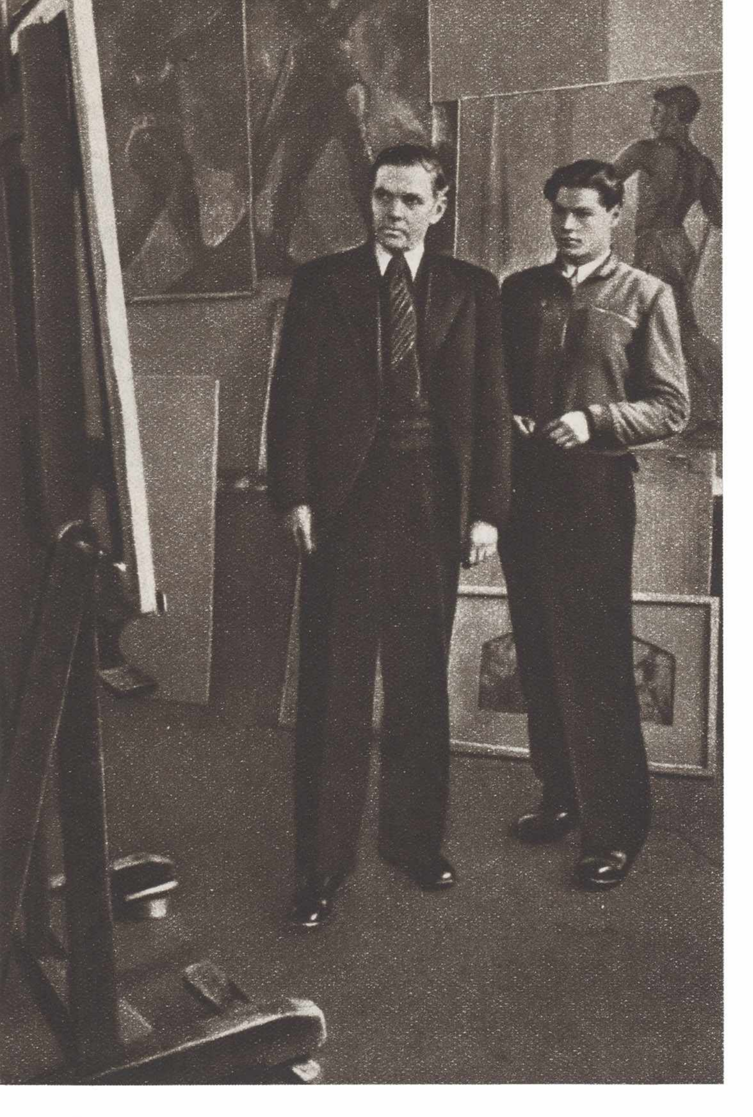
Пьеса братьев Тур показывает зрителю кулисы так называемой «холодной войны», для ведения которой империалистические хищчики не брезгуют никакими средствами — от шпионажа и клеветы до прямой уголовщины.

В Театре имени Ленинского комсомола спектакль решен в жанре публицистически острого сценического памфлета (постановщик—И. Берсенев, художник—В. Шестаков). Режиссура и исполнители центральных ролей стремились как можно ярче передать всю силу ненависти и презрения советских людей к мальбрукам черной империалистической реакции. Оттого так отчетливо, выразительно получились в спектакле образы хозяев «особняка в переулке»: советника (А. Пелевин), корреспондента-шпиона (В. Брагин), секретаря посольства (А. Вовси), немецкой шпионки Эрны Курциус (С. Бирман)—ненавистных советским людям врагов всего передового.

Противопоставленный им образ их соотечественницы Евы Грант, сумевшей встать на верный путь борьбы за дело мира, нашел в трактовке С. Гиацинтовой сильное и убедительное решение. С большим мастерством показывает актриса тот процесс духовного обогащения, который переживает каждый честный иностранец, соприкасающийся с обществом наших чудесных людей. Образы таких людей в спектакле талантливо рисуют А. Шатов (старик Каштанов) и В. Соловьев (майор Каштанов). Это обаятельные, полные жизненной правды портреты наших современников, патриотов социалистической Родины.

Оба спектакля — «За вторым фронтом» и «Особняк в переулке» — выражают живое, действенное, воинствующее участие советского театра в борьбе за мир и демократию, против поджигателей новой мировой войны.

Ал. АБРАМОВ

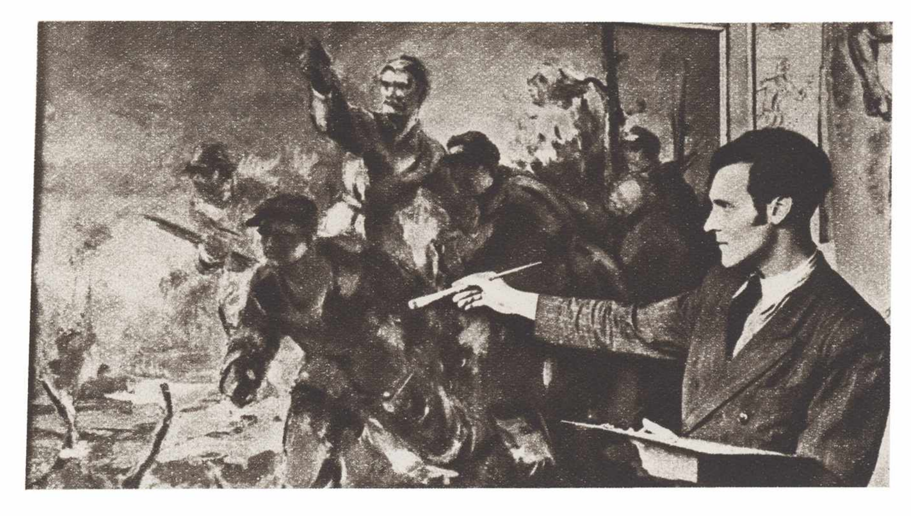

Ректор Академии профессор О. Скулме смотрит картину «Физкультурный парад в Москве» О. Урбанса.

В. Петров за работой над своей дипломной картиной «Восстановление Сталинграда».

Фото Г. Санько и А. Моклецова

Художник У. Пределис пишет картину «Партизаны».

В Латвийской академии художеств

В зеленом кольце живописных рижских бульваров, в одном из самых красивых зданий города, находится Государственная академия художеств Латвийской ССР.

Недавно общественность республики отмечала 30-летний юбилей Академии, организованной первым советским правительством Латвии в 1919 году.

После захвата власти буржуазией искусство в Латвии стало хиреть. Оторванное от народа, отгороженное от великого Советского Союза, оно попало под влияние разлагающегося западного буржуазного искусства.

Лучшие, прогрессивные художники изгонялись из стен Академии. Так, был уволен профессор Тилберг, вынужден был уйти на другую работу профессор Бренцен.

Дыхание новой жизни врывается в стены Академии в 1940 году, после установления в Латвии советской власти. Но уже через год землю молодой советской республики топчут гитлеровские захватчики. В здании Академии размещается немецкий лазарет. Многие из преподавателей и студентов были арестованы, угнаны на принудительные работы.

Освобождение советской Латвии от фашистских оккупантов знаменует начало подъема и расцвета Академии художеств.

Возглавляет ее известный художник, лауреат Сталинской премии О. Скулме. Вместе с группой профессоров и преподавателей: народным художником Т. Залькалном, Э. Калнынем, К. Земдега, вернувшимися снова в Академию Я. Тилбергом, К. Бренценом и другими — в ее стены приходят новые студенты: дети рабочих, бывших батраков, колхозников, демобилизованные воины, недавние партизаны.

Наряду со специальными предметами большое внимание уделяется изучению студентами основ марксизма-ленинизма. Этой наукой наук серьезно овладевают также профессора и преподаватели. Все они занимаются в вечернем университете марксизма-ленинизма.

В Академии ведется решительная борьба с пережитками буржуазного эстетства, буржуазного национализма, космополитизма, за партийное, советское искусство. Новые работы некоторых художников-преподавателей, в частности П. Упитиса, А. Апиниса, К. Убанса, стоявших прежде на позициях формализма, показывают, что они идут по верному пути к социалистическому реализму. Творчество молодых художников последних выпусков и студентов свидетельствует о значительных успехах Академии.

Мы входим в здание Академии в обычный учебный день. Десятки юношей и девушек сосредоточенно работают у своих мольбертов. Это первокурсники, будущие графики. Впереди пять лет учебы — сложный и длительный путь к мастерству.

Кафедрой скульптурного факультета заведует крупнейший художник Латвии Т. Залькалн. Последние годы маститый художник вдохновенно трудится над скульптурой И. В. Сталина. Всю свою любовь к социалистической Родине, к великому вождю советского народа художник воплощает в этой работе.

Наибольшее внимание, естественно, привлекают выпускники Академии, заканчивающие сейчас дипломные работы.

Комсомольца О. Урбанса мы застали в тот момент, когда ректор Академии О. Скулме рассматривал его картину «Физкультурный парад в Москве». Урбанс — один из лучших спортсменов в Академии, неоднократно участвовал в физкультурных парадах в Москве. В монументальной картине он стремится отобразить силу и молодость нашей Родины.

Дипломант Кириллов — участник Великой Отечественной войны, сражался в рядах Советской Армии за освобождение Риги. Недавно он написал картину «Освобождение столицы советской Латвии», выставленную в Окружном доме офицеров. Сейчас Кириллов заканчивает дипломную работу «Возвращение».

Характерно, что все выпускники избрали для своих дипломных работ темы сегодняшнего дня. В этом отношении интересна картина В. Петрова «Восстановление Сталинграда». На берегу Волги мы видим величественный город. Опережая время, молодой художник показывает город-герой таким, каким он будет в ближайшие годы.

Не случайно избрал В. Петров тему восстановления волжской твердыни: он сам уроженец Сталинградской области, участвовал в обороне города-героя. Недавно Петров снова был в Сталинграде, знакомился с его строителями, изучал проекты нового города.

В 1940 году У. Пределис был первым комсоргом Академии. Когда началась война, он добровольцем ушел на фронт. Более двух лет он пробыл в рядах знаменитой партизанской бригады, которой командовал Герой Советского Союза Ошкалн. В прошлом году Пределис с отличием закончил Академию. Живой интерес среди художников вызвала его дипломная работа — триптих «Латвийские партизаны». Под кистью молодого живописца ожили образы боевых друзей и отважных вожаков партизанского движения Латвии.

К своему славному юбилею Академия художеств в Риге пришла, как один из очагов социалистической культуры молодой советской республики.

Евг. РАТНЕР

Спор о судьбе Валентина Листовского

«Аттестат зрелости» в Ленинградском театре юного зрителя.

К. ОРЛОВСКИЙ

Спор о Валентине Листовском не прекращается среди школьников Ленинграда. Они даже посвятили этой теме специальную конференцию. Конференция обсуждала, кто виноват в том, что произошло с Листовским. Немалое число его сверстников заявило, что во всем виноват только он и никто другой. Многие утверждали: не только он один виноват. Виноват и коллектив, виноваты друзья! Это они окружили Листовского поклонением, восхищались им, пели дифирамбы его уму, способностям, остроумию.

— Ну, если быть объективным, то надо сказать, что Листовский действительно и умен, и очень способен, и развит!

— Способен? Да. Но развит? Да, был развит. Пока ему голову не вскружили похвалами и он не перестал над собой работать. Вспомните, с каким опозданием он прочитал «Молодую гвардию»! Позже всех, и то только потому, что Вика спросила его, читал ли он «Молодую гвардию»... А Вика ему нравилась, это всем известно...

— Кстати сказать, он тоже нравился Вике...

— Ну, знаете, если он нравился Вике и они дружили,— она не должна была сразу же отвернуться от него, когда его исключили из комсомола. Друзья должны познаваться в беде.

— В беде, а не в грехе! В конце концов, первым от него отвернулся его ближайший друг Женя Кузнецов.

— Вот он-то и виноват больше всех. Да, да! Я считаю, товарищи, что Кузнецов неправильно понимал дружбу.

— Друзей надо знать! Знать надо друзей!

Это было сказано с такой силой убеждения, что все оглянулись. Произнесший эти слова оказался учеником 8-го класса 245-й школы Виктором Карповым.

— Да, надо знать. А разве Женя знал своего друга? Нет! Он восхищался им. И вот этот-то друг даже не замечал, как Валентин все больше отдаляется от коллектива.

Спор о том, кто виноват в истории Листовского, сменился затем спором о том, что будет с ним после того, как его исключили из комсомола? Сумеет ли он исправиться? Поймет ли свою вину? Найдет ли в себе силы по-настоящему изжить самовлюбленность?

...Валентин не настолько испорчен, чтобы потрясение не пошло ему на пользу. Он словно увидел себя в новом свете. Даже дома обратили внимание на то, что он сразу стал каким-то другим. Бывало, он даже не замечал своего маленького братишку Олега, а тут вдруг стал нежен к нему, стал рассказывать ему сказку. Правда, странная это сказка,— о принце, который держал себя гордецом, не считался с друзьями, вообразил себя лучше и выше всех и кончил тем, что... потерял свой комсомольский билет и был исключен из комсомола!

— Валя, это тебя исключили?— неожиданно раскрывает истинный смысл «сказки о принце» малолетний Олег.

Итак, Листовскому потребовалось потрясение, чтобы он «пересмотрел» самого себя. Он идет на квартиру к учителю Борису Ивановичу, у которого собрались одноклассники, только что получившие аттестат зрелости. Не легко Листовскому явиться к ним с сознанием своих ошибок, своей вины. Как же отнеслись к нему те, кто исключал его из своей, комсомольской среды? Они рассудили примерно так же, как юные ленинградцы, их сверстники — участники конференции, посвященной судьбе Листовского.

Вся история с Листовским оказалась отличным поводом поговорить о роли и значении коллектива, о печальной судьбе тех, кто отрывается от него. Это и есть главная тема спектакля «Аттестат зрелости», поставленного заслуженным деятелем искусств Л. Макарьевым в Ленинградском театре юного зрителя. Пьеса родилась в Новосибирске и принадлежит перу писательницы Л. Гераскиной.

Артисты театра играют пьесу с таким же увлечением, с каким ленинградские школьники обсуждают поведение ее главных героев: Валентина Листовского (артист В. Сошальский), Вики (Н. Мамаева), Жени (К. Кунтышев), Бориса Ивановича (М. Краснер) и других. И той же атмосферой молодости и нравственной чистоты проникнут этот интересный спектакль о семнадцатилетних!

«Аттестат зрелости» в Ленинградском театре юного зрителя. Сцена из 2-го акта. Валентин Листовский — В. Сошальский, Вика — Н. Мамаева.

Фото А. Гладштейна.

В ЗАВОДСКОЙ СТУДИИ

Свой 15-летний юбилей студия изобразительного искусства Дворца культуры Автозавода имени Сталина в Москве отметила открытием художественной выставки.

Выставка, развернутая в залах дворца, не подытоживала работы студии за все пятнадцать лет. Это лишь очередной отчетный показ.

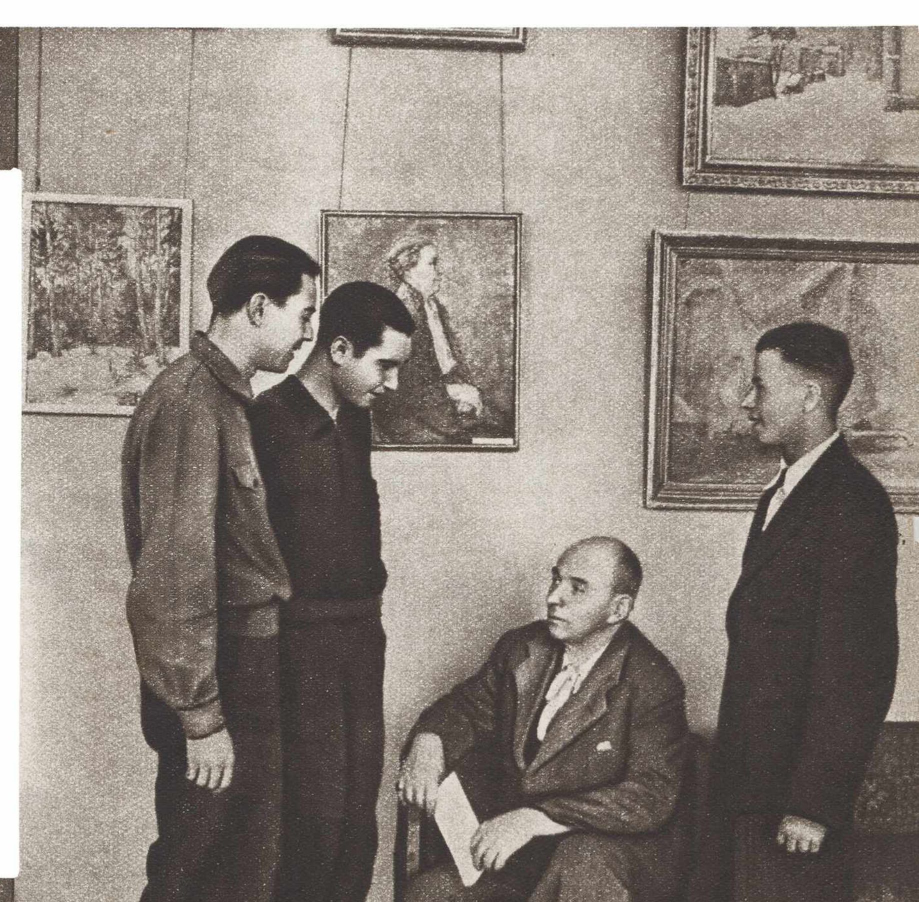
Поражает тематическое разнообразие картин. Молодые художники смело берутся за разрешение сложных сюжетов.

Е. Сорокин выполнил интересную композицию «В. И. Ленин», посвященную выступлению великого вождя на заводе.

17-летний слесарь А. Баринов написал картину «На выборы». Поэзией проникнуты его пейзажные этюды. «Лампочка Ильича в деревне» Н. Пронина, «Колхоз строится» Е. Лаврентьева, «Портрет учительницы А. Штраус» Е. Зильберт и ряд других работ свидетельствуют о немалых достижениях учащихся.

Из ста студийцев половина занимается на детском отделении. Среди ребят выделяются братья Князевы — семи и девяти лет. Посетители выставки особо отмечают их иллюстрации к сказке «Двенадцать месяцев» С. Маршака.

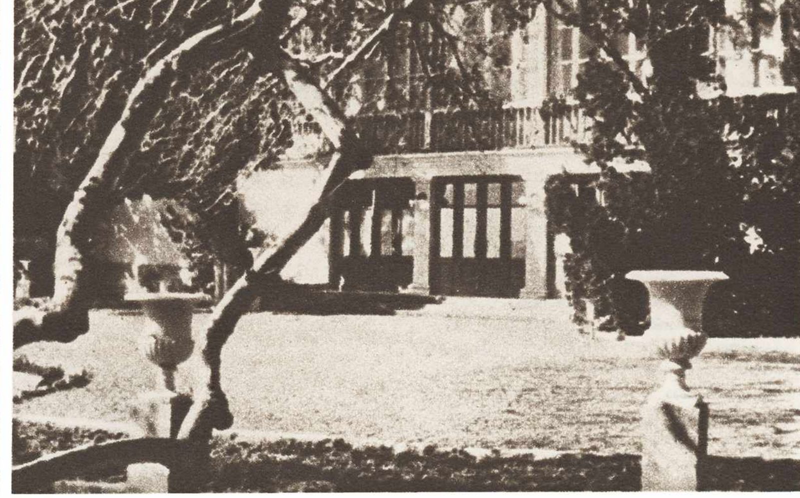
Каждое воскресенье студийцы вместе со своим бессменным руководителем Д. Соболевым отправляются за город, «на натуру». Пристальное изучение природы — один из источников успехов студийцев.

Руководитель студии Д. Соболев (посредине) с учащимися (слева направо) Б. Сергеевым, А. Абдурахмановым и В. Осокиным.

Фото Ю. Говорова

Кадры из фильма «Пушкин». Слева: лицеисты провожают драгун, идущих на войну. Справа: дом Раевских в Крыму, где Пушкин жил в 1820 году.

„Пушкин"

На экранах страны демонстрируется фильм «Пушкин». Авторам его предстояло решить трудную задачу: средствами документального кино воссоздать живой образ гениального поэта нашей Родины, одного из самых выдающихся сынов великой русской нации.

Пушкин встает перед нами в фильме как неукротимый борец против всех тех, кто притеснял его народ, кто не верил в духовные силы России.

В картине показано окружение поэта: друзья его — передовые люди того времени, участники восстания декабристов — и его враги — царское самодержавие, высший свет, — столь ненавидевшие великого поэта России. Это они преследовали Пушкина, это они направили на него руку убийцы. Гневно звучат слова дикторского текста: «Жорж Дантес, во Франции он родился, голландец его усыновил, немецкий кронпринц рекомендовал в русскую гвардию. Безродный наемник, он был избран для расправы с великим поэтом России».

Большое место в фильме уделено Пушкину, как родоначальнику русской литературы. Перед зрителями проходит целая галлерея немеркнущих талантов, преемников Пушкина: Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Толстой, Горький, Маяковский... Советский народ высоко ценит их, дорожит их литературным наследством, чтит их имена. На экране показаны дома, в которых жили и творили эти замечательные люди.

Идеи Пушкина, его лучезарная поэзия вдохновляли и оплодотворяли творчество гениальных русских композиторов: Мусоргского, Чайковского, Глинки... Мы видим Большой театр, сводную афишу с названиями бессмертных опер: «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Руслан и Людмила», «Пиковая дама».

Огромно влияние великого поэта на мировую литературу. Перед нами на экране тома сочинений Пушкина на многих иностранных языках.

Вместе со своим другом, польским поэтом Адамом Мицкевичем, Пушкин мечтал «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Эти времена наступили.

В странах народной демократии Пушкин — любимейший писатель. На экране урок русского языка в одной из школ Праги. Девушка читает хорошо знакомые нам стихи. В ее устах приобретают особый смысл слова:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!

Большая заслуга авторов картины в том, что они дали почувствовать атмосферу пушкинской эпохи. В большой мере этому способствует музыкальное сопровождение фильма.

Съемки картины производились в книгохранилищах и музеях, во многих местах нашей страны, связанных с жизнью и деятельностью поэта. Мы видим прошлую Москву — месторождение Пушкина — и Москву сегодняшнюю — красивую, цветущую; Ленинград с его белыми ночами; квартиру Пушкина на Мойке; места ссылки поэта — Крым, Кавказ, Одессу, Кишинев...

Зал охватывает волнение, когда на экране возникает село Шушенское, домик, в котором жил Ленин, его комната с книгами. Здесь, в царской ссылке, Ленин часто читал любимого им Пушкина.

В школах и библиотеках нашей Родины склоняются над книгами Пушкина молодые таджики, якуты — все те, к кому поэт некогда обратил свои пророческие слова:

Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в
ней язык.

Сбылись слова поэта. Пушкина любят и чтят все народы великой Советской земли.

С. КРАСНОВА

Документальный фильм производства Центральной студии документальных фильмов. Сценарий и текст С. Нагорного. Режиссеры — С. Бубрик, В. Николаи. Операторы — А. Левитан, В. Микоша, Г. Бобров, А. Семин, А. Шафран, Н. Долгов, А. Хавчин. Музыкальное оформление В. Смирнова.

ЦИМБАЛЫ

Цимбалы — старинный и любимейший инструмент белорусского народа. Испокон века звучат они в белорусских деревнях.

И так уже повелось — из рода в род переходило это искусство. Если играл на цимбалах отец, то становился цимбалистом и сын, и маленький внук учился ударять молоточком по звенящим струнам.

Звук цимбал несколько напоминает звук клавесина. Но, как старинный клавесин преобразился со временем в фортепиано, так и древние цимбалы развились до их современного богатого звучания.

Советские музыканты-исполнители во главе с художественным руководителем Государственного Белорусского народного оркестра заслуженным артистом БССР И. Жиновичем мастерски усовершенствовали этот инструмент. Если прежде диапазон цимбал охватывал всего лишь полторы октавы, то сейчас он расширен до трех; созданы цимбалы: примы, альты, тенора, басы, контрабасы. Они составляют такой полнозвучный ансамбль, что остальные инструменты оркестра — дудки, лиры, гармоники, жалейки — только дополняют музыку цимбал.

В составе Белорусского народного оркестра сорок человек. Несмотря на то, что большинство его участников — учащиеся консерватории или музыканты, пришедшие из самодеятельности, этот оркестр — вполне зрелый художественный коллектив, талантливо пропагандирующий народную музыку.

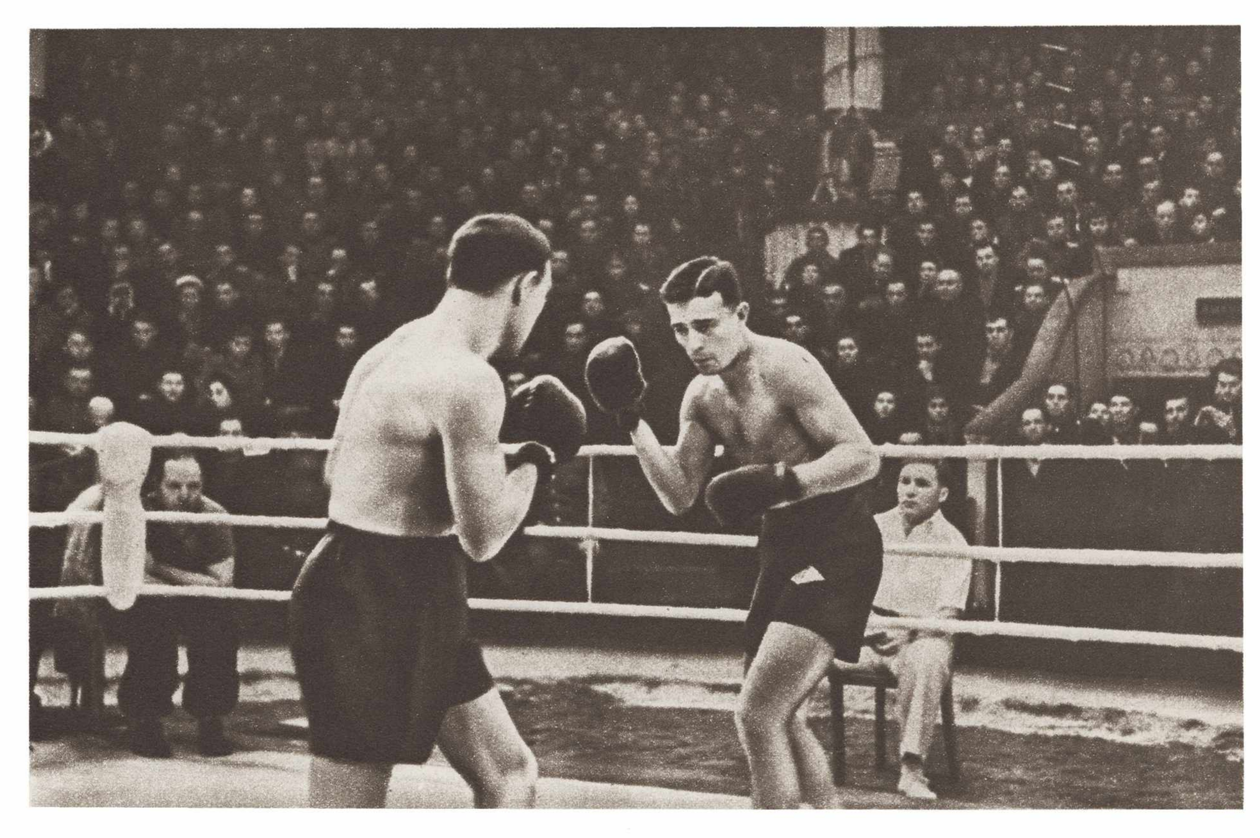
В его разнообразном репертуаре широко раскрываются художественные возможности цимбал. Оркестр исполняет классику в обработке для народных инструментов: произведения Чайковского, Бородина, Лядова, Балакирева, романсы Варламова, Гурилева и специально созданные для него произведения современных белорусских композиторов — старейшего фольклориста Н. Чуркина, Е. Тикоцкого, Р. Каминского, П. Подковырова.

На репетиции Белорусского народного оркестра. Художественный руководитель — заслуженный артист БССР И. Жинович.

Фото М. Савина

Пусть победит лучший...

Бой начался. Е. Огуренков (слева) и В. Чудинов

Они встретились на середине ринга — многократный чемпион Советского Союза Евгений Огуренков и неоднократный чемпион столицы Василий Чудинов.

Оба боксера провели более сотни боев и не раз успешно защищали спортивную честь Советского Союза в международных соревнованиях.

Это была пятая встреча сильнейших средневесов страны. Закадычные друзья, они всегда создавали интересные поединки. Богатый опыт и прекрасное знание бокса делали их встречи захватывающими от первой до последней секунды. В трех первых боях у Огуренкова неизменно находились в запасе пять—шесть лишних ударов, которые он успевал проводить до конца положенного времени, и победа оказывалась на его стороне. Но всякий раз, когда после жестокого боя противники одевались, чтобы вместе отправиться домой, Чудинов убежденно говорил другу: «А все-таки, Женя, я тебя поколочу!»

В четвертом бою Чудинов сдержал свое слово. В жарком сражении он вырвал нелегкую победу.

К пятой встрече, которая должна была решить их долгий спор о ловкости, быстроте и выносливости, противники готовились тщательно и долго: даже живописи, которую так страстно любит Чудинов, стало уделяться времени гораздо меньше обычного. Многотысячная армия любителей бокса ждала этой встречи с большим интересом.

В зале сгустилась напряженная тишина, и руководитель художественной студии Константин Михайлович Молчанов устремил свой взгляд в белый квадрат ринга. Там был один из его студентов, грозный боксер и талантливый художник. Никак не думал старый профессор, что скромный молодой человек, просиживающий подолгу за мольбертом, окажется одним из сильнейших боксеров Советского Союза. Совершенно случайно узнал он об этом. И вот уже второй год он не пропускал ни одного боя, в котором участвовал Василий Чудинов. Каждый раз профессор мысленно выходил на ринг вместе со своим учеником и был с ним всей душой.

...Огуренков резко шагнул вперед и коротко ударил по корпусу противника. Потом он сместился немного вправо и вызвал на атаку Чудинова, умышленно открывая уголок подбородка...

В прежних боях это всегда рождало определенную реакцию: Чудинова сердила неслыханная дерзость, он моментально наносил два сильнейших удара слева — справа подряд, и Огуренков спокойно входил под эти удары в ближний бой.

Но сейчас Чудинов внимательно следит за каждым движением Огуренкова, методически встречая его слева. Он, как кошка лапой, останавливает в последнюю секунду уже готового к атаке противника. Огуренкова не стоит подпускать близко: у него мощные удары снизу и с боку, и он прекрасно освоил ближний бой. Чудинов хорошо знал это. Друзья до тонкости изучили друг друга. Они вместе тренировались к ответственным соревнованиям, не раз боксировали в тренировочных боях. Они даже к встречам между собой готовились вместе. Первые претенденты на звание чемпиона Советского Союза, они никогда не отказывали друг другу в помощи. Огуренков в совершенстве владел всеми тайнами защиты, он охотно делился своими познаниями с Чудиновым. Удивительно сильно бил справа Чудинов, в секреты удара посвящался Огуренков. А в боях между собой приходилось призывать на помощь всю изобретательность и энергию, чтобы вырвать победу. Вот почему их встречи бывали всегда так остры и напряженны.

...Подбородок Огуренкова в третий раз остается без защиты. Женя забылся! Ох, как важно использовать этот момент!

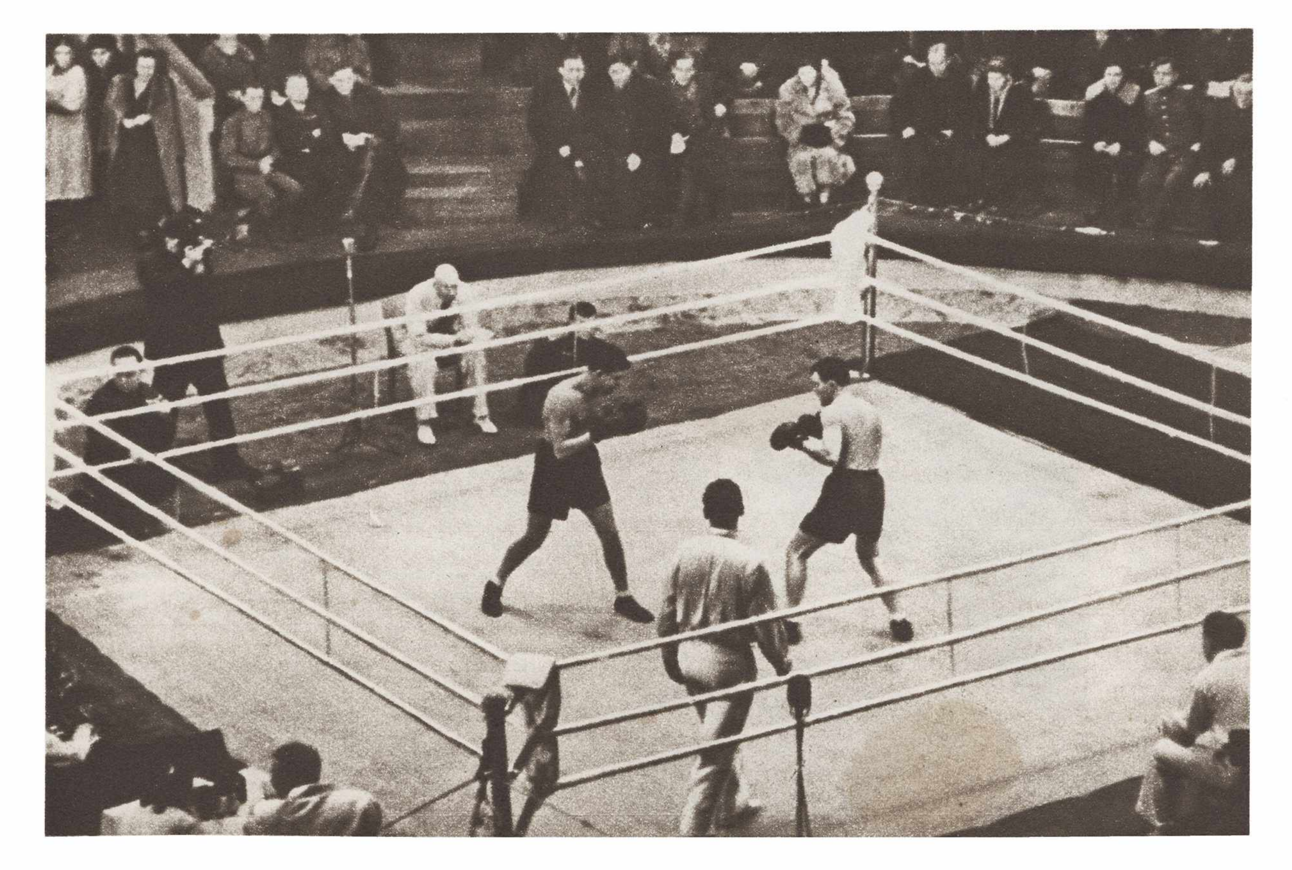
Чудинов бросился вперед.

Три удара Огуренкова, словно короткая пулеметная очередь, встретили атакующего Чудинова.

«О, это ловушка»,—подумал он.

Зал вскипел, и кто-то крикнул: «Женя, давай!»

Бойцы обменялись молниеносными сериями ударов.

Общий вид ринга во время встречи Е. Огуренкова и В. Чудинова.

Константин Михайлович не слышал, как прозвучал гонг, и он с удивлением увидел, что боксеры вдруг опустили руки и спокойно направились в свои углы.

«...Пожалуй, Чудинов проиграл первую схватку,—мелькнуло тревожно. — Но почему он совсем не бьет правой рукой?..»

— Извините, вы за Чудинова?— неожиданно спросил сосед справа.

— Да! — Константин Михайлович насторожился.—Это мой ученик.

— Вы очень сильно переживаете за него, — сосед улыбнулся. — А я за Огуренкова. Мы с ним вместе учились в Промышленной академии...

И обоим стало приятно, что они знают боксеров так близко. Потом новые знакомые увидели, как бойцы встали, и, едва они сблизились, Чудинов провел длинную серию в пять или шесть ударов. Огуренков переждал «бурю», тщательно закрывшись.

«...Только бы не тронул бровь!» — мелькнуло тревожно у него.

Пять дней назад — в последней тренировке — случайно разбили ее. Никто не знал об этом. Но теперь стоит даже слегка попасть по ней, и врач не разрешит продолжать бой.

Темп увеличивался с каждой секундой. Атмосфера на ринге накалилась до предела. Удары сухо отдавались в затихшем зале.

«...Только б не тронул бровь!..»

Чудинов нанес два боковых удара в голову и коротко ударил по корпусу, потом повторил атаку.

Огуренков вяло опустился на колено.

— В угол! — крикнул рефери, и стало тихо.

— ...Пять... Шесть... Можно встать...

Огуренков пошел вперед, избегая ударов противника. Вот так он, Огуренков, измотал противника в Варшаве во время матча советских и польских боксеров. Он заставлял его все время промахиваться. Весь стадион был уверен, что русский будет побежден на первых же секундах. Поляк был тяжелее и выше на голову, но от усталости он... забыл после боя свою фамилию.

В следующем раунде Чудинов не дал Огуренкову выйти из его угла. Он напал сразу же после гонга, провел град прямых ударов, совершенно не думая о защите. Он забыл о грозных ударах противника. И... Чудинов неуклюже метнулся в сторону, а затем, словно оступившись, повалился на канаты.

Зал взорвался оглушительными криками.

— Бой! — раздалось неожиданно через секунду.

Огуренков шагнул навстречу и вошел в ближний бой. Чудинов принял вызов. Пусть он немного хуже знает ближний бой, но он будет биться! Они стояли на месте и наносили удары обеими руками. Это крайнее, на что идет боксер. После боя можно упасть на пол, но сейчас надо отдать все.

Пусть победит лучший!

Гонг!

Противники с секунду постояли в недоумении с неиспользованным запасом ударов, но уже в следующее мгновение, улыбаясь, протянули друг другу руки, затянутые в тугие рукавицы.

Три тысячи пар глаз пытливо впились в судей, склонившихся над белыми листочками.

Потом с самых верхних рядов кто-то не выдержал и крикнул: «Огуренков!»

«Чудинов!» — послышалось с другой стороны, и зал ожил, тысячеголосый, разгоряченный.

Рефери собрал судейские записки и подошел к столу главного судьи.

Наступила напряженная тишина. Томительно медленно тянулось время.

— Победа присуждается Огуренкову!

Чудинов резко повернулся в своем углу и пошел к центру ринга.

— Поздравляю с победой, Женя! — сказал он просто, протягивая руку.

Зрители разом поднялись с мест и аплодировали бойцам стоя.

Душ освежил боксеров и возвратил бодрость. О бое друзья не вспоминали совсем, но когда они уже совсем оделись, Огуренков, взглянув на себя в зеркало, произнес:

— А ведь у меня, Вася, была бровь разбита... Помнишь, без тебя тренировался? Я умышленно не сказал об этом. Не хотел, чтобы ты себя чувствовал виноватым, если б тебе дали победу из-за повреждения моей брови. Но мне повезло: ты почти не бил справа. У тебя что, опять рука... разбита?

— Нет. Бил только наверняка. Мне не нужна была легкая победа.

— Так ты...

— Я знал о твоей брови...

* * *

Жены встретили друзей в дверях.

...Кто-то из них победитель?..

Люся Чудинова торопливо осмотрела лицо мужа и взглянула на Женю.

...Если судить по следам боя, то, пожалуй, выиграл Вася!

Маша Огуренкова стояла рядом, несмело улыбаясь обоим.

У нее громко стучало сердце. В переднюю вошли гости. Никто не смел задать волнующего всех вопроса.

Константин Михайлович первый нарушил молчание.

— Конечно, — сказал он нарочито сурово, — всем хочется знать, кто победитель, не простаивая в длинных очередях за билетом.

— Константин Михайлович! — воскликнула Люся. — Не мучьте нас!

— Я-то что! Это уж вы их просите: пятый раз они выясняют, кто из них сильнее, быстрее, выносливее, и пятый раз ни к чему не приходят! Имейте в виду, они затянут этот спор еще лет на десять!

— Так кто же сегодня-то? — вырвалось у Люси и Маши.

— Попробуйте определить по их физиономиям.

Друзья улыбнулись, и было трудно представить, что эти люди час назад упорно боролись из последних сил за победу.

— Папочка! Поздравляю тебя с днем рождения! — сказала неожиданно девочка в белом передничке и протиснулась к Чудинову.

— Вот единственный человек, который сказал сейчас самое нужное!— Константин Михайлович укоризненно покачал головой. — А вы — кто победил, да кто выиграл... Какое это имеет сейчас значение, когда сегодня Василию Чудинову 30 лет?

За шумным столом наперебой вспоминали их прежние бои и пытались логически решить нелегкую задачу о победителе. Друзья смеялись и лукаво переглядывались. Потом Константин Михайлович стал подробно разбирать последнюю работу своего ученика и сказал, что это уже серьезная удача молодого художника. Затем говорили о многом другом и о боксе совсем забыли.

Виктор ПУШКИН,
мастер спорта

Люди советского спорта

Кандидат технических наук Лев Филимонов

Молодой научный работник и страстный альпинист Лев Николаевич Филимонов за последний год совершил два восхождения. Он взошел на кафедру в институтском конференц-зале для защиты своей кандидатской диссертации и прошел по Безингийской стене на Кавказе, чтобы выполнить норму мастера спорта.

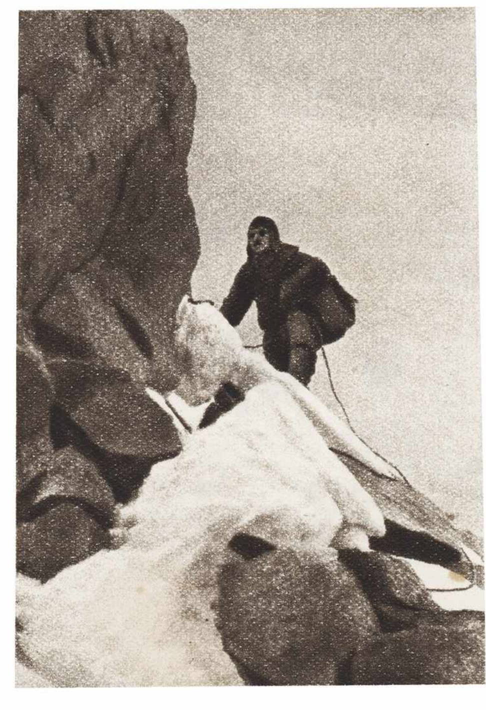
Альпинизмом Филимонов начал интересоваться со студенческой скамьи, уже будучи неплохим лыжником и пловцом. Свой первый альпинистский сезон он провел в окрестностях Домбайской поляны, где поднялся на Софруджу и Заднюю Белалакаю. Техника восхождения на эти вершины довольно проста. Нет нужды применять крючья, рубить ступени, карабкаться по отвесной стене, — словом, вершины эти — первой степени трудности. Но уже на пути к ним познал Лев Филимонов особую радость подъема над равниной, полюбил прелесть горного пейзажа, убедился в силе дружбы, скрепленной глубоким чувством коллективизма.

К лету 1940 года Филимонов имел звание младшего инструктора альпинизма и третий спортивный разряд. Он участвует в новом походе.

Маршрут проходит сначала по леднику, потом вдоль острого, скалистого гребня, все выше, все круче. Теперь приходилось применять веревку и кошки, крючья и ледоруб. Было тяжело, очень тяжело! Но ведь это только третья степень трудности, а есть еще четвертая, пятая!

Следующим летом началась война. Филимонов заканчивает технологический факультет Института стали и направляется на Кузнецкий металлургический комбинат.

В 1943 году Филимонов стал сотрудником лаборатории спектрального анализа, созданной при Институте стали. Оказалось, что именно к этому практическому разделу физики он имеет призвание. Первая же самостоятельная работа Л. Н. Филимонова обратила на себя внимание глубоким проникновением в сущность проблемы, смелыми путями исследований, законченной точностью выводов.

Лев Филимонов во время восхождения на Восточную Шхару (Кавказ).

В конце войны Филимонов, продолжая работать в лаборатории, поступает в аспирантуру Института стали. После напряженной учебы он сдает кандидатский минимум, и в первый же послевоенный отпуск снова отправляется в горы.

Из лагеря Адыл-су на вершину Башкары двинулись четыре человека. Двое из них прекратили восхождение на полпути из-за острых приступов «горной болезни». На вершину поднялись лишь Филимонов и один из его товарищей.

В Москве Лев Николаевич с новыми силами засел за кандидатскую диссертацию. Закончил он ее в прошлом году. Сообщение о выполненной им работе Филимонов делает на всесоюзной конференции по спектральному анализу.

А два месяца спустя Лев Филимонов с отрядом заслуженного мастера спорта Виталия Аболакова прошел над всей пятикилометровой крутизной Безингийской стены. Внизу расстилались луга Сванетии. На пути — хаос бездонных пропастей и обледенелых утесов... Опасности на каждом шагу. Пятая степень трудности! Норма мастера!

В апреле нынешнего года Лев Николаевич Филимонов защищал диссертацию на соискание ученой степени. На кафедре стоял высокий, атлетически сложенный, молодой еще человек, спокойно и обстоятельно докладывавший Ученому совету о сделанных им открытиях.

Работа Л. Н. Филимонова была единодушно признана оригинальным и ценным исследованием. Диссертанту присвоена степень кандидата технических наук.

Е. ВАСИЛЬЕВ

Жизнь собачья

Из американских журналов

Рисунки Г. Валька

Благотворительный суп

Ричард БРАНСТЕН

...Он стоял в очереди за благотворительным супом. Туман окутывал его и серыми каплями оседал на кепке, пальто. Он засунул руки глубоко в карманы, сжал кулаки, врезаясь ногтями в ладони, с которых уже начали сходить мозоли и желтыми полосками слезала кожа.

Очередь подвигалась к черному котлу, у которого два человека в фартуках, охраняемые одетыми в синюю форму полисменами, разливали в миски суп. Они механически зачерпывали суп и совали наполненные миски в протянутые руки. Было тихо. Никто не разговаривал. Безработные угрюмо и злобно ожидали своей очереди.

Очередь шатнулась вперед, и он продвинулся на несколько шагов. Три недели его кормили одними и теми же помоями, совали ему эту бурду, как собаке, словно делая ему одолжение.

Они выгнали его с завода, они не дают ему работы, а теперь кормят этой вонючей жижей и хотят, чтобы он еще был им благодарен!

Сырость пронизывала его до самых костей, колени дрожали от усталости и холода. Они считают это благотворительностью и думают, что все приносят им бесконечную благодарность! Они приходят сюда из своих теплых, натопленных домов, смотрят на очередь и чувствуют гордость. Попы удовлетворенно следят за очередью — есть еще милосердие на свете! Вот вчера поп с самодовольными, сытыми глазками и брезгливым ртом приходил вместе с двумя жирными дамочками в теплых шубах. Он зачерпнул ложку супа и дал попробовать своим спутницам. Они почмокали губами, улыбнулись и одобрительно закивали.

Может быть, они думали, что такая пища слишком хороша для этих людей, не могущих заработать денег даже на пропитание. Постоять бы им в очереди каждый день по многу часов да попитаться этим навозом, этой коричневой мерзостью! Одной и той же, каждый день, без перемен! Они пригубили ложку и ушли обедать, самодовольные, в полной уверенности, что хорошо помогают безработным. Помощь!.. Когда каждый нерв, каждая жилка бунтуют против этого «супа», когда с ними обращаются хуже, чем с собаками! Помощь!..

Очередь, приближаясь к котлу, двигалась быстрее. Уже только четыре человека стояли впереди него. Скоро и ему сунут миску с вонючей бурдой. Он крепче сжал челюсти. Ему видна была дрожащая рука, протянувшаяся за очередной миской. Вот протянуты и его руки, он почувствовал теплоту миски и увидел коричневую жижу, пенящуюся в котле.

— Проходи, ты! Не задерживайся! — и человек в фартуке толкнул его в спину.

Внезапно он выбросил вперед руку и швырнул миску со всем ее содержимым в лицо человеку в фартуке.

— На, возьми! — закричал он. — Возьми эту проклятую, вонючую грязь! Я хочу настоящей пищи, а не...

Синяя форма приблизилась к нему, и вдруг он скорее услышал, чем почувствовал, удар по голове, и мир сразу стал темным и спокойным.

Собачья радость

Джессамин ВЭСТ

В поисках ресторана, где можно было бы перекусить, Джордж и Ада Писмайры обращали мало внимания на встречавшихся людей, но затем бесцельно бродившие по улицам люди, бледные тени, стоявшие на перекрестках, заполнявшие скамейки парков, бросились им в глаза. Это была первая встреча Писмайров с рабочими военного времени, хлынувшими в Калифорнию после того, как они были уволены с заводов и фабрик. Потеряв надежду найти работу, истратив свои сбережения, они приехали в Калифорнию в поисках заработка. Но ничто не изменилось в их положении. Они бродили по улицам, скапливались у фонарей, словно ночная мошкара, ищущими, голодными взорами заглядывали в машины богачей. Ни в одном из ресторанов посетителей не было.

— Почему в ресторанах никого нет? — полюбопытствовал Джордж.

— У людей нет денег, — с присущим ей здравым смыслом ответила Ада.

Наконец, решив зайти в первый попавшийся ресторан, Писмайры заметили белое здание с вывеской «Ресторан «Собачья радость». Решив, что это название употреблено в иносказательном смысле — главным образом в целях рекламы, для привлечения посетителей, — Джордж направился туда. Около ресторана стояло несколько автомобилей.

Джордж и Ада направились к входу в «Собачью радость». Им открылось странное зрелище. Зал ресторана был чистым, светлым. А главное, он был полон радостными посетителями, с энтузиазмом поглощавшими аппетитные блюда. Единственно, что вызывало недоумение Писмайров, — это то, что все обедавшие были собаки.

Чувство удивления и растерянности охватило Джорджа и Аду. Собаки — это было очевидно — привыкли питаться в «Собачьей радости», так как их трапеза проходила необычайно спокойно. Каждая собака сидела за столом в отдельном, огороженном невысокой стойкой кабинете и в уединении, с чувством собственного достоинства вкушала с белых эмалированных подносов. Меню составляли хорошо прожаренные бифштексы по-гамбургски со значительным количеством соуса и приправы из шпината и помидоров. Некоторые собаки, находившиеся, повидимому, на особой диэте, ели исключительно вегетарианские блюда, но большинство из них поглощало бифштексы.

Собак обслуживали расторопные официанты в белых униформах со словами «Собачья радость», вышитыми красным шелком над нагрудными карманами их курток. Атмосфера в зале благодаря аппетитному запаху, а также энтузиазму обедающих была настолько привлекательна для проголодавшихся Писмайров, что они продолжали стоять в дверях даже после того, как выяснилось, что ресторан этот предназначен не для них.

Но когда они решили покинуть зал, владелец ресторана, до сих пор занятый наблюдением за сервировкой специальных блюд для двух превосходных далматских догов, подошел и вежливо приветствовал их.

— Это наиболее приятный и посещаемый ресторан из всех, которые мне пришлось встретить в Калифорнии, — произнес, обращаясь к нему, Джордж Писмайр. — Так аппетитно, спокойно и тихо!

— Иначе и быть не может! У собак весьма чувствительная нервная система. Помещение с зеркалами, например, и с громкой музыкой может довести собаку до помешательства. Я не шучу, — заметив подобие улыбки на лице Джорджа, прибавил владелец «Собачьей радости». — Это проверено экспериментально. Доберман, к примеру, больше недели не выдерживает обстановки, о которой я упомянул. Приведу другой пример: в прошлом году у нас питалась одна сука, почти человеческое создание, привыкшая обедать только вместе со своей хозяйкой. Через три недели после того, как она начала столоваться у нас, периодическая слепота и тик лица, которыми она страдала, прекратились. Она излечилась от этих недугов! — с гордостью закончил он.

Ада перевела дух:

— Пища пахнет просто изумительно!

Владелец «Собачьей радости» кивнул:

— Это необходимо. У собак, как вам известно, чрезвычайно развито обоняние. Поэтому мы приготовляем пищу исключительно из первосортных продуктов. Собака не переносит крахмала, грязных и жирных продуктов, с которыми может примириться человек. Свежие овощи, хорошо прожаренное, первосортное мясо — вот наши принципы.

— Нельзя ли нам перекусить у вас? На кухне хотя бы... — в отчаянии произнес Джордж.

Владелец «Собачьей радости», не говоря ни слова, кивнул головой, приглашая их следовать за собой. Он провел их вниз, в довольно скудно освещенный зал, — здесь обедали люди, а не собаки.

Он подозвал одного из официантов, и через несколько минут Джордж и Ада с жадностью принялись за еду.

— Ада, — произнес Джордж, поднимая вилку, — страна пришла к горестному состоянию, когда собаки живут лучше людей!

Перевод с английского Ю. Смирнова

Что нужно знать о выдержке

Больше половины всех неудач начинающего фотолюбителя приходится на долю неправильных выдержек.

Выдержка зависит от: 1) светочувствительности пластинок или пленок: 2) светосилы объектива или величины диафрагмы и 3) освещенности снимаемого сюжета.

Первые два фактора всегда численно выражены, и фотолюбитель может легко учесть их, помня, что выдержка обратно пропорциональна величине этих факторов. Это значит, к примеру, что пластинки или пленки чувствительностью в 2000° по Х и Д при прочих равных условиях требуют вдвое меньшей выдержки, чем пластинки чувствительностью в 1000°, а при диафрагме 1 : 4,5 требуется выдержка вдвое меньшая, чем при диафрагме 1 : 6,3. Следует иметь в виду, что для удобства перерасчетов выдержки деления диафрагм обычно нанесены на шкалу с таким расчетом, чтобы при переходе от одного деления к другому выдержка изменялась (увеличивалась или уменьшалась) в два раза.

Но насколько легко учесть первые два фактора, настолько же трудно поддается учету третий фактор — освещенность снимаемого предмета. Она изменяется в зависимости и от географической широты местности, и от времени года, и от времени дня, и от состояния погоды.

Кроме того выдержка зависит также от яркости снимаемого предмета. При одних и тех же световых условиях яркий (например, белый) предмет требует более короткой выдержки, чем темный (например, черный). Съемка еще более усложняется, когда фотолюбителю приходится фотографировать сюжеты, в которых одновременно присутствуют предметы и яркие и темные, хорошо освещенные и находящиеся в тени.

В зависимости от сочетания этих условий выдержка может изменяться в огромных пределах: от нескольких секунд до сотых и даже тысячных долей секунды.

Однако в конце концов дело не так уж безнадежно сложно, как это может показаться на первый взгляд.

Прежде всего необходимо рассеять господствующее среди любителей мнение, что для каждого случая съемки существует какая-то одна правильная выдержка. Если это верно теоретически, то на практике оказывается, что отклонения от правильной выдержки могут быть весьма значительными. Выдержку можно изменять в 8—10 раз. Если для данного случая съемки идеально правильной выдержкой будет к примеру 1/30 секунды, то никакой ощутимой разницы в готовых фотоотпечатках мы не обнаружим, если дадим выдержку в 1/10 или в 1/100 секунды. Правда, мы заметим эту разницу в негативах — один из них будет прозрачнее, другой плотнее, но если с первого из них сделать отпечаток с более короткой выдержкой, чем со второго, то полученные два отпечатка ничем не будут отличаться друг от друга.

Но почему же столь часты неудачи у начинающих фотолюбителей, связанные с выдержкой? Эти неудачи объясняются тем, что ошибки значительно превосходят допустимые пределы погрешности.

Таким образом, задача фотолюбителя сводится к тому, чтобы избежать слишком грубых ошибок.

Помочь решению этой задачи на первых порах могут расчетные таблицы и приборы для определения выдержек, имеющиеся в продаже в наших фотомагазинах.

Еще бо́льшую помощь окажут фотолюбителю опыт и практика. Следует не огорчаться первыми неудачами, а учиться на них, запоминая условия съемки, выдержку и конечный результат. Наконец, когда это возможно, надо дублировать съемку, применяя разную выдержку. Даже самые опытные фотографы не пренебрегают этим методом.

Установить заранее выдержки для всех случаев съемки немыслимо, но можно дать ориентировочные данные, ограждающие начинающего фотолюбителя от очень грубых ошибок.

Вот эти данные, рассчитанные на пластинки (пленки) чувствительностью в 1000—1200° по Х и Д.

Летом от 10 до 14 часов, в солнечную погоду, при диафрагме 1 : 6,3:

В светлой комнате	от 1/2	до 1/10	секунды
На веранде	» 1/5	» 1/25	»
Группы и портреты на воздухе, в тени	» 1/10	» 1/50	»
Городские улицы	» 1/30	» 1/200	»

Зимой от 11 до 14 часов в пасмурную погоду при диафрагме 1 : 4,5

В светлой комнате	от 1	до 3	секунд
Портреты на воздухе	» 1/5	» 1/25	секунды
Городские улицы	» 1/25	» 1/100	»
Открытый снежный ландшафт	» 1/50	» 1/200	»

Следует указать, что при съемке движущегося объекта выдержка должна быть тем короче, чем быстрее движение предмета. (Подробнее об этом см. № 41 журнала «Огонек» за 1948 год.)

В заключение нужно напомнить, что погрешности в выдержках, если они не слишком велики, могут быть смягчены умелым подбором сорта фотобумаги при печатании.

Д. БУНИМОВИЧ

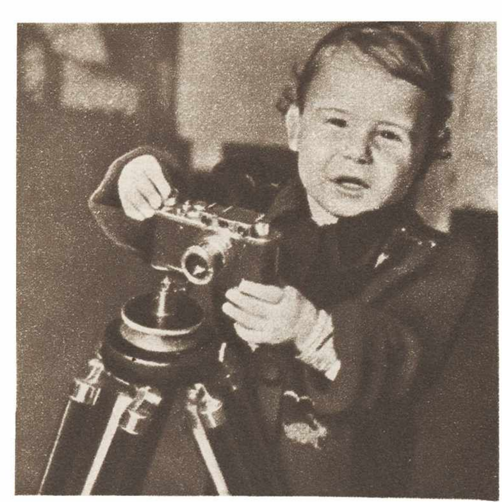
Фотошутка В. Руйковича

ПРИГОТОВИЛИСЬ!

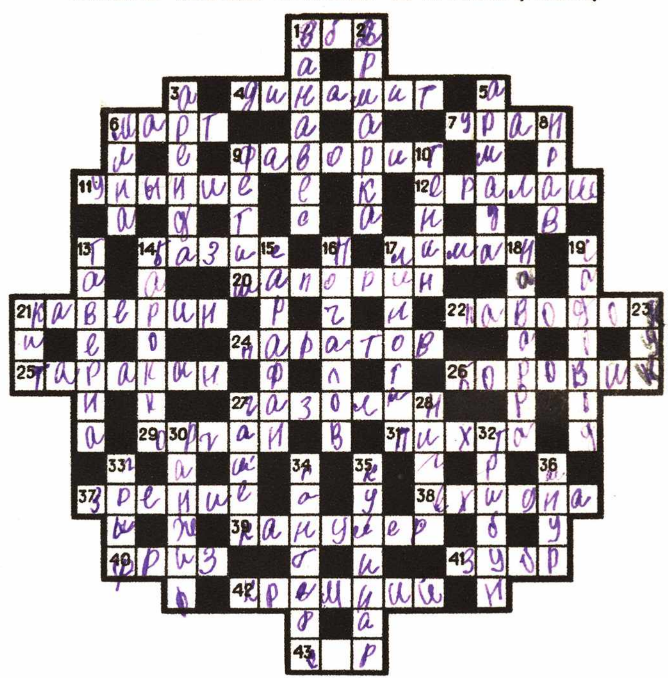
ВНИМАНИЕ! СНИМАЮ...

ГОТОВО!..

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» В. ТРЕНИС (Ростов)

По горизонтали:

1. Река в СССР. 4. Взрывчатое вещество. 6. Название месяца. 7. Радиоактивный металл. 9. Любимец. 11. Подавленное состояние духа. 12. Беспорядок. 14. Основа. 17. Залив, отделенный песчаной косой от моря. 20. Советский композитор. 21. Советский писатель. 22. Разлив реки. 24. Персонаж из пьесы Островского. 25. Насекомое. 26. Гриб. 27. Горючее. 29. Музыкальный инструмент. 31. Хвойное дерево. 37. Орган чувства. 38. Змея. 39. Титул министров в некоторых странах. 40. Бордюр. 41. Дикое животное. 42. Химический элемент. 43. Болотное растение.

По вертикали:

1. Полог. 2. Торжище. 3. Наем недвижимого имущества во временное пользование. 5. Большой военный флот. 6. Снаряд. 8. Характер. 9. Предмет слепого поклонения. 10. Советский киноактер. 13. Харчевня. 14. Стиль в архитектуре. 15. Вид женской одежды. 16. Русский актер-трагик. 17. Типографская машина. 18. Провинция в Северной Испании. 19. Специальность. 21. Морское животное. 23. Английский мореплаватель. 27. Чешский писатель. 28. Река в Западной Африке. 30. Построение по росту в шеренге. 32. Народный оратор. 33. Птица. 34. Хищное животное. 35. Повар. 36. Электрический провод.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 26

По горизонтали:

3. Санки. 5. Аллюр. 10. Тина. 11. Геликон. 12. Анис. 13. Житница. 15. Татарка. 17. «Дачники». 18. Пектаза. 21. Кувалда. 24. Синоп. 26. «Анчар». 27. Смесь. 28. Трюмо. 29. Барак. 30. Норма. 33. Узбек. 35. Нарва. 36. «Колокол». 39. Ранение. 41. Издание. 42. Танкист. 44. Заросль. 48. Стон. 49. Вазелин. 50. Вода. 51. Крыло. 52. Абрек.

По вертикали:

1. Висла. 2. Марка. 3. Станица. 4. Награда. 6. Лунатик. 7. Реактив. 8. Аист. 9. Тибр. 13. Жупан. 14. Анонс. 16. Аванс. 19. Крахмал. 20. Забрало. 22. Украина. 23. Лимузин. 24. Саман. 25. Прага. 31. Откат. 32. «Ермак». 34. Егерь. 37. Книжник. 38. Литавры. 39. Резонер. 40. Нордвик. 43. Нитка. 45. Судак. 46. Озноб. 47. Алмаз.

Подумай!

ОХОТНИЧЬЯ ДРОБЬ

Мастерской потребовался для отливки детали кусок свинца. На складе его не оказалось, и вместо свинца прислали литровую банку с насыпанной доверху охотничьей дробью.

Решили эту дробь расплавить, но возник вопрос о размере куска: достаточен он будет или нет?

Объем дробинок определить было нетрудно, но их разнокалиберность и множество усложняли дело.

Работники мастерской задумались. Наконец один из них предложил очень простой способ, не требующий никаких расчетов.

Предложение приняли.

Пользуясь только одним арифметическим действием — вычитанием, — работники мастерской быстро и достаточно точно определили объем будущего куска.

Что это за способ?

М. БЕЛОУСОВ

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 05276. Подписано к печати 28/VI—49 г. Изд. № 384. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1568. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24

Каждый рубль, отданный взаймы государству, является вкладом во всенародную борьбу за выполнение послевоенной сталинской пятилетки.

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ шесть основных тиражей выигрышей — 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября, 30 ноября и один дополнительный тираж выигрышей — 30 сентября.

В КАЖДОМ ТИРАЖЕ НА ОДИН РАЗРЯД ЗАЙМА В ОДИН МИЛЛИАРД РУБЛЕЙ РАЗЫГРЫВАЕТСЯ

Размер выигрыша	Количество выигрышей	
	в основном тираже	в дополнительном тираже
100.000 рублей	—	1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.688	8.289
ВСЕГО	8.500	11.500

Облигации продаются и покупаются сберегательными кассами.

Цена
3 руб.

